

ВЕСЦІ

НАЦЫЯНАЛЬнай АКАДЭМІі НАВУК БЕЛАРУСІ

СЕРЫЯ ГУМАНІТАРНЫХ НАВУК. 2016. № 4

ИЗВЕСТИЯ

НАЦИОНАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ НАУК БЕЛАРУСИ

СЕРИЯ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК. 2016. № 4

Журнал основан в январе 1956 г.

Выходит четыре раза в год

Учредитель – Национальная академия наук Беларуси

Журнал зарегистрирован в Министерстве информации Республики Беларусь,
свидетельство о регистрации № 394 от 18 мая 2009 г.

*Входит в Перечень научных изданий Республики Беларусь
для опубликования результатов диссертационных исследований, включен в базу данных
Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).*

Редакционная коллегия:

А. А. Коваленя, член-корреспондент, доктор исторических наук,
профессор (*главный редактор*)

В. В. Гниломедов, академик, доктор филологических наук,
профессор (*заместитель главного редактора*)

П. Г. Никитенко, академик, доктор экономических наук,
профессор (*заместитель главного редактора*)

М. С. Макрицкая (*ведущий редактор*)

Е. М. Бабосов, академик, доктор философских наук, профессор

Г. А. Василевич, доктор юридических наук, профессор

В. В. Данилович, кандидат исторических наук

М. П. Костюк, академик, доктор исторических наук, профессор

И. В. Котляров, доктор социологических наук, профессор

А. А. Лазаревич, кандидат философских наук

А. И. Локотко, академик, доктор исторических наук, доктор искусствоведения, профессор

А. А. Лукашанец, член-корреспондент, доктор филологических наук, профессор

М. В. Мясникович, член-корреспондент, доктор экономических наук, профессор

Д. И. Широканов, академик, доктор философских наук, профессор

Редакционный совет:

- А. Н. Булыко**, член-корреспондент, доктор филологических наук, профессор
В. И. Васильев, член-корреспондент, доктор исторических наук, доктор филологических наук, профессор
(Российская Федерация)
П. А. Водопьянов, член-корреспондент, доктор философских наук, профессор
Генцель Герд, доктор хабилитированный (Федеративная Республика Германия)
А. Е. Дайнеко, член-корреспондент, доктор экономических наук, профессор
А. И. Жук, доктор педагогических наук, профессор
В. И. Жук, доктор искусствоведения, профессор
В. П. Изотко, кандидат юридических наук
В. А. Ильин, доктор экономических наук, профессор (Российская Федерация)
С. П. Карпов, академик, доктор исторических наук, профессор (Российская Федерация)
И. Л. Копылов, кандидат филологических наук
Е. Миронович, доктор хабилитированный (Республика Польша)
И. В. Саверченко, доктор филологических наук, профессор
А. А. Сатыбалдин, академик, доктор экономических наук, профессор (Республика Казахстан)
А. В. Смирнов, член-корреспондент, доктор философских наук, профессор (Российская Федерация)
Янг Хионг (Китайская Народная Республика)

Адрес редакции:

*ул. Академическая, 1, к. 119, 220072, г. Минск, Республика Беларусь.
Тел.: + 375 17 284-19-19; e-mail: humanvesti@mail.ru
vestihum.belnauka.by*

ИЗВЕСТИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ НАУК БЕЛАРУСИ.

Серия гуманитарных наук. 2016. № 4.

Выходит на русском, белорусском и английском языках

Редактор *М. С. Макрицкая*

Компьютерная верстка *С. Н. Костюк*

Подписано в печать 20.10.2016. Выход в свет 28.10.2016. Формат 60×84¹/₈. Бумага офсетная.

Печать цифровая. Усл. печ. л. 14,88. Уч.-изд. л. 16,4. Тираж 108 экз. Заказ 198.

Цена номера: индивидуальная подписка – 10,28 руб., ведомственная подписка – 25,21 руб.

Издатель и полиграфическое исполнение:

Республиканское унитарное предприятие «Издательский дом «Беларуская навука».

Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя печатных изданий
№ 1/18 от 02.08.2013. ЛП № 02330/455 от 30.12.2013. Ул. Ф. Скорины, 40, 220141, г. Минск, Республика Беларусь

© РУП «Издательский дом «Беларуская навука».

Вестці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук, 2016

PROCEEDINGS OF THE NATIONAL ACADEMY OF SCIENCES OF BELARUS

SERIES OF HUMANITIES. 2016. № 4

The Journal was founded in 1956

Periodicity is 4 issues per annum

Founder is the National Academy of Sciences of Belarus

The journal is registered on May 18, 2009 by the Ministry of Information of the Republic of Belarus
in the State Registry of Mass Media, reg. No. 394

*The Journal is included in The List of Journals for Publication of the Results of Dissertation Research
in the Republic of Belarus and in the database of Russian Science Citation Index (RSCI)*

Editorial Board:

A. A. Kovalenya, Corresponding Member, D. Sc. of Historical Sciences, Professor (*Editor-in-Chief*)
V. V. Gnilomedov, Academician, D. Sc. of Philological Sciences, Professor (*Associate Editor-in-Chief*)
P. G. Nikitenko, Academician, D. Sc. of Economic Sciences, Professor (*Associate Editor-in-Chief*)
M. S. Makritskaya (*lead editor*)

Ye. M. Babosov, Academician, D. Sc. of Philosophical Sciences, Professor (Republic of Belarus)
V. V. Danilovich, Ph. D. of Historical Sciences (Republic of Belarus)
M. P. Kostsiuk, Academician, D. Sc. of Historical Sciences, Professor (Republic of Belarus)
I. V. Kotlyarov, D. Sc. of Sociological Sciences, Professor (Republic of Belarus)
A. A. Lazarevich, Ph. D. of Philosophical Sciences (Republic of Belarus)
A. I. Lokotko, Academician, D. Sc. of Historical Sciences, D. Sc. of Art Criticism Sciences, Professor
(Republic of Belarus)
A. A. Lukashanets, Corresponding Member, D. Sc. of Philological Sciences, Professor (Republic of Belarus)
M. V. Myasnikovich, Corresponding Member, D. Sc. of Economic Sciences, Professor (Republic of Belarus)
D. I. Shirokanov, Academician, D. Sc. of Philosophical Sciences, Professor (Republic of Belarus)
G. A. Vasilevich, D. Sc. of Law Sciences, Professor (Republic of Belarus)

Editorial Council:

A. N. Bulyko, Corresponding Member, D. Sc. of Philological Sciences, Professor (Republic of Belarus)
A. Ye. Daineko, Corresponding Member, D. Sc. of Economic Sciences, Professor (Republic of Belarus)
Genchel Gerd, Dr. Habil. (Federal Republic of Germany)
V. A. Ilyin, D. Sc. of Economic Sciences, Professor (Russian Federation)
V. P. Izotko, Ph. D. of Law Sciences (Republic of Belarus)
S. P. Karpov, Academician, D. Sc. of Historical Sciences, Professor (Russian Federation)
I. L. Kopylov, Ph. D. of Philological Sciences (Republic of Belarus)
E. Mironovich, Dr. Habil. (Republic of Poland)
A. A. Satybaldin, Academician, D. Sc. of Economic Sciences, Professor (Republic of Kazakhstan)
I. V. Saverchenko, D. Sc. Philological Sciences, Professor (Republic of Belarus)

A. V. Smirnov, Corresponding Member, D. Sc. of Philosophical Sciences, Professor (Russian Federation)
V. I. Vasiliev, Corresponding Member, D. Sc. of Historical Sciences, D. Sc. of Philological Sciences, Professor
(Russian Federation)
P. A. Vodopyanov, Corresponding Member, D. Sc. of Philosophical Sciences, Professor (Republic of Belarus)
Xiong Yang (China)
A. I. Zhuk, D. Sc. of Pedagogical Sciences, Professor (Republic of Belarus)
V. I. Zhuk, D. Sc. of Art Criticism Sciences, Professor (Republic of Belarus)

Address of the Editorial Office:

*Akademicheskaya str., room 119, 220072, Minsk, Republic of Belarus.
Tel.: +375 17 284-19-19; e-mail: humanvesti@mail.ru
vestihum.belnauka.by*

PROCEEDING OF THE NATIONAL ACADEMY OF SCIENCES OF BELARUS.

Humanitarian series, 2016, No. 4.

Printed in Russian and Belarusian languages

Editor *M. S. Makritskaya*

Computer imposition *S. N. Kostsyuk*

It is sent of the press 20.10.2016. Appearance 28.10.2016. Format 60×84¹/₈. Offset paper.
The press digital. Printed pages 14,88. Publisher's signatures 16,4. Circulation 108 copies. Order 198.
Number price: individual subscription – 10,28 byn., departmental subscription – 25,21 byn.

Publisher and printing execution:

Republican unitary enterprise "Publishing House "Belaruskaya Navuka".
Certificate on the state registration of the publisher, manufacturer,
distributor of printing editions No. 1/18 dated August 2, 2013. License for the press No.02330/455 dated December 30, 2013.
Address : F. Scorina str., 40, 220141, Minsk, Republic of Belarus.

© RUE "Publishing House "Belaruskaya Navuka",
Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Series of Humanities, 2016

ЗМЕСТ**ФІЛАСОФІЯ І САЦЫЯЛОГІЯ**

Баньковская Ю. Л. Конфликт ценностей как предпосылка для трансформации социальной системы	7
Зайцев Д. М. Особенности традиционного мусульманского паломничества	13
Котляров И. В. Цивилизационная парадигма белорусского общества: теоретико-методологические основания	20
Соловей А. П. Социальное самочувствие : теоретико-методологический аспект исследования.....	33

ГІСТОРЫЯ

Жылінскі П. А. Ад плана да рынку : пачатак трансфармацыі эканомікі Беларусі ў гады палітыкі перабудовы	38
Савіч А. А. Партызанскі рух у Заходняй Беларусі ў першай палове 1920-х гг. : стан і перспектывы даследавання	46
Дмитриева О. П. Проблема национальных общностей на территории Беларуси в годы Первой мировой войны в зарубежной историографии	56

МОВАЗНАЎСТВА

Ларыёнава А. А. Лінгвістычны статус катэгорыі пэўнасці/няпэўнасці ў беларускай мове	68
--	----

МАСТАЦТВАЗНАЎСТВА, ЭТНАГРАФІЯ, ФАЛЬКЛОР

Мдивани Т. Г. Арт-микст как новая реалья искусства эпохи постмодернизма рубежа XX – начала XXI века	76
--	----

ЛІТАРАТУРАЗНАЎСТВА

Данилович Т. В. Теория чистого искусства в восприятии советских писателей конца 1980-х гг.	85
Герцев В. Л. Типологическая трансформация вечерних газет Беларуси	91

ПРАВА

Овсеян Ж. И. Основные научные концепции суверенитета : классические учения и развитие современного правопонимания	99
--	----

ЭКАНОМІКА

Вертинская Т. С. Размещение производительных сил как инструмент экономической интеграции регионов	110
--	-----

РЭЦЭНЗІІ

Касцюк М. П. Увага да самых старажытных эпох.....	119
--	-----

ХРОНІКА

Адула Т. І. Зменлівыя контуры свету XXI стагоддзя	122
Мікуліч М. У. Дасягненне літаратуразнаўцаў	126

CONTENTS**PHILOSOPHY AND SOCIOLOGY**

Bankouskaya Y. L. Conflict of value as the basis for the transformation of the social system.....	7
Zaitsev D. M. Features the traditional of muslim pilgrimage.....	13
Kotlyarov I. V. Civilizational paradigm of the Belarusian society: theoretical-methodological bases.....	20
Solovey A. P. Social well-being : theoretical and methodological aspect of research.....	33

HISTORY

Zhylynski P. A. From plan to market: the beginning of the transformation of the Belarusian economy in the years of perestroika.....	38
Savich A. A. Partisan movement in Western Belarus in the early 1920s: state and prospects of the study	46
Dmitrieva O. P. Ethnic communities on the territory of Belarus during the World War I in foreign historiography	56

LINGUISTICS

Laryionava A. A. The linguistic status of the category of definiteness/indefiniteness in the Belarusian language	68
---	----

ARTS, ETHNOGRAPHY AND FOLKLORE

Mdivani T. G. Art-mix as the new reality of art postmodern in the era of the twentieth and early twenty-first century	76
--	----

LITERATURE STUDIES

Danilovich T. V. Theory of pure art in the perception of soviet writers end of 1980	85
Gertsev V. L. The typological transformation of the Belarusian evening newspapers	91

LAW

Ovsepyan Z. I. Basic scientific concepts of sovereignty: the classical doctrine and the development of modern legal consciousness	99
--	----

ECONOMICS

Viartsinskaya T. S. Placement of productive forces as the instrument of ensuring of sustainable development of economical integration on the regional level.....	110
---	-----

REVIEWS

Kastyuk M. P. Attention to the most ancient eras	119
---	-----

CHRONICLE

Adoulo T. I. The changing contours of the world of the 21st century	122
Mikulich M. U. Achievement of literary critics	126

ФІЛАСОФІЯ І САЦЫЯЛОГІЯ
PHILOSOPHY AND SOCIOLOGY

УДК 101.1:316.482(043.3)

Поступила в редакцию 17.02.2016

Received 17.02.2016

Ю. Л. Баньковская

*Белорусский государственный аграрный технический университет,
Минск, Республика Беларусь*

**КОНФЛИКТ ЦЕННОСТЕЙ КАК ПРЕДПОСЫЛКА
ДЛЯ ТРАНСФОРМАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ**

Трансформация и дестабилизация социальной системы содействуют кризису функционировавших ранее ценностей и норм. Нарастание социальной напряженности, конфликтность бытия человека в быстро меняющейся противоречивой социальной реальности, небывалая острота конфликтов, охватывающих все новые сферы жизнедеятельности общества, диктуют необходимость философского осмысления конфликтов. Социально-философский анализ конфликта ценностей необходим по причине как их многообразия, так и серьезного влияния на общественные процессы. Их возникновение и развитие означают неспособность существовавшей ранее системы взаимодействий между социальными структурами оставаться в прежних ее качественных характеристиках, свидетельствуют о необходимости выхода из сложившегося неустойчивого состояния в качественно иную систему взаимодействий. Конфликт ценностей представляет собой необходимое условие и движущую силу возникновения, интеграции и дифференциации новых социальных систем, их качественного разнообразия. Исследование его особенностей и специфики практически значимо, поскольку данный анализ поможет обнаружить и привести в действие интегративные социальные механизмы. Данные конфликты способствуют выявлению традиционных норм, формированию новых ценностей, не предусмотренных предшествующим функционированием социальной системы, трансформации ценностно-нормативной социальной структуры, стабилизации и модернизации социальной системы, предотвращению ее деструктивного развития.

Ключевые слова: социальная система, социальный конфликт, ценность, конфликт ценностей, ценностно-нормативная система.

Y. L. Bankouskaya

Belarusian State Agrarian Technical University, Minsk, Republic of Belarus

CONFLICT OF VALUE AS THE BASIS FOR THE TRANSFORMATION OF THE SOCIAL SYSTEM

Destabilization and transformation of the social system led to the crisis of values and norms. The increase conflicts of human existence in a rapidly changing social reality demand a philosophical understanding of conflict. Philosophical analysis of the conflict of values is necessary because of their serious impact on social processes. Their emergence and development means the inability to pre-existing system of interactions between social structures remain in its former qualitative characteristics, it demonstrates the need for exit out of the current fragile state in a qualitatively different system interactions. The conflict of values is a necessary condition of the integration and differentiation of new social systems. The study its characteristics help to detect and trigger the social integrative mechanisms. Conflicts of value contribute to the identification of traditional norms, to the formation of new values that are not providing by the previous functioning of the social system, to the transformation of the value-normative social structure, stabilization and modernization of the social system.

Keywords: social system, social conflict, values, conflict of value, value and normative system.

Понимание современного мирового процесса невозможно без осмысления сущности конфликтов. Процессы, происходящие в мире, породили множество проблем, способствующих обострению старых и появлению новых противоречий. Трансформация всех сфер общественной жизни привела к кризису традиционных норм, ценностей, дезориентации человека в мире. Ценностный релятивизм, отразивший состояние современного общества, стал результатом утраты прежних

духовных идеалов, поднимающих человека над обыденной суетой и скрепляющих общество единым началом. Особую значимость проблемы конфликтов приобретают в периоды социальных деформаций, кризисов, радикальных реформ, когда их появление, развитие и разрешение в значительной степени становятся спонтанными, непредсказуемыми, создающими угрозу жизни людей, устойчивости социальных институтов, функционированию социокультурных норм и ценностей.

Динамика современного мирового развития все время привносит новые контексты, порождает порой неожиданные нюансы, которые содействуют возникновению конфликтов. Не вызывает сомнений то обстоятельство, что в будущем мир будет становиться все более взаимозависимым и взаимосвязанным. С одной стороны, эта мегатенденция к глобальной интеграции обострит вопрос о возможности унификации базовых принципов культурно-цивилизационных систем, универсализации ценностей какой-то одной цивилизации. С другой стороны, общество, сохраняя плюрализм ценностей, должно осознавать неизбежность конфликтов, поскольку существует противоречие между процессом заимствования ценностей различных культур и стремлением сохранить изначально наличествующую систему ценностей.

В современном обществе конфликт ценностей представляет собой одну из наиболее значимых проблем функционирования социальной системы, поскольку он связан с фундаментальными вопросами человеческого бытия. Вся жизнедеятельность человека неизбежно сопряжена не только с познанием предметов и явлений окружающего мира, но и с определением их значения для удовлетворения его стремлений, потребностей и интересов. Ценности представляют собой неотъемлемый элемент всякой деятельности, а значит, и всей человеческой жизни, в каких бы формах она ни протекала. Они не существуют сами по себе, вне общества и человека, которому обязаны своим возникновением. Ценности показывают значимость объектов социальной действительности для человека, выраженную в бытийно-мировоззренческих максимах и императивах. Они выполняют функцию катализаторов, обеспечивающих интегрированность и устойчивость социальных общностей. Таким образом, функционирование ценностей связано с их регулятивным воздействием на поведение индивида. В современном обществе кризис ценностно-нормативной системы стал основной причиной возникновения конфликтных ситуаций. В связи с этим для понимания процессов, свойственных современному обществу, необходимо проанализировать воздействие ценностей на его функционирование.

Каждый человек сознательно оценивает ценности, функционирующие в трансформирующемся обществе, принимает или отвергает их, участвует в формировании новых, понимает свое место в социальной структуре. Социальные отношения содержат ценностный компонент, так как осуществляются по поводу того или иного интересующего человека объекта, предмета, события. Они создаются благодаря человеку и отражаются в дальнейшем в формах общественной жизнедеятельности. Ценностный мир человека является источником формирования новых ценностей, что подтверждается ролью субъективного в преобразовании объективного мира. Индивидуальные представления и воззрения человека формируются при уже существующих ценностях, но на определенном этапе развития человек становится создателем новых ценностей, что приводит к модификации социальной системы. Ее трансформация связана с изменением характера общественных отношений, что нередко содействует образованию конфликта. С одной стороны, модификация социальной системы связана с изменением индивидуальных представлений, с другой – не все сразу осознают данные изменения, участвуют в новых отношениях, приспосабливаются к ним, разделяют и принимают. В ценностно-нормативных воззрениях человека возникает противоречие между прошлыми объектами ценностной ориентации и настоящими. Если человек не приобщается к новым социальным группам, их ценностям, то он не востребован в новых условиях. Особенности трансформации ценностей не ограничиваются данным аспектом. Человек может иметь желание изменяться и соответствовать современности, но в силу действия традиции, благодаря которой уже зафиксированы определенные принципы, взгляды, стереотипы, нормы и правила, это не может произойти быстро. Направленность дальнейшего функционирования ценностей в период трансформации социальной системы зависит от личностного выбора человека. Однако ее нестабильность продуцирует нежелание у него брать на себя ответственность за принятие решений.

Функционирование ценностей социально обусловлено: каждый субъект выстраивает свою иерархию жизненных приоритетов и соответственно ей направляет свою деятельность. Разнонаправленность деятельности социальных групп порождает противоречия. Э. Фромм указывает на разрыв между тем, что человек считает личностными ценностями и реально функционирующими ценностями общества, которыми он неосознанно руководствуется. Хотя в современном обществе официально признанными являются ценности религиозные и гуманистические, такие как индивидуальность, любовь, сострадание, многими людьми они воспринимаются как проявление идеологии и не оказывают реального влияния на мотивацию их поведения. Социальные стандарты и моральные ценности придают человеку чувство общности с другими людьми: «Отсутствие связанности с какими-либо ценностями, символами, устоями мы можем назвать моральным одиночеством. И можем утверждать, что моральное одиночество так же непереносимо, как и физическое» [1, с. 20]. Рыночные условия определяют меркантильный тип характера, который свойственен большинству людей, что объясняет культивирование в современном обществе ценностной установки не на бытие, а на обладание. Ни одна историческая эпоха не сумела решить конфликт между стремлениями человека и возможностями их реализации в обществе. Изменения данной ситуации возможны благодаря ценностной переориентации.

Быстрая смена ценностных ориентиров, их эклектичность лишает социальную систему устойчивости. Исследование особенностей их функционирования противоречиво, поскольку различные ценности могут выступать как основанием социальной солидарности, так и источником конфликта. Таким образом, изучение ценностной природы конфликта приобретает огромное значение, так как соблюдение ценностей, функционирующих в социальной системе, предохраняет ее от дестабилизации.

Причиной формирования ценностных конфликтов являются взаимоисключающие друг друга стереотипы, верования и убеждения, оценки и отношения, общепринятые нормы и стандарты. Это религиозные, политические и иные ценности, присущие социальным структурам и порождающие конфликт между ними вследствие их непринятия: «Моральные ценности и культура: конфликты в этой области возникают тогда, когда государство навязывает собственные ценности людям, принадлежащим другой цивилизации» [2, с. 325]. Изучение нормативно-ценностных систем, акцентирование внимания на их значении для стабилизации и трансформации социальной системы было осуществлено в работах таких исследователей, как Т. Парсонс, Р. Мертон, Л. Козер.

В центре рассмотрения теории структурно-функционального анализа находятся системные качества общества, обеспечивающие его равновесие и порядок. Культура становится тем механизмом, через который общественная система функционирует и приобретает стабильность. Для Т. Парсонса социальная система представляет собой устойчивый комплекс повторяющихся и взаимосвязанных социальных действий, содействующих удовлетворению определенных физических потребностей людей, обеспечивая их материальными ресурсами. Элементы строения социальной системы, независимые от незначительных ее преобразований, описываются с помощью понятия структуры: «Структура – это совокупность относительно устойчивых стандартизированных отношений между элементами» [3, с. 405]. Любое общество состоит из ряда подсистем, таких как экономическая, политическая, социальная и система попечения, которые отличаются друг от друга по своей структуре и функциям. Несмотря на данные отличия, их задача состоит в том, чтобы обеспечить устойчивое развитие общества, его стабильность. Функциональные проблемы социальной системы Т. Парсонс предлагал рассматривать как проблемы распределения и интеграции. Любое действие направлено на сохранение контролирующей систему структур, внутреннюю ее интеграцию, целеориентацию на внешнюю среду и приспособление к условиям окружения. Таким образом, центральными вопросами становятся проблемы порядка, солидарности и сохранения внутренней стабильности общества.

Возникновение дисбаланса между структурными элементами внутри системы Т. Парсонс характеризовал при помощи понятия «напряжение». Возникающее «напряжение» может быть преодолено благодаря методам социального контроля и саморегулирования, что приведет к стабилизации данной системы: «Напряжение – это такое состояние отношения между двумя и более структурированными единицами (т. е. подсистемами системы), для которого характерна тенден-

ция преобразования этого отношения в фактор, нарушающий равновесие на соответствующем участке системы. При достаточно сильном напряжении механизмы контроля не в состоянии поддерживать тот уровень согласованности с соответствующими нормативными ожиданиями, который необходим, чтобы предотвратить разрушение структуры» [4, с. 655]. Таким образом, Т. Парсонс различал два вида процессов, происходящих в любой социальной системе: интегративные и регулирующие, которые обеспечивают восстановление равновесия после ее преобразования. Эти процессы вызывают структурные изменения, затрагивая систему основных ценностей и норм: «Центральное место в сохранении образца занимает структурная категория ценностей... Основной функцией, с этой точки зрения, является сохранение культурной стабильности институционализированных ценностей, достигаемое посредством сочленения ценностей с системой убеждений, куда входят религиозные верования, идеология и т. п.» [4, с. 566]. Нормативные структуры выявляют ориентиры социальных систем. Они организованы в особую иерархию, на вершине которой наиболее общие социальные ценности, а у основания – обособленные обязанности отдельных личностей. Высшие уровни должны контролировать низшие в том смысле, что изменения в низших уровнях не приводят к преобразованиям социальной системы. Конфликт разрешается посредством норм, существующих в высших уровнях. При невозможности их применения создаются новые интегрирующие нормы. Иногда институционализированные нормы противоречат новой возникшей структуре. Данная ситуация приводит к необходимости модификации социальной системы и трансформации ценностей в соответствии с новыми нормами.

Сконструировать модель социального изменения в традициях структурно-функционального анализа попытался Р. Мертон. Он проанализировал причины становления, развития и преобразования социальных систем. Р. Мертон полагал, что гарантом стабильности социальной системы в видении Т. Парсонса было предположение о том, что все ее части гармонично взаимодействуют друг с другом. Существует внутренняя связь между элементами системы, при которой действие каждой части функционально для всех остальных и не ведет к противоречиям и конфликтам между ними. Однако такое единство противоречит реальности, ибо нередко то, что функционально для одной части системы, дисфункционально для другой ее части. Р. Мертон ввел понятие «дисфункция», которое отражает негативные последствия воздействия одной части системы на другую, а также демонстрирует степень интегрированности той или иной социальной системы. В результате разрушения социальных стандартов, общезначимой системы ценностей, распада нормативного и ценностного согласия социальная система приходит в состояние аномии. Нормативно-ценностные стандарты необходимы для стабилизации системы. Р. Мертон полагал, «во-первых, что стандартизированные социальные действительности или же элементы культуры являются функциональными для всей социальной и культурной системы; во-вторых, что все эти социальные и культурные элементы выполняют социальные функции; и, в-третьих, что они тем самым являются необходимыми» [5, с. 400].

Представители структурно-функционального анализа изучали структуры и механизмы, обеспечивающие устойчивость социальных систем. Данная теория представляет собой парадигму, ориентированную на изучение проблем стабильности и равновесия социальной системы, задаваемых и поддерживаемых определенной нормативно-ценностной структурой. Ролевым и статусным отношениям присущи противоречия, структурная нестабильность. Тем не менее социальная система стремится к устойчивости, базируясь на значимых ценностях. Теория структурно-функционального анализа обосновывает только часть социальной действительности. Основное внимание уделялось не социальным конфликтам, а способам достижения согласия в обществе. Л. Козер, К. Боулдинг, Дж. Александер ее преобразовали. Они акцентировали внимание на значении конфликтов в качестве стимуляторов прогресса, факторов совершенствования общественных отношений и институтов, как естественных, всеобщих и неустранимых форм общественной жизни и деятельности, способных быть средством интеграции и стабилизации социальной системы.

Л. Козер полагал, что необходимо исследовать как конфликтные, так и гармоничные отношения между людьми. Он трактовал конфликт как борьбу по поводу ценностей или притязаний на дефицитные ресурсы, статус или власть. Рассматривая природу конфликтного взаимодействия, он выделял два типа конфликтов: реалистические и нереалистические. Первый представляет

собой такой вид взаимодействия, который основан на стремлении людей к достижению желаемой цели, а следовательно, разрешаемый посредством компромисса. При нереалистическом конфликте у его участников отсутствует предвидение последствий. Л. Козер полагал, что в тех случаях, где личный интерес и успех ценятся высоко, конфликт начинает преобладать над личностной моральной значимостью. Это способ приспособления к изменяющимся условиям, содействующий появлению новых социальных норм или обновлению существующих. Таким образом, конфликт содействует как формированию и поддержанию социальной структуры, образованию новых ценностей, так и дезорганизации и дестабилизации системы. Л. Козер рассматривал конфликт как одну из форм социального взаимодействия, как процесс, который при определенных условиях может иметь для общества не только деструктивные, но и конструктивные последствия: «Конфликт не всегда дисфункционален по отношению к системе, в которой он возникает, часто конфликт необходим для ее сохранения» [6, с. 70].

Существование различия в ценностях, стандартах и нормах, неравномерное распределение экономического, культурного, политического и социального капитала содействуют образованию конфликтов ценностей в рамках социальной системы. Они возникают в пределах принятых обществом норм и правил, что нередко приводит к изменению традиционных норм и созданию новых, так как их формирование порождает такие ситуации, которые частично или полностью не были предусмотрены предшествующими нормами, функционирующими в обществе. Выработывая новые нормы и ценности, необходимые для стабильного существования социальной системы, они выполняют функцию стимулятора социальных изменений, поскольку их трансформация обеспечивает функционирование системы в новых условиях. Таким образом, конфликты ценностей способствуют выявлению традиционных норм, формированию новых ценностей, не предусмотренных функционированием социальной системы. Чем полнее социальная система интегрирует изменения, чем активнее инициирует их, тем успешнее она справляется с дестабилизирующими факторами, возникающими в процессе ее развития. В тех случаях, когда скорость изменений превосходит адаптационные возможности системы, она либо искусственно временно поддерживает свое функционирование тоталитарными методами, либо погибает.

В условиях переходных периодов общественного развития происходит нарастание числа и интенсивности конфликтных противоборств. Это приводит к формированию определенных социальных сил, трансформирующих социальную систему, устанавливающих новый характер взаимодействия ее элементов. Если невозможно возвращение к бесконфликтному механизму функционирования социальной системы, необходимо научиться разрешать конфликты, отдавая отчет в их стимулирующем воздействии, когда они развиваются в определенных рамках и, создавая их разрушительный характер, когда они выходят за пределы существующих границ. От правильного регулирования конфликта зависят возможности стабилизации системы, дальнейшее ее существование и развитие в данном виде и качестве.

Преодоление конфликтов и стабилизация социальной системы приводят к необходимости учета ценностно-нормативного фактора для существования общества. Урегулирование конфликта ценностей является условием для дальнейшего устойчивого развития и функционирования системы и приобретает в современном обществе немалую значимость, а следовательно, необходимо осуществить поиск способов ее стабилизации. Можно выделить следующие варианты разрешения конфликта ценностей. Во-первых, это уничтожение всех носителей иной культуры, их ценностей и норм. Во-вторых, закрытие границ между культурами, позволяющее защитить более слабые общества от вторжения ценностей, присущих более сильным обществам. В-третьих, интеграция, которая предполагает создание условий, при которых происходит сглаживание и нивелирование межкультурных различий. В-четвертых, поиск путей и способов согласования культур. В этой ситуации выходом из конфликта является согласование их ценностей, признание значимости каждой из них. В межкультурном диалоге ни одна культура не может претендовать на право единственно верного мирозерцания, а следовательно, отношения между культурами могут строиться только на принципах консенсуса, плюрализма и толерантности. Таким образом, данный диалог содействует трансформации конфликта благодаря раскрытию единства ценностей.

Список использованных источников

1. Фромм, Э. Бегство от свободы / Э. Фромм. – М. : Прогресс, 1990. – 269 с.
2. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон. – М. : АСТ. – СПб. : Terra fantastica, 2003. – 603 с.
3. Парсонс, Т. О структуре социального действия / Т. Парсонс. – М. : Академ проект, 2002. – 877 с.
4. Парсонс, Т. О социальных системах / Т. Парсонс. – М. : Академ проект, 2002. – 830 с.
5. Американская социологическая мысль / Р. Мертон [и др.] ; под общ. ред. В. И. Добренькова. – М. : Междунар. ун-т бизнеса и управления, 1996. – 557 с.
6. Козер, Л. А. Функции социального конфликта / Л. А. Козер. – М. : Идея-пресс : Дом интеллектуальной книги, 2000. – 205 с.

References

1. Fromm, E. (1990) *Begstvo ot svobodi* [Escape from Freedom], Progress, Moscow, RU
2. Huntington, S. (2003) *Stolknovenie civilizaciyi* [The Clash of Civilizations], AST, Moscow, Terra fantastica, Sankt-Peterburg, RU
3. Parsons, T. (2002a) *O stryktyre socialnogo deistviya* [The Structure of Social Action]. Moscow, MA, Academic Project, Moscow, RU
4. Parsons, T. (2002b) *O sotsial'nykh sistemakh* [About the social systems], MA, Academic Project, Moscow, RU
5. Merton, R. [and another], (1996) *Amerikanskaya sociologicheskaya mysl'* [American sociological thought] in Dobrenkova V. I. (ed.), *Int. Univ of Business and Management, Moscow, RU*
6. Coser, L. A. (2000) *Fynkcii sotsial'nogo konflikta* [Functions of Social Conflict], Idea-Press, Intellectual Book House, Moscow, RU

Информация об авторе

Баньковская Юлия Леонидовна – канд. филос. наук, старший преподаватель кафедры философии и истории. УО «Белорусский государственный аграрный технический университет» (пр. Независимости, 99, 220023, Минск, Республика Беларусь). E-mail : ulia_bank@tut.by.

Information about the author

Bankovskaya Yulia Leonidovna – Ph. D. (Philos.), Senior lecturer of Department of philosophy and history. Belarusian State Agrarian Technical University (Independence Avenue 99, 220023, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: ulia_bank@tut.by.

Для цитирования

Баньковская, Ю. Л. Конфликт ценностей как предпосылка для трансформации социальной системы / Ю. Л. Баньковская // Вест. Нац. акад. наук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2016. – № 4. – С. 7–12.

For citation

Bankovskaya Y. L. Conflict of value as the basis for the transformation of the social system. Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus, humanitarian series, 2016, no. 4, pp. 7-12.

Д. М. Зайцев

Белорусская государственная академия связи, Минск, Республика Беларусь

ОСОБЕННОСТИ ТРАДИЦИОННОГО МУСУЛЬМАНСКОГО ПАЛОМНИЧЕСТВА

Статья посвящена мусульманскому паломничеству – существенному и интересному явлению в религиозной жизни народов, исповедующих ислам. Цель исследования – выявить особенности мусульманского паломничества, показать воздействие исторических, географических, культурных факторов на их формирование.

Применялись следующие методы исследования: теоретический анализ и обобщение научной литературы, сакральных текстов, в частности Корана, системный анализ, выделение и синтез главных компонентов.

Паломничество можно рассматривать как форму религиозного поведения. Почитание святых, выражающееся в паломничестве к священным местам, составляет одно из главных проявлений религиозной жизни мусульман. Некоторые святые места обязаны своим происхождением древнему культу предков, обычаю почитать умерших. Особое место в исламской агиографии занимают герои религий и мифологий завоеванных народов. Для миллионов верующих мусульман тот или иной святой – это посредник между ними и Аллахом, их заступник.

Наиболее важным местом паломничества в исламе является Мекка, именно этот город и его окрестности считаются пунктом совершения хаджа и умры. Хотя общими объектами поклонения для всех мусульман остаются священные места в Мекке, Медине и Иерусалиме, представители разных течений ислама дополнительно поклоняются своим святыням.

Возвращаясь из путешествия, паломники приносят домой сформированную религиозную систему взглядов, становятся распространителями идеологии паломничества среди окружающих. Таким образом, сегодня паломничество объединяет мусульман мира в одно многонациональное братство.

Статья может быть полезной для решения актуальных задач взаимодействия с представителями мира ислама.

Ключевые слова: паломничество, ислам, Коран, Мухаммед, хадж, Кааба, культура, традиции.

D. M. Zaitsev

Belarusian State Academy of Communications, Minsk, Republic of Belarus

FEATURES THE TRADITIONAL OF MUSLIM PILGRIMAGE

The article deals with the Muslim pilgrimages as the most important part of the religious life of Islam. The questions of the origin and development of this phenomenon are analyzed. Numerous examples show the diversity of the Muslim pilgrimage. It has been shown that the activity and heritage of pilgrims are an important material for the study of Islamic culture. The most visited pilgrimage cult objects are selected.

Keywords: pilgrimage, Islam, the Koran, Muhammad, Hajj, Kaaba, culture, tradition.

Введение. Ислам, возникший на Аравийском полуострове в начале VII века, со временем приобрел статус мировой религии и сегодня, имея порядка миллиарда последователей, играет ключевую роль в общественно-политической жизни планеты. Очевидно, что изучение данной религии и ее аспектов не просто актуально, но и необходимо, в частности, для прогнозирования поведения мусульман в будущем и отношения их к представителям других религий и культур.

Народы, исповедующие ислам, совершают религиозные путешествия практически с самого начала своего обращения. И на протяжении уже более чем тысячелетней мусульманской истории сложились определенные традиции паломничества. Большинство паломников дополняют религиозными ритуалами свои старания излечиться от болезни или добиться жизненного успеха. Поэтому часто паломничество совершается с целью получить уверенность в своих силах, с целью моральной поддержки принятого важного решения, получения исцеления как телесного, так и душевного, преодоления духовного кризиса, благодарности Богу за произошедшее выздоровление.

Паломничество не является непреложным условием для мусульманина. Ему достаточно совершить хадж один раз в жизни. Все, что делается сверх этого, совершается по доброй воле

и не является обязательным. Тем не менее участие в духовных путешествиях к святым местам в своем большинстве одобряется единоверцами. Это деяние повышает авторитет человека, особенно если он не нарушает правил паломничества, показывает свою «мусульманскую добропорядочность».

Основная часть. Хадж, паломничество в Мекку, включен в список пяти столпов ислама, основных ритуальных предписаний данной религии. Пророк Мухаммед, совершивший в конце своей жизни духовное путешествие в этот священный город, показал пример паломничества для последователей. Посланник Аллаха утверждал, что совершение умры есть повод для прощения грехов до следующей умры, а воздаяние за хадж, совершенный как надобно, не смешанный с грехом и чувством неудовольствия, исполненный в искренности, – только рай [1, с. 13]. Предписания хаджа и умры рассмотрим позже, а пока обратим внимание на иные виды мусульманского паломничества.

Чтобы проследить, как складывалась традиция духовных путешествий в исламском мире, и отметить особенности мусульманского паломничества, следует обратиться к истории. Главным элементом доисламских верований, который был ассимилирован этой религией, стал культ святых, уходящий своими корнями в культ предков, родовых и племенных божеств. По мнению Игнаца Гольдциера, культ святых стал удобным каналом для проникновения в религию пережитков более древних верований. Прежние языческие божества, которым поклонялись жители завоеванных земель, в связи с новыми реалиями перевоплощались в мусульманских святых-авлия [2]. Воспринятый мусульманством из прежних национальных верований сонм святых составил основу исламской агиологии. Очевидно, что последующее включение местных святых в свою систему культа позволило мусульманам существенно облегчить распространение своей религии на завоеванных территориях, в первую очередь не арабских. Со временем места поклонения становятся важными пунктами пропаганды ислама.

В исламской агиологии четко прослеживается доисламский и собственно исламский пласт. Как уже отмечалось, доисламский архаический пласт составляют святые, заимствованные исламом из родовых, племенных культов, а также христианства, иудаизма, буддизма, зороастризма. Своими корнями этот пласт уходит в глубокую древность, где четко прослеживается одухотворение природы – земли, огня, воды, почитание животных, растений, т. е. проявление фетишизма, тотемизма, анимизма. Этим объясняется тот факт, что многие из этих святых мест представляют собой естественные явления, предметы, например, камни, источники, деревья, которые впоследствии включили в свое название человеческое имя. Некоторые святые места обязаны своим происхождением древнему культу предков, обычаю почитать умерших. Доисламские культы входили в ислам со своими древними чертами. Так, герой Сиявуша отчетливо напоминает традиционное во многих религиях умирающее и воскресающее божество, а легенды о Хасане и Хусейне, Кусаме ибн Аббасе – это, по сути, мифы о «страдающем божестве».

Особое место в исламской агиографии занимают герои религий и мифологий завоеванных народов. Например, мусульманский святой Джоумард напоминает зороастрийского первого человека, сотворенного из земли одновременно с первым быком, Гайомарда, а авестийский Йиме – мусульманского Джамишида. Отдельные святые сохранили свое прежнее языческое имя, в частности, святые Биби-сешанби, Биби-мушкиль-кушо, Джоумард-кассаб, Амбар-она, Хубби почитались среднеазиатскими народами задолго до обращения их в ислам. При этом, согласно народным верованиям, святые способны творить чудеса и напрямую общаться с Аллахом. Подтверждением данного факта служит легенда о святом Диван-и-Бурхе.

Хотя в исламе и отсутствует практика канонизации, агиология со временем только расширялась, включала коранических и мифических персонажей, пророков и их сподвижников, шахидов, деятелей суфизма, собирателей хадисов, ученых-богословов. Органично вписались в Коран и мусульманский сонм святых некоторые библейские персонажи: Авраам (Ибрагим), Измаил (Исмаил), Иов (Аюб), Моисей (Муса), Давид (Дауд), Соломон (Сулейман), Иисус (Иса) и другие.

Сегодня духовенство и верующие в основной своей массе воспринимают и обосновывают паломничество к могилам святых как элемент их религии. Гробницы, воздвигнутые над могилами святых, становятся религиозными центрами. Особое значение приобретают могилы потом-

ков пророка Мухаммеда от Али и Фатимы, а также четырех Праведных халифов. Традиционно считается, что они имеют сверхъестественные силы и могут творить чудеса. Паломники надеются на получение благодати и покровительства от святого. Возле могилы мусульмане традиционно читают суры из Корана, совершают ритуальный обход, приносят жертву, надеясь на заступничество святого перед Аллахом [3].

При этом имеется и небольшая часть духовенства, которая порицает данный подход, называя это явление многобожием и язычеством. Мусульманские богословы постоянно спорят о вероятности культа святых в исламе. Например, некоторые ортодоксальные теологи категорически не допускают такой возможности, но их мнение не особо слушали и слушают, так как новые объекты поклонения приносят неплохой доход, и большинство мусульманского духовенства не отказывается от такой возможности. Тем более, в хадисах, как они полагают, находятся конкретные подтверждения почитания святых мест и людей. Те, кто все же продолжал противиться и настаивать на недопустимости культа святых, подвергались гонениям как еретики, на них клеветали, объявляли сумасшедшими.

Традиционно не принявшими культ святых считаются ханбалиты, ваххабиты и их последователи. Например, одним из главных лозунгов Мухаммада ибн Абд аль-Ваххаба и его сподвижников было как раз очищение ислама от языческого культа святых [2]. Но в целом можно сказать, что со временем культ святых органично вошел в ислам и стал его неотъемлемой частью. Для миллионов верующих мусульман тот или иной святой – это посредник между ними и Аллахом, их заступник. А поклонение святым местам – привычная форма исполнения мусульманского культа.

Естественно, паломничество можно рассматривать как форму религиозного поведения. Почитание святых, выражающееся в паломничестве к священным местам, составляет одно из главных проявлений религиозной жизни мусульман. Это может быть как групповое, так и одиночное путешествие к святому месту, совершение там определенных ритуалов, жертвоприношений, молитв. При этом существует практика передавать жертвоприношения святому с кем-нибудь из знакомых, отправляющихся в паломничество.

Обычай совершать паломничество мусульманами к святым местам иногда напоминает совершение хаджа. Это связано с тем, что организаторами таких путешествий зачастую становились хаджи, мусульмане совершившие хадж и имеющие ритуальный опыт. Труднодоступность для основной массы верующих совершения хаджа, посещения Мекки и Медины породило широкую практику паломничества к другим особо чтимым местам. В частности, шииты дополняют хадж посещением могил шиитских имамов – зияратом. Это паломничество к могилам имама Хусейна в Кербеле, четвертого халифа Али ибн Абу Талиба, двоюродного брата пророка, в Эн-Неджефе, имама Резы в Мешхеде и святой Масумы в Куме.

В Средней Азии широко распространена практика посещения святилищ святых – мазаров, которые имеются чуть ли ни в каждом кишлаке и городском квартале. На Кавказе одним из популярных мест паломничества мусульман считается гора Шалбуз-Даг, некогда бывшая языческим святилищем, но, согласно легенде, на ней Мухаммед беседовал с Аллахом, отчего посещение ее приравнивается чуть ли ни к хаджу.

Пути мусульманских паломников сегодня пролегают через многие страны мира, в том числе и те, где большинство населения не является приверженцами ислама. Огромное количество пилигримов стремятся посетить Биби-Айбатскую мечеть и архитектурный комплекс Софи-Гамид в Азейбарджане, священную гробницу Мазари-Шариф в Афганистане, Большую экзотическую мечеть в Буркано-Фасо, Кордовскую мечеть и красный замок Альгамбру в Испании, Голубую мечеть и мечеть султана Хасана в Египте, суфийскую святыню Шариф-Дарга и мавзолей Тадж-Махал в Индии, мечеть Агунт-Демак в Индонезии, святыню Ан-Неджефа в Ираке, знаменитые мечети и мавзолеи Тегерена в Иране, гору Тахт-и-Сулейман в Киргизии, святыни Тимбукту в Мали, гробницы Мултана в Пакистане, Священный город Кайруан в Тунисе, пещеры Соф Омар в Эфиопии и многие другие святые места [4, с. 348–351].

Хотя общими объектами поклонения для всех мусульман остаются священные места в Мекке, Медине и Иерусалиме, представители разных течений ислама дополнительно поклоняются своим

святыням. Как уже отмечалось, например, шииты особым святым местом считают Кербелу, где находится мавзолей убитого Омейядами в 680 году третьего имама Хусейна.

Священный город трех религий Иерусалим важен для каждого мусульманина тем, то именно отсюда, согласно легенде, со Святой скалы на горе Мориа произошло вознесение пророка Мухаммеда к престолу Аллаха, так называемый Мирадж. На Храмовой горе, на месте Иерусалимского храма были построены весьма почитаемые мечети: Куббат ас-Сахра (мечеть Омара) и Аль-Акса, считающаяся третьей по значимости после святыниц Мекки и Медины.

Наиболее важным местом паломничества мусульман является Мекка, именно этот город и его окрестности считаются местом совершения хаджа и умры: «Паломники и те, кто совершают умру, являются гостями Аллаха. Их молитвы будут услышаны, а их просьбы о прощении будут удовлетворены. Наградой за хадж мамбур является Рай» [5, с. 231]. Мусульмане, ежедневно пятикратно совершая молитву, поворачиваются в сторону Мекки, где расположен храм Каабы. Большинство мусульманских ритуалов ориентировано на нее, все кыблы мечетей смотрят на нее, даже после смерти мусульман их тела должны быть повернуты лицом к Каабе. Второе по значимости место исламского мира – Медина, город, где похоронен пророк Мухаммед.

Хадж, в переводе с арабского означающий «стремление к прославленному», совершается с 8-го по 12-е число двенадцатого месяца мусульманского лунного календаря. Именно по этой причине этот месяц и получил название «зу-ль-хиджжа», т. е. «обладающий паломничеством». После правильного выполнения всех ритуалов паломники мужчины обретают титул хаджи, а женщины – хаджах. Хадж, по мнению мусульманских богословов, это репетиция жизни как в этом мире, так и в будущем, включающая в себя любовь, смирение, действия, жертвенность, богобоязненность и торжество над своим физическим «я» [6, с. 27].

О важности хаджа Коран говорит следующее: «И первым Домом поклонения, что был назначен для людей, был тот, что в Мекке, – благословенья полон, путеводитель всех миров! И на людей возложен долг пред Богом – паломничество к Дому совершить» [7, Сура 3, аяты 96-97].

Хадж помогает людям понять мир таким, каким создал его Бог. Ритуалы хаджа знаменуют собой постижение мира. Люди отправляются в хадж не только для того, чтобы получить прощение грехов, но и для того, чтобы стать лучше, научиться заботиться о ближних. Мухаммед называл хадж величайшим знаком веры. Во время паломничества люди перерождаются, становятся иными. Хадж объединяет в себе все акты веры. Хадж показывает, как близко к нам Бог. Сотни тысяч верующих, одетых в простую одежду и стоящих в долине Арафат, в едином порыве повторяют слова: «Вот мы перед тобой, Господи» [8].

Во время паломничества человек забывает о тщете и суеете обыденности, целиком посвящая себя служению Богу. Паломник ведет скромную жизнь, дает обещание хранить веру, раскаивается в своих прегрешениях. Облачившись в ихрам, все люди, независимо от цвета кожи, богатства, национальности, выглядят одинаково. Ничей вид не может вызывать зависть, важна лишь искренность веры в Бога [1, с. 56].

Правила паломничества были сформулированы и канонизированы шариатом. Имеется ряд обязательных условий, при выполнении которых вероятно совершение хаджа и умры: исповедание ислама, Булуг (зрелость), Акл (здоровость рассудка), Хуррия (свобода), Иститоа (возможность совершения). Предпочтительнее совершать хадж, когда человек в хорошем физическом и финансовом положении. Если человек умер, не совершив хаджа, то за него это могут сделать наследники, причем все расходы должны быть выплачены из состояния покойного. Совершающие хадж должны позаботиться о том, чтобы избавиться от долгов и все деньги, потраченные во время паломничества, были заработаны законно с точки зрения ислама. Тем не менее сегодня в мире действует много благотворительных организаций, целью которых является помощь неимущим мусульманам в совершении хаджа.

«Во славу Бога завершите хадж или аль умра, но если вы затруднены, вы жертвенный пошлите дар, что будет вам по силам... И совершайте хадж в известные три месяца. Тот, кто себе в обязанность вменил хадж совершить во время их, от женщин должен воздержаться, от нарушения благочестивых норм и от раздоров на все указанное время» [7, Сура 2, аяты 196-197]. Известные три месяца – это шавваль, зу-ль-ка' да и первые десять дней зу-ль-хиджжа. В другие

месяцы надевать специальную одежду неправильно, кроме как для умры, которую можно совершать в любое время года.

Между мужчиной и женщиной нет различий в том, что касается хаджа и умры. Женщины, как и мужчины, соблюдают все обряды умры и хаджа, как и требования «ихрама». Но при этом женщины принимают «ихрам», оставаясь в своем обычном скрывающем одеянии и с открытым лицом, если их не смущает чувство соблазна [8, с. 96].

Во время хаджа запрещены: половая связь и все, что ведет к ней, совершение грехов, которые заставляют сойти с пути поклонения Аллаху, ссоры с людьми, ношение неподобающей одежды, убийство животных и обрывание листы. Не следует использовать в паломничестве украшения и благовония.

Ритуал паломничества был детально разработан уже после смерти Мухаммеда средневековыми мусульманскими улемами. Они выработали отдельный жанр записок о путешествии к святым местам рихля. Наиболее известные из таких писателей – это арабские путешественники из мусульманской Испании и Северной Африки XII–XIV веков Ибн Джубайра и Ибн Баттута.

История обрядов хаджа восходит еще к временам первочеловека. Само паломничество приурочено к трем знаменательным событиям в истории ислама – воссоединению Адама и Евы после их изгнания из Рая, готовности Ибрахима (Авраама) принести в жертву своего сына Исмаила ради Бога и жизнь Пророка Мухаммеда, как пример смирения и покорности Господу Богу.

Отправиться в хадж означает отправиться на встречу с Создателем. Около четырех тысяч лет назад пророк Ибрахим исполнил свою миссию. По сути, паломничество символизирует то, что люди готовы следовать заветам Ибрахима. Ни Кааба, ни «черный камень», первые святыни Бога на земле, не являются объектами поклонения, они лишь символы единения мусульман. «Черный камень» – это белый яхонт из рая, который был дарован Аллахом Адаму. Со временем камень стал черным из-за грехов и порочности людей. Но, следуя примеру Пророка, паломники и сегодня целуют черный камень, как дань уважения Ибрахиму, который укрепил его в стене Каабы.

Последовательность хаджа такова. Вначале паломник облачается в ихрам, на седьмой день зу-ль-хиджжа происходит первый обход вокруг Каабы, затем семикратный бег между холмами Сафа и Марва. Далее паломники направляются к священному колодцу Замзам и совершают молитвенное стояние в долине Арафат. Десятого зу-ль-хиджжа паломник направляется в долину Мина, где бросает семь камней, подобранных в Муздалифе, в последний из трех столбов, символизирующий Иблиса (Сатану). Совершив жертвоприношение, паломники обривают или коротко подстригают волосы и укорачивают бороды, женщины при этом отрезают прядь волос. И наконец, после «прощального» обхода вокруг Каабы паломники выходят из состояния ихрам [9].

Важнейший мусульманский праздник, который обозначает конец хаджа, называется праздником жертвоприношения, у нас он более известен, как Курбан-Байрам. Во время торжества большую часть жертвенного мяса раздают бедным.

В отличие от хаджа «малое паломничество» – умра – совершается, как уже было сказано, в любое время года. Выполнение умры не освобождает мусульманина от обязанности совершить хадж. При этом обряды большого и малого паломничества схожи, и приверженец ислама может совершить их как по отдельности, так и вместе.

Посещая Медину, мусульманин выполняет наставление пророка Мухаммеда, который говорил: «Тот, кто совершает хадж и не посещает меня, – ничтожен. Тому, кто посетит мою могилу и поприветствует меня, – воздастся ответным приветствием» [5, с. 354]. Посещение мечети и гробницы Пророка в Медине, согласно Сунне, приносит большую награду. Посланник Аллаха говорил, что посещение его после смерти равно посещению его при жизни. И это посещение можно совершить как до, так и после хаджа. Существуют определенные правила для тех, кто направляется в Медину. Паломнику следует быть в красивой чистой одежде, войдя в мечеть с правой ноги, подойти к могиле Пророка, пожелать ему мира и благословения Аллаха, затем поприветствовать Абу Бакра и Умара ибн аль-Хаттаба и лишь после этого помолиться за себя, свою семью, друзей, всех мусульман. Пройдя к кладбищу Джаннат аль-Баки, где похоронены многие сподвижники и члены семьи Пророка, смиренно и с искренностью следует поприветствовать и их.

Паломнікі, посещаючы Медину, абавязальна моляцца в мечети Кубы, как это делал в свое время Пророк, посещая мечеть каждую субботу: «Тот, кто совершает омовение дома, а затем идет и молится в мечети Кубы, получит награду, как за умру» (Насаи. «Масаджид» 9:2,37).

Таким образом, сегодня паломничество объединяет мусульман мира в одно многонациональное братство. Ежегодно более двух миллионов мусульман совершают хадж, и это далеко не все желающие, так как власти Саудовской Аравии вынуждены ограничивать въезд в страну по причине невозможности разместить всех.

Заклучение. Для последователей Мухаммеда духовные путешествия к святым местам имеют особое значение. Мусульманское паломничество относится к особо достойным видам поклонения. Это очищение от грехов, а также показатель высокой духовности и искренней преданности верующего. Оно в какой-то мере компенсирует не всегда выполненные религиозные предписания в повседневной жизни, когда домашние дела и заботы не позволяют постоянно совершать ритуалы. Во время паломничества внутренняя религиозность резко возрастает, появляется набожность, стремление своими действиями заслужить в глазах окружающих авторитет «правовверного мусульманина».

Паломничество является формой пропаганды и распространения религиозной идеологии. Учитывая, что данная идеология сформировалась довольно давно, верующий мусульманин слепо ей подчиняется, как подчинялись ей и их предки. Отсюда и некритически воспринимаемый авторитет легенд святых мест, и боязнь нарушить ритуал. Эта идеология передается как в вербальных, так и в невербальных формах: «У паломника под воздействием окружающих его верующих людей и коллективных культовых действий складывается убеждение, что рекомендуемая религиозность является суперсистемой, чем-то более существенным по отношению к другим ценностям, которые в паломничестве отодвигаются на второй план» [10, с. 63].

Особую значимость для мусульманина приобретают путешествия в Мекку, где находится Кааба, и Медину, город пророка. Мухаммед называл хадж величайшим знаком веры. Мусульмане всех национальностей и рас, облаченные в одинаковые одежды ихрам, ощущают в Мекке свое единство и братство. Духовное значение хаджа заключается в том, что, покидая на время свой дом и перенося тяготы путешествия, паломники тем самым совершают внешнее и внутреннее очищение, внося мир в свои души. Хадж, который безгрешен и отмечен угодуностью Аллаху, представляет собой одно из самых лучших, добродетельных деяний в исламе.

Хотя в Коране и сложно найти указания об обязательном поклонении иным мест, паломничество к святым местам стало основной формой проявления культа святых [11]. Возвращаясь из путешествия, паломники приносят домой сформированную религиозную систему взглядов, становятся распространителями идеологии паломничества среди окружающих.

Список использованных источников

1. Аккая, В. Хадж / В. Аккая. – М.: Новый свет, 2008. – 136 с.
2. Культ святых в исламе [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Культ святых в исламе](https://ru.wikipedia.org/wiki/Культ_святых_в_исламе). – Дата доступа: 03.06.2016.
3. Хамд, Аль Муаммар. Опровержение могилопоклонникам / Аль Муаммар Хамд. – Эр-Рияд: Дар аль-Асима, 1988. – 182 с.
4. Мусульманские места мира / авт.-сост.: Н. Н. Непомнящий, Н. И. Шейко. – М.: Вече, 2012. – 352 с.
5. Зегидур, С. Повседневная жизнь паломников в Мекке / С. Зегидур. – М.: Молодая гвардия, 2008. – 417 с.
6. Хан, С. Хаджж / С. Хан. – М., СПб.: Диля, 2005. – 40 с.
7. Коран / Перевод смыслов и комментарии В. Прохоровой. – Тегеран: IPCo, 2009. – 816 с.
8. Хадж / сост. Мухаммед Аль-Газзаль. – М.: Междунар. журн. «Панорама», 1993. – 104 с.
9. Хадж [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Хадж>. – Дата доступа: 03.06.2016.
10. Цюпак, Э. Социология паломничества / Э. Цюпак // Euhemer. – 1965. – № 1. – С. 61–65.
11. Климович, Л. И. Книга о Коране, его происхождении и мифологии / Л. И. Климович. – М.: Политиздат, 1986. – 270 с.

References

1. Akkaya, V. (2008) *Khadzj* [Hajj], The New World, Moscow, RU
2. “The cult of saints in Islam”, Available at: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Культ святых в исламе](https://ru.wikipedia.org/wiki/Культ_святых_в_исламе) (accessed 3 June 2016).
3. Hamd, Al Muammar (1988) *Oproverzhenie mogilopoklonnikam* [Disclaimer of gravefans], Dar al-Asim, Er – Riyadh, SA

4. Nepomnyashchii, N. N. and Sheiko, N. I. (comp.) (2012) *Musulmanskie mesta mira* [The Muslim places of the world], Veche, Moscow, RU
5. Zegidur, S. (2008) *Povsednevnyaya zhizn' palomnikov v Mekke* [Daily life of pilgrims in Mecca], Young Guard, Moscow, RU
6. Khan, S. (2005) *Khadzh* [Hajj], Diehl, Moscow, SPb., RU
7. (2009) *Koran* [The Qur'an], IPCo, Tehran, IR
8. Al-Gazzal, Mohammed (comp.) (1993) *Khadzh* [Hajj], Internat. The magazine "Panorama", Moscow, RU
9. "Hajj", Available at: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Хадж> (accessed 3 June 2016).
10. Tsyupak, E. (1965) "Pilgrimage Sociology", *Euhemer*, no. 1, pp. 61-65.
11. Klimovich, L. I. (1986) *Kniga o Korane, ego proiskhozhdenii i mifologii* [A book about the Quran, its origins and mythology], Politizdat, Moscow, RU

Информация об авторе

Зайцев Дмитрий Михайлович – канд. филос. наук, доцент, проф. кафедры гуманитарных наук. УО «Белорусская государственная академия связи» (ул. Ф. Скорины, 8/2, корп. 1, 220114, Минск, Республика Беларусь). E-mail : mdizaj@tut.by.

Для цитирования

Зайцев, Д. М. Особенности традиционного мусульманского паломничества / Д. М. Зайцев // Вес. Нац. акад. наук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2016. – № 4. – С. 13–19.

Information about the author

Zaitsev Dmitry Mikhailovich – Ph. D. (Philos.), Associate professor, Professor of the Department of Humanities. Belarusian State Academy of Communications (F. Scorina Str., 8, b. 2, educational building 1, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: mdizaj@tut.by

For citation

Zaitsev D. M. Features the traditional of muslim pilgrimage. Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus, humanitarian series, 2016, no. 4, pp. 13-19.

И. В. Котляров

Институт социологии НАН Беларуси, Минск, Республика Беларусь

ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ ПАРАДИГМА БЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВА: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ

Предпринята попытка создания парадигмы конкретных действий, позволяющей, используя современные методы анализа и научного объяснения, определять смыслы и ориентиры развития различных событий, предлагать установки для общественной деятельности, выявлять причины, детерминирующие те или иные негативные процессы и явления, находить способы их устранения, поддерживать инновации, формировать эффективные модели власти и гражданского общества, рыночной экономики и правового государства. В рамках данного подхода анализируется дефиниция «цивилизационный код», определяется место и роль его основных факторов в системе общества. Среди них – географический ареал, смысл жизни, ценности, историческая память, обычаи и традиции, национальная идея, менталитет, мировоззрение, идеология. Предлагается конкретный социальный механизм влияния на развитие цивилизационных ценностей, формирование установок, взглядов, идей, идеалов, интересов, убеждений и норм белорусского общества.

Ключевые слова: цивилизационный код, цивилизация, парадигма, общество, нация, культура, национальная идея, религия, идеология, конфессии, образование, спорт, смысл жизни, ценности, историческая память, традиции, менталитет, мировоззрение, национальная идентичность.

I. V. Kotlyarov

National Academy of Sciences of Belarus, Institute of Sociology, Minsk, Republic of Belarus

CIVILIZATIONAL PARADIGM OF THE BELARUSIAN SOCIETY: THEORETICAL-METHODOLOGICAL BASES

The article attempts to create a paradigm of specific actions, allowing, using modern methods of analysis and scientific explanation to determine meanings and reference points of different events, to offer systems for social activities, to identify the causes that determine these or other negative processes and phenomena, to find ways to eliminate them, to support innovation, to form an effective model of government and civil society, market economy and the rule of law. Under this approach the definition of «the civilizational code» is analyzed, and also the place and role of major factors in the company system is determined. Among them are the geographical areas, the meaning of life, values, historical memory, customs and traditions, national idea, the mentality, worldview, ideology. It is proposed a specific mechanism of social influence on the development of civilization values, formation, attitudes, ideas, ideals, interests, beliefs and norms of Belarusian society.

Keywords: civilization code, civilization paradigm, society, nation, culture, national idea, religion, ideology, religions, education, sports, the meaning of life, values, historical memory, tradition, mentality, world view, national identity.

За последние несколько десятилетий мир изменился прямо на глазах. С одной стороны, современное общество продолжает упорно идти вперед, развиваться, целеустремленно накапливать знания. Стремительно совершенствуются технологии. Человечество вступило в стадию формирования шестого технологического порядка, ключевыми направлениями которого являются нанотехнологии, генная инженерия, системы искусственного интеллекта, глобальные информационные сети и высокоскоростные транспортные системы, клеточные и энергосберегающие технологии. Бурный общественный интерес вызвали такие научные открытия, как бозон Хиггса, квантовая телепортация и эксперименты на Большом адронном коллайдере. Биоинженерия, астробиология, квантовая информатика и телепортация, другие фантастические отрасли знания сулят самые невероятные открытия. Казалось, что с помощью современной науки можно расширить человеческие возможности, создать более богатый, разумный и справедливый мир. Однако, с другой стороны, мир становится все хуже и хуже, злее и жестче. XX век пережил трагические события, связанные с двумя мировыми войнами, государственными переворотами, гражданскими войнами, распадами государств. Крушение Советского Союза заложило основы будущих конфликтов. Драматические события, начавшиеся в Тунисе и Египте, получили продолжение

в других странах. Печальное тому подтверждение – Сирия. А сколько погибло мирных граждан во Франции, Бельгии, Германии. Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко отметил: «Посмотрите, что происходит сегодня на планете. Такое ощущение, что мир просто обезумел. Стремительно множится число региональных конфликтов, провоцирующих масштабные миграционные кризисы. Возникают целые террористические квазигосударства, несущие угрозу для всего мирового сообщества. Даже благополучная Европа сегодня не может чувствовать себя в безопасности. Санкционные, информационные войны доводятся до абсурда. Ведущие мировые игроки упражняются в воинственной риторике и бряцании оружием» [1].

Но как жить дальше? Уже никто не спорит, что будущее формируется сегодня. Будущее – это опрокинутое в настоящее прошлое. Настоящее должно учиться у прошлого, как построить будущее. Сегодня на наших глазах разворачивается битва за будущее, от результатов которой зависит не только расстановка сил в ближайшей перспективе, но и контуры будущей цивилизации.

Белорусское общество находится сегодня на таком этапе своего развития, когда поиск путей выхода из кризиса и повышения эффективности национальной государственности требует применения принципиально новых методов постижения социальной реальности. Существует явная потребность в теории, раскрывающей общие закономерности современного общественного развития. Одной из важнейших задач современной науки в целом и белорусской социологии в частности является создание такой парадигмы конкретных действий, которая позволит, используя современные методы научного объяснения, не только анализировать причины будущих изменений, но и определять смыслы и ориентиры событий, предлагать установки для деятельности, выявлять причины, детерминирующие те или иные негативные процессы и явления, находить способы их устранения, поддерживать заслуживающие внимание инновации, формировать эффективные модели власти и гражданского общества, рыночной экономики и правового государства. В этом ракурсе важны и интересны социологические исследования, которые постоянно проводит Институт социологии НАН Беларуси, отражающие отношение жителей к происходящим в стране процессам и событиям.

Институт социологии НАН Беларуси долгие годы проводит социологический мониторинг – систематически повторяющиеся социологические исследования, проводимые по специально разработанной методике с применением специализированного инструментария, направленные на выявление важнейших тенденций и закономерностей развития белорусского общества и принятие необходимых управленческих решений. Социологическая анкета состоит из двух частей – обязательной и ситуационной. В обязательную часть входят блоки вопросов, касающиеся оценки социально-экономической и политической ситуации в стране, социальных и экономических проблем, вызывающих напряженность в обществе; экономических нововведений; рейтинга политических структур и органов государственного управления; оценки качества жизни и межконфессиональных отношений; возможного участия граждан в забастовках, митингах, акциях протеста и т. д. Причем эти вопросы, как правило, повторяются из года в год. Это позволяет достаточно точно прогнозировать развитие социально-политической ситуации в стране [2–4].

В конце 2014 г. ученые института сделали принципиально новый ход в социологии и определили, какой же видят жители Беларуси свою страну в будущем. Прогнозированием социология, как правило, не занимается, и фундаментальное социологическое исследование «Беларусь-2030» было первым на постсоветском пространстве. По результатам данного опроса и мониторинговых исследований была издана коллективная монография «Беларусь на пути в будущее: социологическое измерение» [2].

Если говорить о результатах в целом, то сделан вывод, что Республика Беларусь состоялась как сильное и независимое государство. Создан прочный фундамент, позволяющий белорусскому обществу и национальному государству развиваться по всем направлениям. Несмотря на сложнейшую социально-политическую ситуацию в конце прошлого и начале этого столетия, многочисленные экономические и финансовые проблемы, колоссальное давление извне, белорусское государство успешно движется вперед. Белорусский народ сохранил исторические и культурные ценности, искусство и мировоззрение предшественников, самобытные традиции, которые бережно передаются от поколения к поколению. Более трех четвертей жителей страны с уверенностью

и оптимизмом смотрят в будущее, считают, что Беларусь способна и дальше развиваться и прогрессировать, чтобы занять более достойное место в мировом сообществе [2–4].

Вместе с тем обнаружен достаточно любопытный тренд, на который ученые института раньше не обращали особого внимания. Оказывается, в белорусском обществе достаточно высок индекс общественных ожиданий, который показывает, насколько оптимистично смотрят жители Беларуси в будущее. Респонденты не только видят национальное государство сильным и процветающим, но и готовы приложить максимум усилий для этого, чтобы эти ожидания сбылись. Как показывают социологические исследования, индекс общественных ожиданий зависит от многих факторов, но, прежде всего, от человеческого потенциала общества, образования и культуры его членов, их готовности и способности к активным действиям, своевременному и адекватному ответу на множественные вызовы, риски и угрозы.

Каждая нация и государство имеют свои исторические, национальные и социокультурные историю и традиции, ценности и особенности. Они также влияют на будущее. Их важно понять, почувствовать, изучить. Так, ученые Института социологии НАН Беларуси вышли на идею выявления и изучения влияния различных субъективных факторов и объективных причин на формирование будущего состояния национального государства, на выявление парадигмы цивилизационного кода белорусского общества.

Сразу же возникает вопрос: что такое цивилизационный код, в чем он выражается, как его определить, охарактеризовать, изучить, измерить? Можно ли на него целенаправленно влиять, если можно, то каким образом? Важно выявить механизмы формирования кодов, их важнейшие составляющие, постоянно использовать их в дальнейшей социальной деятельности.

Дефиниция «код» была заимствована гуманитарным знанием из понятийного аппарата точных наук. Примером его становления как понятия являются коды Морзе и Бодо, созданные для телеграфа. В кибернетике понятие «код» связано с сопоставлением множеств состояний разных систем. С начала 50-х гг. прошлого столетия эта дефиниция стала широко использоваться для обозначения носителя генетической информации живых организмов.

Если же говорить о гуманитарных науках, то дефиниция «код» ассоциируется, прежде всего, с семиотикой. Итальянский философ, теоретик культуры, литературный критик и публицист У. Эко определяет *код* как «систему коммуникативных конвенций, парадигматически соединяющих элементы, серии знаков с сериями семантических блоков (или смыслов) и устанавливающих структуру обеих систем: каждая из них управляется правилами комбинаторики, определяющими порядок, в котором элементы (знаки и семантические блоки) синтагматически выстроены» [5].

В современной науке код – это совокупность (комплект) знаков (символов) и определенных правил, при помощи которых информация может быть представлена (закодирована) в виде набора символов для ее передачи, обработки и хранения. Код – это некая совокупность средств биологического, социального, социокультурного характера, посредством которой определенный набор установок хранится и воспроизводится во многих поколениях.

Особая необходимость в новом подходе к передаче информации возникла тогда, когда начал происходить переход от мира сигналов к миру смыслов. Мир сигналов – это мир дискретных единиц, которые рассчитываются в битах информации, а мир смыслов – это те значащие формы, которые связывают человека с миром идей, образов и ценностей общества. Другими словами, код – это в определенном смысле модель, алгоритм описания и формирования конкретных процессов, событий, явлений. Все коды могут быть сопоставлены между собой на базе общего кода, более простого, всеобъемлющего. Сообщение, культурный текст могут открываться разным прочтениям в зависимости от используемого кода. Код позволяет проникнуть на смысловой уровень, без знания кода текст окажется закрытым, непонятным, не воспринятым. Человек будет видеть систему знаков, а не систему значений и смыслов [6].

При анализе процессов, происходящих в современном обществе, в последние годы многие ученые все чаще обращаются к понятию «цивилизация». По их мнению, в глобализированном обществе есть процессы и явления более глубинные, чем взаимоотношения между бытием и сознанием, общественно-политическим строем и господствующей системой ценностей, типом экономической формации и характером собственности. Эти процессы детерминируют развитие

общества, определяют смысл государства и качество жизни его граждан. И одним из таких понятий является «цивилизация». С каждым днем оно становится все более востребованным и популярным. Постоянно проводятся исследования, в которых особое внимание уделяется сложному переплетению технических, экономических, политических, религиозных, социальных и других факторов, утверждается право каждой цивилизации на собственный исторический путь, на реализацию своей специфической культуры. Сегодня концепт «цивилизация» и смежные дефиниции – «идентичность», «менталитет», «культурная самобытность», «национальная идея», «традиция», «ценностное многообразие», входящие в инструментарий цивилизационного кода, находятся в центре изучения и анализа научной общественности [7; 8].

Под цивилизациями в современной науке принято понимать достаточно устойчивые и предельно широкие социально-исторические единицы с четко фиксированными границами в сфере общественной и духовной жизни, явно выраженными духовными (религиозными и моральными) идеалами и ценностями, особым мировосприятием и нормами поведения. Известный ученый С. Хантингтон считал, что «цивилизация представляет культурную сущность. Деревни, регионы, этнические группы, народы, религиозные общины – все они обладают своей особой культурой, отражающей различные уровни культурной неоднородности. Деревня в Южной Италии по своей культуре может отличаться от такой же деревни в Северной Италии, но при этом они остаются именно итальянскими селами, их не спутаешь с немецкими. В свою очередь европейские страны имеют общие культурные черты, которые отличают их от китайского или арабского мира... Западный мир, арабский регион и Китай не являются частями более широкой культурной общности. Они представляют собой цивилизации. Мы можем определить цивилизацию как культурную общность наивысшего ранга, как самый широкий уровень культурной идентичности людей». По мнению С. Хантингтона, цивилизация – это самое широкое МЫ, где человек чувствует себя в культурном отношении дома, что отличает человека от «других» и является для него родным [9].

В широком смысле цивилизацию можно рассматривать как устойчивую социокультурную общность (культурно-исторический тип) людей и стран, как синоним культуры или конфессионального мира (христианского, мусульманского и др.). В более узком смысле цивилизация понимается как суперэтнос – это народы, консолидированные некоторым духовным родством, психологическим сходством и взаимными симпатиями.

Атрибутами цивилизации являются ее протяженность во времени, наличие определенного пространственного положения и устойчивость по сравнению с другими социальными и историческими образованиями. В подобном контексте цивилизациями являются устойчивые социокультурные общности, существующие в определенных пространственно-временных координатах и обеспечивающие укорененность соответствующих элементов культурного наследия в обществе, стабильность материальных, духовных, социальных ценностей, при этом каждый конкретный тип цивилизации определяется возможностью и способностью продуцировать общезначимые ценности, отличные от порождаемых другими социокультурными общностями [7; 8].

Цивилизации отличаются друг от друга рядом основополагающих признаков. По С. Хантингтону, «они несхожи по своей истории, языку, культуре, традициям и, что самое важное, – религии. Люди разных цивилизаций по-разному смотрят на отношения между Богом и человеком, индивидом и группой, гражданином и государством, родителями и детьми, мужем и женой, имеют разные представления о соотносительной значимости прав и обязанностей, свободы и принуждения, равенства и иерархии...» [9].

Сегодня в научном сообществе имеется достаточно много подходов к типологизации цивилизаций. Она во многом зависит от выбранного типа связанности многомерного коммуникационного пространства. Чаще всего в основу понимания цивилизации кладется какой-то определенный признак – конфессиональный, этнокультурный, геополитический или еще что-то. С. Хантингтон считал системообразующим фактором, по которому можно оценивать принадлежность к той или иной цивилизационной системе, религию. Выделяют христианскую (западную и восточно-православную), мусульманскую, буддийскую, индуистскую цивилизации. Именно эти пять типов А. Тойнби относил к последнему – третьему – поколению цивилизаций, доживших до нашего времени [10]. Существуют и другие точки зрения.

Важнейшим интегрирующим показателем отображения многомерности цивилизаций является цивилизационный код. Сегодня имеется большое количество подходов к пониманию его сущности. Многие исследователи целенаправленно пытаются понять его смысл, найти формулу, описывающую его основные параметры на всех уровнях социальной лестницы.

Цивилизационный код, по мнению практически всех ученых, должен иметь строго фиксированный набор доминирующих в обществе ценностей и смыслов, умений и навыков, взглядов и традиций, форм общения и социальных укладов, трансляции и сохранения культуры, исторической памяти и мировоззрений, поведенческих форматов и знаний, социального опыта и ожиданий, открытости к изменениям и обладать универсальностью. Именно они детерминируют развитие этноса, нации и общества, передаются от поколения к поколению, позволяют решать многочисленные проблемы и справляться с рисками, угрозами и вызовами. Цивилизационный код помогает понимать поведенческие реакции общества, обеспечивает передачу социального опыта от поколения к поколению.

Как ранее отмечалось, цивилизационный код – это способ передачи определенной информации: знаний о мире и социального опыта, навыков и умений в данной социокультурной среде, а в его смысловом значении лежит аттитюд об устойчивом комплексе формальных и неформальных принципов и правил, норм и установок, регулирующих взаимодействие людей в определенной сфере жизнедеятельности и организующих его в систему ролей и статусов и способных послужить основой для формирования и развития цивилизационных отношений.

С. Хантингтон под цивилизационным кодом понимал совокупность ценностно-смысловых рядов, обеспечивающих культурную целостность и идентичность в самоосознании цивилизации, этноса, страны [9].

Цивилизационный код служит интегрирующим фактором, объединяющим общество или более активную часть на определенной территории. Для этого код должен выявлять и формулировать в понятных и приемлемых для людей словах и образах духовные и смысловые установки, ответы на вопросы: что хорошо и что плохо, что есть победы и достижения, а что – преступления, что – непростительная глупость, а что – презренное предательство.

Можно предложить следующее определение: «Цивилизационный код – это исторически сложившаяся система (набор) знаков, символов, средств биологического и социокультурного характера, определенных коммуникаций (отношений), своеобразных маркеров, благодаря которым передается социальный опыт и смысл жизни от поколения к поколению, идеалы цивилизации воспроизводятся в преемственности людей, а они адекватно воспринимают и реагируют на происходящие пространственно-временные процессы».

Следует особо подчеркнуть, что цивилизационный код способен дать ответ на множество вопросов: куда идти и что делать, ради чего жить? Что ценно и что важно? Что есть добро и что есть зло? Правда, постоянно возникают вопросы: как код измерить? В каких показателях он выражается? Можно ли эти показатели, факторы, характеристики целенаправленно формировать, можно ли управлять им в экономическом, социальном, политическом, воспитательном, идейно-нравственном, образовательном и иных пространствах?

При изучении цивилизационного кода научные сотрудники Института социологии НАН Беларуси намерены выйти на эмпирический уровень, посмотреть на цивилизационные аспекты глазами респондентов: увидеть их сущность, ценности, существующие в обществе, выявить механизмы, эти ценности формирующие, оценить доставшуюся нам от отцов и дедов историческую память, аттитюды, детерминирующие мировоззрение белорусских граждан. Для этого необходима единая для данной парадигмы система координат, базовых принципов, которые лежат в основе цивилизационного кода.

Что входит в парадигму цивилизационного кода? Цивилизационный код предполагает выделение при всех политических, экономических, идеологических, социальных, нравственных и других различиях глубинных факторов и архетипических черт, исторических традиций и культурных, религиозных, духовных, этнических факторов, особенностей ментальности и т. д. Среди этих параметров и основополагающие, смыслообразующие поведенческие характеристики, связанные с социально-психологическими и ментальными стереотипами, духовной идентификацией,

коллективными представлениями и устремлениями, различными социальными и идеологическими установками и ориентациями.

Генезис цивилизационного развития, по мнению многих исследователей, связан, прежде всего, с определенным в каждом конкретном случае географическим ареалом (местом расположения и размером территории, климатом, ландшафтом, типом почв, богатством недр, животного и растительного мира и т. д. Цивилизации формируются и развиваются в конкретной природно-географической среде социального пространства. Это подтверждает, например, исследование коллег-социологов, которые тщательно изучили и сравнили развитие Южной Кореи и Ганы. В 60-х гг. прошлого столетия, когда Африка избавилась от колониальной зависимости, когда Патрис Лумумба был кумиром советской, и не только, молодежи, у этих стран были примерно одинаковые стартовые позиции и возможности. Если же теперь сравнить Южную Корею и Гану, то увидим, что сравнивать-то практически нечего, и речь идет не только об экономике: у их жителей совсем другие ценности, другие подходы, иные качества и в итоге совсем другой конечный результат. Если бы Южная Корея была в центре Африки, результаты ее развития были бы совсем другими [11, 12].

Существенно влияет на цивилизационный код белорусского общества географический ареал нашей страны. Беларусь занимает довольно благоприятное (выгодное) географическое положение. Она расположена в центре Европы. Важным аспектом цивилизационного кода является соседство развитых государств, что детерминирует формирование и развитие определенных ценностей.

Но в то же время, благодаря тому, что Беларусь находится в центре Европы, она постоянно находилась и находится в центре международных конфликтов. Войны, захватчики и толпы беженцев кочуют по белорусской земле: то с запада на восток, то с востока на запад, оставляя глубокие раны на душе белорусов.

В цивилизационный код входит смысл жизни человека, смысл жизнедеятельности социальных общностей и способность понимать и создавать их. Мир смыслов упорядочивает жизнь человека в современном мире, придает ей смысл и порядок, упорядочивает историю народа, общества, страны, связывает в общественной жизни прошлое, настоящее и будущее. Все мы принадлежим к вечному миру смыслов. Человек с разрушенным миром смыслов теряет ориентиры, место в мире, понятия о добре и зле, справедливости и несправедливости, правде и лжи, о многих других этических нормах, являющихся продуктом векового духовного развития цивилизации, общества и государства [2; 13].

В современном обществе, как утверждают многие исследователи, в понимании смысла существует два уровня. С одной стороны, история, судьба своей страны или всего человечества может занимать важное место в системе ценностей, направляющих поиск смыслов и поведение отдельного человека. С другой стороны, цели, учения, символы составляют содержание и смысл многих исторических событий, усилий и достижений многих поколений, оказываются часто главными факторами, определяющими движение истории [2; 13].

По мнению известного российского исследователя В. Волконского, для большинства людей очень важен надличностный смысл, т. е. осознание их причастности к чему-то более важному, ценному, устойчивому, чем сам человек как индивид с его целями и делами. Надличностные смыслы для него обычно связаны с жизнью группы, сообщества близких ему людей, духовными и культурными феноменами. Они являются важнейшим фактором устойчивости и развития организаций и общественных форм жизни человека и общества. Серьезные исследования показывают, что потеря смысла бытия оказывается важнейшим демографическим фактором. Крупнейший исследователь культуры австралийских аборигенов делает следующий вывод: «Иногда миссионерам удается положить конец обрядам посвящения и другим тайным ритуалам или настолько овладеть молодым поколением, что старики перестают допускать юношей к подлинной тайной жизни племени. Это ведет к потере представления об идеалах, идеях и санкциях, знание которых необходимо для племенной сплоченности, к разрушению авторитета племени. В Австралии это означает вымирание племени». Потребность и способность сознавать смысл жизни вырастают, развиваются из психических функций людей: мыслительной, упорядочивающей деятельности рассудка, выстраивающей стратегические сценарии будущего; эмоциональной и интуитивной,

выделяющих главные, существенные факторы в ситуации и оценивающие их полезный или вредный потенциал [13].

В жизнедеятельности человека смысл выполняет ориентировочную функцию и может выступать жизненным ориентиром, детерминировать цель действий, является катализатором ее достижения.

Смысл и цель могут воплощаться в конкретных действиях тысяч, даже миллионов людей. Можно привести множество примеров. Победа в Великой Отечественной войне явилась мощнейшим катализатором развития производительных сил советского государства, моральным стимулом и ресурсом огромных побед. Наблюдался трудовой подъем, внутренний выброс энергии народа, позволявший быстро восстанавливать народное хозяйство, разрушенное фашистами. Чувство победителя присутствовало в сознании и душе каждого советского человека. Воодушевление было огромным, существовала вера в то, что, оправившись от военных потерь, страна пойдет вперед семимильными шагами, жизнь будет становиться лучше и лучше. В короткие сроки было восстановлено многое, что было разрушено фашистами. Люди работали днями и ночами, в жару и мороз, и победили.

Или другой пример. Строительство мифообразного коммунизма привело к резкому увеличению эффективности промышленного производства, росту объема сельскохозяйственной продукции. В это время советские люди строили атомные ледоколы и мощные гидроэлектростанции, первыми начали освоение космоса. Откуда брались силы? На каждом углу висели плакаты с лозунгом «Догоним и перегоним Америку!», как бы показывая образец для действий. В великий смысл преображения страны верили все. Вера в коммунистическое будущее стала серьезной движущей силой прогресса, развития общества в целом.

При анализе смысловых проблем цивилизационного кода трудно обойтись без обсуждения дефиниции «духовность», которая учитывает кроме теоретико-идеологических аспектов художественно-эстетические и морально-нравственные, познавательные и религиозные, мировоззренческие и другие факторы.

Особое значение для понимания цивилизационного кода имеют традиционные национальные ценности, которые тысячелетиями составляли духовную, нравственную, мировоззренческую основу общества. Постоянно возникает вопрос: какими национальными ценностями обладают белорусы? Как показывают социологические исследования, белорусскому национальному сознанию свойственны идея патриотизма как высочайшей ценности Родины, справедливости как идеала, который должен быть познан человеком и воплощен в жизнь, уважительное отношение к родному краю, забота о сохранении и приумножении его богатств. Многие социологи, философы и культурологи отмечают, что белорусов отличает также наличие таких качеств, как высокая ценность неформальных межличностных отношений и социальная солидарность, доброжелательность и толерантность, дисциплинированность и самоуважение, стремление к профессиональному развитию и бережливость, творчество и трудолюбие, справедливость и инновационность. Это значительный потенциал, который необходимо укреплять и который должен работать на цивилизационное развитие белорусского общества[2; 3].

Постоянная коммуникация с прошлым – одно из проявлений цивилизационного кода. Цивилизация – это результат прошлого и фундамент будущего, прошлого как процесса, породившего настоящее, и тенденции, несущие в себе будущее. Цивилизация связывает прошлое и настоящее, помогает человеку сохранить свою идентичность в бурно меняющемся времени. Без достойного прошлого, без преемственности поколений не может быть и достойного будущего.

Необходимо любить и понимать, помнить и уважать историю. История – это не просто череда событий и фактов, дат и имен. Это, прежде всего, понимание истинных первопричин и взаимосвязей явлений, процессов и событий, причем причин глубинных, уходящих в далекие времена. В истории все взаимосвязи и факты, явления и процессы, события и люди, причины и следствия соединены друг с другом. Только честный и порядочный ученый, анализируя бесконечную череду замысловато переплетенных фактов и явлений, их причинно-следственных связей, пропуская через душу, способен увидеть и понять истинный смысл исторических событий, их красоту, запомнить и запечатлеть их на различных носителях, не насилуя человеческие память и сознание ради сиюминутных интересов юродствующих политиков.

Историческая память воспроизводит непрерывность, преемственность и единство исторических процессов и социального бытия. Она обладает особенностью удерживать в сознании людей основные исторические события, явления, процессы. Отсутствие исторической памяти порождает нечувствительность к родной культуре, родному порогу и могилам предков.

Очень важно в рамках изучения цивилизационного кода наиболее полно раскрыть специфически сущностные черты и структурные факторы данного феномена, их роль в сохранении и укреплении социально-духовных оснований общественного и индивидуального бытия. Особенно это важно сегодня, когда достаточно явно прослеживаются противоречия между исторической памятью, с одной стороны, и ситуацией, когда самые разнообразные знаковые события трактуются совершенно не так, как было на самом деле, а учебные пособия и средства массовой информации откровенно лгут, используя противоположные идеологические наказы.

Совершенно не прав Ф. Ницше, который утверждал, что «настоящее же, т. е. бытие, не нуждается в памяти» [14]. Очень трудно согласиться с его современными сторонниками и последователями, которые, занимаясь «перепроверкой толкований событий прошлого» и «критическим переосмыслением прежних оценочных критериев в новой парадигме», пытаются переписать историю, утверждают, что события прошлого имеют ценность и значение, обусловленные контекстом того времени, в котором они существовали, говорят о препятствиях объективного подхода в историческом познании как условия истинности и правды, даже если они и ссылаются на Ф. Ницше.

Народная мудрость утверждает, что плох и невежествен тот народ, который не помнит и не уважает своих обычаев и традиций, не чтит могил своих предков. Традиции и обычаи, несмотря на существенное сужение социального пространства в современном обществе и постоянно возрастающий динамизм общественного развития, остаются важнейшими механизмами трансляции духовных ценностей и социального опыта, сохранения лучшего, что было у предков. Они, как это ни парадоксально, являются важными формами движения общества в будущее, так как придают развитию направленность, освобождают его от неоправданных и весьма спорных вариаций.

Особое значение в понимании цивилизационного кода имеет национальная идея. Очень важно на современном этапе развития общества найти ее смысловую и контекстную определенность.

Национальная идея – это образ идеального национального общества. В совершенно общем виде ее смысл состоит в обосновании возникновения, развития, совершенствования и процветания этноса, народа, нации. Национальная идея в сжатой форме выражает сложную многогранную мировоззренческую систему, отражающую и выражающую опыт их духовного, социального и иного развития, показывает, что им позволило победить, выстоять в борьбе с врагами, с силами природы, с внешними и внутренними противоречиями и что нужно делать в обозримой исторической перспективе.

Национальная идея должна быть максимально всеобщей, интегрирующей, примиряющей, мобилизующей. Одной из ключевых ее функций является объединение людей в единое целое, чем может быть этнос, народ или нация, содействие самосохранению и генезису.

Национальная идея фактически задает оптимальное направление развития этносу и нации, обществу и государству. Если такая идея есть, то они развиваются и в конечном итоге добиваются поставленных целей. Поиск такой идеи – одна из главных задач философии. К сожалению, мы в нашем обществе такую идею не смогли нащупать, выявить, найти, описать.

Цивилизационная специфика общества проявляется и передается не только через различные объективные формы, но и через глубинные психологические механизмы, связанные с поведенческими и психическими стереотипами и аттитюдами, духовной идентификацией, коллективными представлениями общества, его ценностно-нормативным каркасом. Кластер глубинных установок и ценностных ориентаций позволяет добиваться более адекватного понимания умонастроений широких народных масс, поведения различных слоев общества, этносов и наций, их представлений о себе, культуре, особенностях исторического развития. Тем более, как показывают научные исследования, каждый этнос, каждая нация имеет свой уникальный стиль мышления, общую духовную настроенность, связанную с этическими особенностями ее развития, так называемый менталитет. Многие современные ученые убеждены в том, что менталитет постепенно стано-

вится основополагающим фактором развития как отдельной нации, так и государства и человечества в целом, смыслообразующим параметром цивилизации, одним из показателей цивилизационного кода [13].

В современной науке принято, что менталитет – это образ мышления, мировосприятие, духовная настроенность, присущие индивиду или группе, характерный для них набор целей (стратегических и тактических, смыслодержущих и жизнеобеспечивающих), постоянные и стабильные структуры представлений человека о мире вокруг себя и себя в нем, исторически и социально укорененные в сознание и поведение многих поколений людей.

Менталитет формируется в ходе длительного исторического развития определенного этноса или нации под воздействием внешней среды и внутренних взаимоотношений. Он передается как через объективные формы, но благодаря глубинным психологическим механизмам, связанным с поведенческими и психическими стереотипами, духовной идентификацией, коллективными представлениями общества. Менталитет как комплекс установок и умозаключений, представлений и ценностных ориентаций, взглядов и оценок, ценностей и норм поведения, морали и умонастроений, религиозной принадлежности и многих других факторов, характеризующих ту или иную группу людей, позволяет более адекватно понимать умонастроения широких народных масс, поведение различных социальных групп и слоев, наций и этносов, их представления о себе и окружающей реальности, культуре и особенностях развития. Как соотношение между рациональными и эмоциональными действиями в совершении тех или иных поступков, между стремлением к изменениям и сохранением культурного наследия прошлого менталитет помогает прогнозировать развитие ситуаций в самые трудные моменты. Важными факторами, детерминирующими формирование и развитие цивилизационного типа менталитета, являются биологические параметры и психологическое состояние родителей, влияние «сильных личностей» и средств массовой коммуникации, литературы и школы, кино и различных видов искусств.

Еще один важный структурный элемент цивилизационного кода – мировоззрение. Оно в значительной степени детерминирует формирование и национального характера страны, и социального капитала общества. Многими исследователями оно понимается как система взглядов человека на мир в целом, на свое место в этом мире, чем и как человек руководствуется в своей деятельности и поведении.

Мировоззрение служит регулятором поведения и действий личности. Оно является той внутренней программой жизни человека, в соответствии с которой он оценивает действительность и вырабатывает модель дальнейших действий. Мировоззрение детерминирует образ личности, комплекс особенностей ее поведения и действий, привычек и наклонностей. Чтобы понять своеобразие индивида, важно проанализировать качественные особенности мировоззрения. Оно необходимо для определения места и роли в общественном развитии и полноценно только тогда, когда человек претворяет в жизнь идеалы и ценности, выступающие регуляторами его поведения в обществе, семье, труде.

Важно установить социальные механизмы, имеющие особое влияние на развитие установок и ценностей белорусского общества, его цивилизационный код, общественные институты, формирующие идеалы и ценностные ориентиры граждан. Под механизмом формирования и поддержки структурных элементов цивилизационного кода можно понимать систему институтов, общественных и государственно-правовых отношений, которые прямо или косвенно, с помощью различных методов, способов и средств, с учетом политических, социальных и экономических факторов воздействуют на возникновение, развитие и изменение цивилизационных параметров. Это особенно важно в условиях кризисов и бифуркаций, опасностей и угроз, негативно влияющих на развитие социумов и способствующих потере общечеловеческих ценностей как внутренних ориентиров развития личности. Сегодня, когда идейный дефицит заполняется заимствованными неписаными житейскими правилами и установками, чуждыми традициям, ориентирам и критериям духовной и материальной жизни, это важно вдвойне. Недаром профессор Преображенский в известной книге М. Булгакова «Собачье сердце» отмечал, что «разруха начинается в головах». Действительно, все беды, все проблемы начинаются с кризиса в головах. Матрица цивилизационного кода способна содействовать поиску ответов на многие вопросы.

Активнейшую роль здесь должно играть государство, что, кстати, в Беларуси и делается. Как результат, мы не имеем столько проблем, сколько имеет сегодня Западная Европа. Следует особо подчеркнуть, что место и авторитет белорусского государства определяется не только его политическим весом и экономическими ресурсами, но и национальной культурой, ее духовным, интеллектуальным и инновационным потенциалом.

Одним из действенных элементов механизма целенаправленного влияния на идеалы, установки и ценностные ориентиры белорусского общества, развитие цивилизационного кода является идеология. Прежде всего, это система устойчивых взглядов, идей, идеалов, ценностей, интересов, убеждений, святынь, верований и норм той или иной социальной общности (личности, группы, общества в целом), в которых осознаются и оцениваются социальные проблемы и конфликты, отношения людей к действительности и друг к другу, формулируются интегративные политико-экономические, социальные модели и проекты, определяются цели развития социальной деятельности, направленной на закрепление или совершенствование существующих общественных отношений.

Идеология белорусского государства – это нравственное мировоззрение белорусской нации. Без нравственных оснований невозможно развитие национального общества. Идеология белорусского государства может быть фундаментом для самоопределения граждан, источником самобытности и основы для формирования и понимания национальной идеи.

Особое место в понимании и развитии цивилизационного кода играет культура. Это важнейший его элемент, часть национального характера. Она понимается как исторически сложившаяся система ценностей и норм поведения, закрепленная в материальном и нематериальном культурном и историческом наследии. Многими современными исследователями сущность цивилизации связывается не только с политическими или этническими реалиями, но, прежде всего, с культурой, с наиболее устойчивыми, фундаментальными культурными характеристиками, детерминирующими успешную деятельность цивилизационных механизмов. Цивилизация – «тело» культуры, тогда как культура – «душа» цивилизации. Бездушное и бездуховное тело столь же безжизненно, как и бестелесная душа. В глазах образованного человека судьба культуры является главным критерием при оценке им любой цивилизации. Только цивилизация, способствующая расцвету, подъему культуры, признается им в своем праве на существование. Все, что идет во вред культуре, отвергается большинством мыслящих людей. Никто не против высокого достатка и материального благополучия, но не когда они достигаются за счет культуры [15].

Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл утверждает: «Культура любого народа – это живой организм со своими родовыми особенностями, организм, хранящий память и традиции предков. Культура продолжает жить независимо от того, заботятся о ней или пренебрегают. У нее самостоятельная жизнь. Только в одном случае, когда о ней заботятся, она расцветает и приносит благие плоды, в другом – загнивает, порождает уродства, приводит к моральному кризису общества, подменяется антикультурой, перерождается, как здоровая ткань организма перерождается в нежизнеспособную раковую опухоль» [16].

В Беларуси высокий уровень культуры. Культура постепенно становится одним из важнейших приоритетов развития белорусского общества, развивается рынок культурных товаров и услуг (социокультурный сервис), призванный удовлетворять рекреационно-развлекательные, познавательно-образовательные, коммуникативные, художественно-творческие и другие досуговые потребности различных категорий жителей Беларуси. И в то же время кризисные явления затронули и эту часть белорусского общества: падает интерес к театрам и кино, все меньшее количество людей посещают библиотеки, концертные залы. Почему? На этот вопрос мы попытаемся дать ответ в ходе очередного социологического исследования.

Особую роль в парадигме цивилизационного кода играет образование. Оно традиционно является одной из высших ценностей белорусского народа. Уровень грамотности в Беларуси один из самых высоких в мире, финансирование образования достаточно стабильное, полностью отсутствует дискриминация, основные инновации направлены на дальнейшее укрепление ведущих принципов развития национальной школы, среди которых следует выделить государственно-общественный характер управления, обеспечение справедливости, равного доступа к образованию, повышение его качества.

Образование и воспитание – основные элементы, с помощью которых человек меняет свое сознание, мировоззрение, свой образ жизни. Вопрос заключается, прежде всего, в эффективности образования и самообразования, воспитания и самовоспитания. Белорусы любят учиться, постоянно познают что-то новое и не считают это зазорным. И хотя национальное образование постоянно критикуют, социологические исследования показывают, что и студенты, и родители, и работодатели в целом были до кризиса довольны его качеством. Сегодня, как оказалось, работодатели хотят получить более профессионального специалиста и не тратить много времени на его «доработку». Выпускники вузов, колледжей хотят найти более престижную, более высокооплачиваемую работу. Об этом мечтают их родители. В то же время осталось огромное количество проблем, которые необходимо решить. Среди них наиболее важные, по мнению социологов, невысокая заработная плата, низкая мотивация и крайне низкий престиж педагогического, прежде всего, учительского труда. Время не ждет, а чиновники от образования принялись решать совсем другие вопросы.

Внушительной объединяющей силой белорусской нации является спорт. Это молодость и скорость, конкуренция и состязательность, красота и здоровье – все то, о чем постоянно говорят и что привлекает различные слои и группы современного общества. Высокий уровень спорта означает высокий уровень жизни, поддержку государством как спортсменов, так и простых людей. Спортивные победы, прежде всего, белорусских олимпийцев вызвали у жителей страны повышенный интерес, чувство сопричастности, единения.

Вспомним чувство гордости, которое вызывало у нас проведение чемпионата мира по хоккею в Минске. Вся страна говорила об этом. Успешное проведение чемпионата мира существенно повлияло на престиж Беларуси, формирование ее нового международного имиджа. Гости белорусской столицы увидели, что Республика Беларусь – это современное, красивое, достойное европейское государство с отличной спортивной, и не только, инфраструктурой, высоким уровнем образования и культуры, науки и здравоохранения, государство, где нет места злобе, ненависти и конфликтам, где людей не делят по цвету кожи и религии, по языку и имущественному положению, где живут интересные и дружелюбные, спокойные и толерантные люди. Гостеприимство – визитная карточка белорусов, – говорили многие. А «зона гостеприимства» – изюминка минского чемпионата мира, переступив которую вчерашние враги становились друзьями и братьями. Те, кто был в Беларуси, смотрели чемпионат мира по телевидению, запомнили Беларусь именно такой страной [2–4].

Можно сравнить чемпионат Европы по футболу во Франции и чемпионат мира по хоккею в Беларуси. Здесь, в Минске, хоккеистов и болельщиков встречали как друзей, как братьев, там, во Франции, как врагов. Здесь был праздник спорта, там – битва, кровопролитие, здесь – улыбки, цветы, там – синяки, резиновые пули, дубинки. Вот и сравнивай цивилизационный код белорусского и французского обществ.

Но в Беларуси крайне недостаточно пропагандируют победы своих чемпионов. В свое время, к примеру, белорусская легкоатлетка Марина Арзамасова стала первой в суверенной истории национального государства чемпионкой мира в беговых видах спорта. На планете живет семь миллиардов человек, а белорусская хрупкая, скромная и красивая девушка бежит быстрее всех в мире. Разве это не повод для гордости и сплочения общества? Но все ли сделали наши спортивные функционеры и средства массовой информации, чтобы чемпионку узнавала в лицо вся страна? Конечно, нет! И в то же время борисовская футбольная команда «БАТЭ» с огромным трудом побеждала команды школьных учителей и зубных врачей, а национальные средства массовой информации называли это величайшим достижением белорусского народа. Но футбольную судьбу нельзя обмануть. В этом году последовали сокрушительные поражения от скромной любительской команды «Дандолк» из Ирландии и футбольного клуба «Астана» из Казахстана. Каждое поражение после того, как «местечковый» успех выдавался за общенациональное достижение, за умелое руководство спортом и подвиг самих спортсменов, воспринимается многими людьми как национальная трагедия и негативно отражается на общественном мнении. Однако следует особо подчеркнуть, что праздник белорусским любителям футбола целенаправленно подпортили как руководители «БАТЭ», так и чиновники от футбола. Число команд в высшей лиге

было увеличено до 16. Как результат, для белорусского лидера практически не осталось напряженных матчей, не осталось конкуренции, а победить команду Городейского сахарного комбината намного проще, чем, например, донецкий «Шахтер».

Белорусы сформировались как нация. У нас есть своя культурная модель, свои особенности, свои преимущества, свои проблемы. Беларусь является сообществом национального единства в море хаоса, организованной силой борьбы против рисков и вызовов. Бездумное копирование матрицы развития других народов приводит к сужению исторической перспективы. Нам необходимо разработать национальную цивилизационную систему ценностей, подстроить под нее образовательный, информационный процесс, сформулировать национальную идею и идеологию белорусского государства и донести ее до широких слоев населения через систему образования и средства массовой информации, культуру и политику.

Список использованных источников

1. Президент: Категоричность, с которой нам навязывают модели развития, не лучше религиозного фанатизма [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://news.tut.by/politics/476725.html>. – Дата доступа: 20.08.2016.
2. Беларусь на пути в будущее: социологическое измерение / И. В. Котляров [и др.]; редкол.: И. В. Котляров (гл. ред.) [и др.]; Ин-т социологии Нац. акад. наук Беларуси. – Минск: Беларуская навука, 2015. – 499 с.
3. Котляров, И. Беларусь между прошлым и будущим / И. Котляров // Белая вежа. – 2014. – № 7. – С. 92–105.
4. Котляров, И. На пути к будущему. Социологические тренды / И. Котляров // Беларуская думка. – 2015. – № 1. – С. 89–96.
5. Эко, У. К семиотическому анализу телевизионных сообщений [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.nsu.ru/psych/internet/bits/eco.htm>. – Дата доступа: 20.08.2016.
6. Мухамеджанова, Н. М. Теория культуры в вопросах и ответах / Н. М. Мухамеджанова, С. М. Богуславская. – Оренбург: ИПК ГОУ ОГУ, 2007. – 149 с.
7. Межуев, В. Цивилизация или цивилизации? (к спорам вокруг понятия цивилизации) / В. Межуев // Знание. Понимание. Умение. – 2016. – № 2. – С. 40–51.
8. Мчедлова, М. М. Понятие «цивилизация»: история и методология / М. М. Мчедлова // Философия и общество. – 1999. – № 1. – С. 139–153.
9. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. – 603 с.
10. Тойнби, А. Цивилизации перед судом истории / А. Тойнби. – М.: Рольф, 2002. – 592 с.
11. Харрисон, Л. Главная истина либерализма. Как политика может изменить культуру и спасти ее от самой себя / Л. Харрисон. – М.: Новое издательство, 2008. – 279 с.
12. Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу / под ред. Л. Харрисона и С. Хантингтона. – М.: Моск. шк. полит. исслед., 2002. – 320 с.
13. Волконский, В. А. Смысл жизни и история / В. А. Волконский. – М.; Казань: Алтай-ТАУ, 2008. – 120 с.
14. Ницше, Ф. О пользе и вреде истории для жизни. Соч.: в 2 т. Т. 2 / Ф. Ницше. – М.: Мысль, 1990. – С. 158–230.
15. От диалога цивилизаций к сотрудничеству и интеграции. Наброски проблемного анализа / В. И. Якунин, С. С. Сулакшин, В. М. Межуев [и др.]; под общ. ред. С. С. Сулакшина. – 2-е изд. – М.: Научный эксперт, 2006. – 175 с.
16. Выступление Предстоятеля Русской Церкви на расширенном заседании Патриаршего совета по культуре [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/2029569.html>. – Дата доступа: 20.08.2016.

References

1. “The President: the flatness with which impose on us the development models is not better than religious fanaticism” Available at: <http://news.tut.by/politics/476725.html> (accessed: 20.08.2016).
2. Kotlyarov, I. V. (Chapter editor.) (2015) *Belarus' na puti v budushchee: sotsiologicheskoe izmerenie* [Belarus on the way to the future: a sociological dimension], the Institute of Sociology, Nat. Academy of Sciences of Belarus, *Belaruskaya navuka*, Minsk, BY
3. Kotlyarov, I. (2014) “Belarus between the past and the future”, *Belaya Vezha*, no. 7, pp. 92-105.
4. Kotlyarov, I. (2015) “On the way to the future. Sociological trends”, *Belaruskaya Dumka*, no. 1, pp. 89-96.
5. Eco, U. “By the semiotic analysis of television messages”, Available at: <http://www.nsu.ru/psych/internet/bits/eco.htm> (accessed: 20.08.2016).
6. Mukhamedzhanova, N. M. and Boguslavskaya, S. M. (2007) *Teoriya kul'tury v voprosakh i otvetakh* [Theory of Culture in Questions and Answers], ИПК ГОУ ОГУ, Orenburg, RU
7. Mezhuiev, V. (2016) “Civilization or civilizations? (To disputes around the concept of civilization)”, *Knowledge. Understanding. Ability*, no. 2, pp. 40-51.
8. Mchedlova, M. M. (1999) “The concept of “civilization”: history and methodology”, *Philosophy and Society*, no. 1, pp. 139-153.
9. Khangtington, S. (2003) *Stolknovenie tsivilizatsii* [The Clash of Civilizations], publishing house AST, Minsk, BY
10. Toynbi, A. (2002) *Tsivilizatsiya pered sudom istorii* [Civilization before the court of history], Rolf, Minsk, BY

11. Harrison, L. (2008) *Glavnaya istina liberalizma. Kak politika mozhет izmenit' kul'turu i spasti ee ot samoi sebya* [The main true of liberalism. How politics can change a culture and save it from itself], A new publishing house, Minsk, BY
12. Harrison, L. and Huntington, S. (ed.) (2002) *Kul'tura imeet znachenie. Kakim obrazom tsennosti sposobstvuyut obshchestvennomu progressu* [Culture matters. How values contribute to social progress], Moscow School of Political Studies, Moscow, RU
13. Volkonskii, V. A. (2008) *Smysl zhizni i istoriya* [The meaning of life and history], Altai-TAU, Moscow – Kazan', RU
14. Nitsche, F. (1990) "On the Use and Abuse of History for Life", Op.: V 2 t. Vol. 2, Thought, Minsk, BY, pp.158-230.
15. Sulakshin, S. S. (ed.) (2006) *Ot dialoga tsivilizatsii k sotrudnichestvu i integratsii. Nabroski problemnogo analiza* [From the dialogue of civilizations for cooperation and integration. Outline of problem analysis], 2nd edition, Scientific expert, Minsk, BY
16. "Statement by the Primate of the Russian Church at the enlarged session of the Patriarchal Council for Culture", Available at: <http://www.patriarchia.ru/db/text/2029569.html> (accessed: 20.08.2016).

Информация об авторе

Котляров Игорь Васильевич – д-р социол. наук, проф., директор ГНУ «Институт социологии НАН Беларуси» (ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail : Isst@socio.bas-net.by.

Для цитирования

Котляров, И. В. Цивилизационная парадигма белорусского общества: теоретико-методологические основания / И. В. Котляров // Вєс. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2016. – № 4. – С. 20–32.

Information about the author

Kotlyarov Igor Vasilievich – D. Sc. (Sociol.), Professor, Director of Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus (Surganov Str., 1 , b. 2, 220072, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: Isst@socio.bas-net.by

For citation

Kotlyarov I. V. Civilizational paradigm of the Belarusian society: theoretical-metodological bases. Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus, humanitarian series, 2016, no. 4, pp. 20-32.

А. П. Соловей

Институт социологии НАН Беларуси, Минск, Республика Беларусь

СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ

Рассмотрены теоретические и методологические аспекты изучения социального самочувствия индивида. Выделены подходы к исследованию социального самочувствия. Психологический подход акцентирует внимание на переживаниях субъекта социального самочувствия. Социологический подход базируется на детерминированности осознания и переживания различных сторон жизни индивида непосредственными условиями его бытия. Выделяют также и социально-психологический подход на основе сочетания социологического и психологического подходов. Определены структура, эмпирические показатели и индикаторы социального самочувствия. Исследованы основные факторы формирования социального самочувствия индивида, а также структурные компоненты в содержании социального самочувствия. В структуре социального самочувствия выделяют когнитивный, эмотивный, конативный и эвалюативный компоненты. На основе анализа имеющихся в литературе научных подходов к определению социального самочувствия предлагается выделить четыре основных показателя социального самочувствия: «социальные установки и ценностные ориентации», «удовлетворенность различными аспектами своей жизни», «внутреннее эмоциональное восприятие своей жизни в целом», «социально-демографические характеристики».

В основе формирования и функционирования социального самочувствия лежат социальные, социально-психологические, субъектно-личностные, индивидуально-личностные, индивидуально-демографические группы факторов. К содержательным характеристикам, отражающим социальное самочувствие, относят социальные ожидания и социальные притязания индивида, оценку и самооценку индивидом своего социального статуса и социального положения, социальные чувства и настроения.

Ключевые слова: социальное самочувствие, компоненты социального самочувствия, факторы социального самочувствия, эмпирические показатели и индикаторы социального самочувствия.

A. P. Solovey

National Academy of Sciences of Belarus, Institute of Sociology, Minsk, Republic of Belarus

SOCIAL WELL-BEING: THEORETICAL AND METHODOLOGICAL ASPECT OF RESEARCH

Theoretical and methodological aspects of studying social well-being of individual are represented in the paper. Psychological, sociological, and based on their combination, social-psychological approaches to research of social well-being are determined. Structure, empirical indexes and indicators of social well-being are defined. Main factors of forming social well-being of individual and structural components of social well-being are analyzed. Structure of social well-being includes cognitive, emotive, conative and evaluative components. Main indicators of social well-being are 'social attitude and value orientations', 'internal emotional perception of life on the generally', 'social-demographic characteristics'.

At the basis of forming and functioning of social well-being are social, social-psychological, subject-individual, individual-demographic groups of factors. Core characteristics reflecting social well-being are social expectations and social claims of individual, individual's assessment and self-assessment of his social status and social position, social feelings and moods.

Keywords: social well-being, components of social well-being, factors of social well-being, empirical indexes and indicators of social well-being.

Проблематика социального самочувствия индивида в различных его интерпретациях не является новой для социально-гуманитарного знания. Исследования в данном направлении начались с середины XX века.

В зарубежной социологии используется соотносимое с социальным самочувствием понятие «субъективное благополучие». В изучении данного феномена зарубежные социологи (Э. Кэмпбелл, Ф. Андриус, С. Вити, Дж. Рабье и др.) в качестве измерительных конструкторов социального самочувствия выделяют компоненты личностного «счастья», а также благополучия повседневности и быта [1, с. 60].

В советской социологии изучение социального самочувствия началось значительно позднее – примерно с 1960-х гг. Вышедшая в середине 1960-х гг. монография Б. Д. Парыгина «Общественное настроение» до сих пор имеет методологическое значение, и при конструировании представления о социальном самочувствии исследователи до сих пор обращаются к ней. В середине 1980-х гг. появились теоретические работы, посвященные непосредственно проблемам социального самочувствия и выполненные в русле концепции образа жизни (О. И. Барская, И. Т. Левыкин, О. В. Лунева).

Однако до сих пор в научной литературе не дано однозначного определения понятия социального самочувствия. Единственное, к чему пришли исследователи, – это признание того факта, что понятие «социальное самочувствие» является многоаспектным, неоднозначным и сложным по своей структуре и находится на стыке различных областей знания (экономических, психологических, социологических).

Российские социологи (Л. Е. Петрова, Л. И. Михайлова и др.) рассматривают социальное самочувствие как интегральную характеристику реализации жизненной стратегии личности, которая отражает соотношение между уровнем притязания и степенью удовлетворения потребностей субъекта [8, с. 46]. Украинские исследователи (Е. И. Головаха, Н. В. Панина, А. П. Горбачик) определяют социальное самочувствие как интегральную оценку восприятия индивидом собственного благополучия в основных сферах социальной жизнедеятельности [4]. Белорусские социологи (Л. В. Филинская, Л. А. Соглаева) понимают под социальным самочувствием эмоционально-психологическое восприятие индивидом своей жизни в целом, а также реализацию жизненных целей и перспектив своего развития в изменяющейся социокультурной среде [11].

Исходя из анализа существующих определений социального самочувствия, представляется, что определение *социального самочувствия* как интегральной характеристики эмоционально-психологического восприятия индивидом своего социального положения, реализации жизненной стратегии, осознания и переживания различных сторон жизни наиболее полно отражает существенные аспекты данного явления.

В современной научной литературе наиболее распространено выделение двух подходов в изучении социального самочувствия (психологического и социологического). На основе их сочетания выделяют также и социально-психологический подход.

Психологический подход при изучении социального самочувствия предполагает его рассмотрение как социально-психологического состояния, возникающего у человека или группы людей под влиянием объективных обстоятельств их жизнедеятельности и являющегося их целостным отражением (Б. Д. Парыгин, А. А. Русалинова, Н. Е. Симонович и др.). При этом учитывается специфика социального контекста, а также факторы макроуровневого характера.

В структуре социального самочувствия психологи выделяют два компонента – когнитивный (знания и оценки социальной ситуации и своего места в ней) и эмоциональный (переживания и чувства, связанные с социальным статусом и взаимодействием). Социальное самочувствие определяется как «субъективное ощущение физиологической и психологической комфортности внутреннего состояния» [6, с. 334]. В центре рассмотрения стоят переживания субъекта социального самочувствия, его социальная активность, которые определяются объективными обстоятельствами жизнедеятельности субъекта, а также его индивидуальными свойствами и характеристиками. В данном аспекте социальное самочувствие может быть представлено в виде некоторой обобщенной оценочной характеристики состояния субъекта.

Социально-психологический подход к описанию и анализу социального самочувствия наиболее последовательно представлен в современной социологической литературе позицией российских социологов Ж. Т. Тощенко, С. В. Харченко. В работе Ж. Т. Тощенко, С. В. Харченко выявлена роль социального настроения, которое «объективно выступает определяющим, интегрирующим показателем уровня благополучной социальной устроенности и неустроенности» [13, с. 28].

Социологический подход к анализу социального самочувствия предполагает его исследование в русле проблематики образа жизни (российские социологи О. Л. Барская, Т. М. Дридзе, И. Т. Левыкин, Э. А. Орлова, Б. А. Грушин, А. К. Уледов и др.). Социальное самочувствие рассматривается в данном контексте как «показатель социально-психологического аспекта образа жизни, характеризует восприятие и оценку индивидом социального благополучия, уровня и качества жизни, степени удовлетворения потребностей и реализации жизненных планов» [2, с. 7]. В этом плане

социальное самочувствие – это результат осознания и переживания человеком смысла и значимости различных сторон жизни, который детерминирован непосредственными условиями бытия человека и определяет степень удовлетворения его потребностей, возможностей развертывания индивидуальной жизни, самоутверждения и самореализации.

Белорусский социолог Галич выделяет три структурных компонента в содержании социального самочувствия:

Когнитивный компонент – знание, которым индивид руководствуется в повседневной жизни, а также восприятие и осмысление людьми социальных процессов, своих социальных ожиданий и своего места в системе общественных отношений (социальных позиций), оценка представлений о себе как субъекте социальной деятельности.

Эмотивный компонент – доминирующие чувства и настроения; ситуативные эмоциональные состояния, которые определяют наличие или отсутствие удовлетворенности и уверенности в своей жизни и деятельности.

Конативный компонент – проявление готовности или неготовности людей к тем или иным действиям по сохранению или изменению своей жизни и деятельности, уровня социальной активности.

Следует отметить, что структура социального самочувствия дополняется **эвалюативным (оценочным)** компонентом, в котором выражается степень субъективного благополучия личности. Эвалюативный компонент позволяет понять основания осуществления того или иного выбора на когнитивном и эмотивном уровнях, а также объяснить стратегические предпочтения на конативном уровне [3, с. 45–51].

Одним из аспектов социологического изучения социального самочувствия является рассмотрение факторов, его определяющих. Существует несколько групп факторов, лежащих в основе формирования и функционирования социального самочувствия. **Социальные факторы** – особенности общественных отношений; система социальной защиты; обеспечение прав и потребностей; предоставляемая возможность самореализации; система оплаты и стимулирования труда. **Социально-психологические факторы** – взаимоотношения индивида с окружающими людьми; реальный статус и социальная позиция в обществе. **Субъектно-личностные факторы** – уровень социальной активности; восприятие себя в качестве объекта или субъекта социальных процессов; оценка себя как гражданина: уровень и характер социальной идентификации и связи с социумом; удовлетворенность своей позицией в обществе, в ближайшем окружении. **Индивидуально-личностные факторы** – уверенность в завтрашнем дне и наличие перспектив профессионального и личностного роста; структура актуальных и потенциальных ценностей, смысложизненных ориентаций; преобладающее эмоциональное состояние (настроение). **Индивидуально-демографические факторы** (объективные характеристики статуса) – возраст, образование, семейное положение, материальное состояние, сфера профессиональной деятельности.

Необходимо отметить содержательные характеристики, отражающие социальное самочувствие, к которым относят: 1) социальные ожидания и социальные притязания индивида (установки, ценности, убеждения, готовность к действию); 2) оценку и самооценку индивидом своего социального статуса и социального положения (социальный престиж, социальная роль); 3) социальные чувства и настроения [10, с. 104].

Формирование системы эмпирических индикаторов является отправной точкой социологического анализа социального самочувствия, представляющих собой характеристики изучаемого объекта, доступные непосредственному измерению. Основой измерения компонентов социального самочувствия является концептуальное положение, согласно которому социальное самочувствие человека определяется степенью удовлетворения его социальных потребностей, которые в свою очередь являются производными от существующей в обществе системы социальных благ, их производства и распределения [12, с. 37].

По мнению российского социолога Я. Н. Крупец, для анализа социального самочувствия следует выделять индикаторы объективного и субъективного характера, охватывающие более широкий пласт самочувствия людей: уровень жизни (доход, материальное положение, обеспеченность), состояние здоровья, эмоционально-психологическое состояние, уровень гражданской активности, уровень беспокойства и надежды на помощь, жизненные стратегии [7].

Российский социолог Б. А. Грушин выделяет следующие индикаторы социального самочувствия: 1) «уровень притязаний» – жизненная ориентация: ценностные ориентации трудовой деятельности; ценности учебной деятельности; ценности семьи; ценности общения и досуговой деятельности; 2) «характеристики активности субъекта» – субъективная оценка характеристик успеха: трудоспособность; адаптивная деятельность; 3) конкретные шаги по реализации жизненной программы – «идентификационная стратегия» – характеристика референтной группы; характеристика возможностей в сравнении с представителями своей возрастной когорты; степень доверия социальным институтам; 4) удовлетворенность реализацией жизненной стратегии: удовлетворенность работой; удовлетворенность семейной карьерой; удовлетворенность вещной средой; 5) «временные характеристики» – отношение к изменениям, планирование важнейших событий; объективные детерминирующие факторы [5, с. 135–145].

Таким образом, изучив теоретико-методологические аспекты исследования социального самочувствия, выделив его индикаторы и их связи в общей структуре социального самочувствия и его компонентов, мы можем сделать следующие выводы.

1. Анализ социального самочувствия носит комплексный характер, который охватывает разные стороны человеческого бытия и обуславливает междисциплинарный подход в определении данного понятия. В современном научном знании выделяют несколько подходов в изучении социального самочувствия (психологический, социологический, социально-психологический), а также ряд аспектов его описания (эмоциональный, когнитивный, конативный, эвалюативный).

2. По своей природе социальное самочувствие – социально-психологический феномен, обусловленный как внутренними (субъективными), так и внешними (объективными) факторами. Детерминированность социального самочувствия социальными условиями (бытием человека, образом жизни, условиями жизнедеятельности), социальными притязаниями, настроением, оценкой и удовлетворенностью жизни в целом определяет изучение социального самочувствия как комплексного социально-психологического явления.

3. Опираясь на методологию Б. А. Грушина и других исследователей, можно выделить важнейшие эмпирические индикаторы социального самочувствия объективного и субъективного характера, охватывающие широкий пласт самочувствия людей. Представленные индикаторы отражают детерминированность социального самочувствия индивида объективными и субъективными факторами, а также дают понимание социального самочувствия как интегративного социально-психологического образования, включающего эвалюативный, эмотивный, когнитивный и поведенческий компоненты и их составляющие.

4. На основе анализа имеющихся подходов к определению социального самочувствия предлагается выделить четыре основных показателя социального самочувствия. Показатель «*социальные установки и ценностные ориентации*» отражает готовность к действию и ценностные ориентации в основных сферах деятельности. Показатель «*удовлетворенность различными аспектами своей жизни*» конкретизируется через удовлетворенность основными сторонами жизнедеятельности индивида. Показатель «*внутреннее эмоциональное восприятие своей жизни в целом*» отражает настроение, уверенность в будущем и перспективные возможности. И наконец, показатель «*социально-демографические характеристики*» отражает основные характеристики индивида как члена общества и его объективное социальное положение.

5. Социальное самочувствие представляет собой обобщенную характеристику, имеющую субъективную эмоциональную природу восприятия индивидом социального положения, реализации социальных установок, удовлетворенности различных сторон жизни, детерминируемую субъективными и объективными факторами.

Исходя из того, что единая методология операционализации через систему показателей и индикаторов социального самочувствия не выработана до конца, дальнейшее изучение социального самочувствия социологическими методами направлено на совершенствование методического инструментария, который позволит оперативно и надежно фиксировать социальное самочувствие индивида.

Список использованных источников

1. Асланова, О. А. Социальное самочувствие: измерительный инструментарий, показатели и социальные критерии / О. А. Асланова // Теория и практика общественного развития. – 2012. – № 2. – С. 59–63.

2. Барская, О. Л. Социальное самочувствие: методологические и методические проблемы исследования: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.09/ О. Л. Барская; АН СССР, Ин-т социологии. – М., 1989. – 19 с.
3. Галич, Л. П. Социальное самочувствие молодежи / Л. П. Галич. – Минск: Право и экономика, 2012. – 160 с.
4. Головаха, Е. И. Измерение социального самочувствия: тест ИИСС/ Е. И. Головаха, Н. В. Панина, А. П. Горбачик // Социология: 4М. – 1998. – № 10. – С. 45–71.
5. Грушин, Б. А. Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения. Очерки массового сознания россиян времен Хрущева, Брежнева, Горбачева: в 4 кн. Жизнь 1-я. Эпоха Хрущева. – М.: Прогресс Традиция, 2001. – 624 с.
6. Краткий психологический словарь / под общ. ред. А. В. Петровского и М. Г. Ярошевского; ред. Л. А. Карпенко. – М.: Политиздат, 1985. – 431 с.
7. Крупец, Я. Н. Социальное самочувствие как интегральный показатель адаптированности / Я. Н. Крупец // Социол. исслед. – 2003. – № 4. – С. 143–144.
8. Михайлова, Л. И. Социальное самочувствие и восприятие будущего россиянами / Л. И. Михайлова // Социол. исслед. – 2010. – № 3. – С. 45–50.
9. Парыгин, Б. Д. Общественное настроение / Б. Д. Парыгин. – М.: Мысль, 1996. – 327 с.
10. Симонович, Н. Е. Социальное самочувствие людей и технологии его исследования в современной России: дис. ... д-ра психол. наук: 19.00.05 / Н. Е. Симонович. – М., 2003. – 374 л.
11. Согдаева, Л. А. Социальное самочувствие населения Республики Беларусь / Л. А. Согдаева, Л. В. Филинская; отв. ред. Х. Хаерпфер [и др.] // Образ жизни и здоровье населения новых независимых государств. – Минск, 2003. – 308 с.
12. Социальное самочувствие населения в условиях реформ: региональный аспект / под ред. М. К. Горшкова. – М.; СПб: Нестор-История, 2011. – 176 с.
13. Тощенко, Ж. Т. Социальное настроение / Ж. Т. Тощенко, С. В. Харченко. – М., 1996. – 195 с.

References

1. Aslanova, O. A. (2012) “Social well-being: measuring tools, indicators social criteria”, *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, no. 2, pp. 59-63.
2. Barskaya, O. L. (1989) *Sotsial'noe samochuvstvie: metodologicheskie i metodicheskie problemy issledovaniya: avtoref. dis. ... kand. filios. nauk: 09.00.09* [Social well-being: methodological and methodical problems of research], AS of USSR, In-t sociologii, Moscow, RU
3. Galich, L. P. (2012) *Sotsial'noe samochuvstvie molodezhi* [Social well-being of youth], Pravo i ekonomika, Minsk, BY
4. Golovakha, E. I., Panina, N. V. and Gorbachik, A. P. (1998) “Measuring social well-being: test IISS”, *Sotsiologiya*: 4M, no. 10, pp. 45-71.
5. Grushin, B. A. (2001) *Chetyre zhizni Rossii v zerkale oprosov obshchestvennogo mneniya. Ocherki massovogo soznaniya rossiiyan vremen Khrushcheva, Brezhneva, Gorbacheva v 4-h knigakh* [Four lives of Russia in the mirror of public opinion polls. Studies of mass conscience of Russians of Hrushchev, Brezhnev, Gorbachev's times in four books], Zhizn' 1-ya. Epokha Hrushcheva, Progress Tradiciia, Moscow, RU
6. Petrovskii, A. V. and Yaroshevskii, M. G. (ed.) (1985) *Kratkii psikhologicheskii slovar'* [Short psychological dictionary], Politizdat, Moscow, RU
7. Krupets, Y. N. (2003) “Social well-being as integral indicator of adaptatedness”, *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no. 4, pp. 143-144.
8. Mikhailova, L. I. (2010) “Social well-being and perception of future by Russians”, *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 3, pp. 45-50.
9. Parygin, B. D. (1996) *Obshchestvennoe nastroyenie* [Public mood], Mysl', Moscow, RU
10. Simonovich, N. E. (2003) *Sotsial'noe samochuvstvie lyudei i tekhnologii ego issledovaniya v sovremennoi Rossii: dis. ... d-ra psikh. nauk: 19.00.05* [Social well-being of people and technologies of its research in modern Russia], Moscow, RU
11. Soglaeva, L. A. and Filinskaya, L.V. (2003) “Social well-being of the population of the Republic of Belarus: speech”, *2 All-Russian Congress of Sociology*, Available at: <http://lib.socio.msu.ru/library> (accessed 15.02.2009)
12. Gorshkov, M. K. (ed.) (2011) *Sotsial'noe samochuvstvie naseleniya v usloviyakh reform: regional'nyi aspekt* [Social well-being of population in conditions of reforms: regional aspect], Nestor-Istoriya, Moscow, SPb., RU
13. Toshchenko, Zh. T. and Kharchenko, S. V. (1996) *Sotsial'noe nastroyenie* [Social mood], Moscow, RU

Информация об авторе

Соловей Аlesia Петровна – мл. науч. сотрудник. ГНУ «Институт социологии НАН Беларуси» (ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail: alesya-solovei@mail.ru.

Information about the author

Solovey Alesya Petrovna – junior research fellow. Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus (Surganov Str. 1, b. 2, 220072, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: alesya-solovei@mail.ru.

Для цитирования

Соловей, А. П. Социальное самочувствие : теоретико-методологический аспект исследования / А. П. Соловей // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2016. – № 4. – С. 33–37.

For citation

Solovey A. P. Social well-being: theoretical and methodological aspect of research. Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus, humanitarian series, 2016, no. 4, pp. 33-37.

ГІСТОРЫЯ
HISTORY

УДК 94(476)

Поступила в редакцию 01.09.2016
Received 01.09.2016

П. А. Жылінскі

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Рэспубліка Беларусь

**АД ПЛАНА ДА РЫНКУ: ПАЧАТАК ТРАНСФАРМАЦЫІ ЭКАНОМІКІ БЕЛАРУСІ
Ў ГАДЫ ПАЛІТЫКІ ПЕРАБУДОВЫ**

Исследуются процессы формирования основ нового социально-экономического строя в 1985–1991 гг., освещаются проблемные стороны и причины сложностей в процессе системной трансформации белорусской экономики, особенности и характерные черты перестроечных преобразований в Беларуси.

Именно во второй половине 1980-х гг. Беларусь вступила в период радикальных преобразований, которые вошли в историю под названием «перестройка». Эти преобразования в конечном итоге «похоронили» советский строй, но создали условия для развития нового современного общества.

Горбачевские реформы привели к возникновению в Беларуси новой социально-экономической реальности. На смену административно-командной экономике пришел рынок. Через кооперативное движение в городе и с возникновением фермерских хозяйств на селе, а также путем частичной приватизации возник частный сектор. Начался постепенный процесс диверсификации хозяйственного комплекса и обеспечения экономической самостоятельности республики, менялась структура самой экономики, возникли отдельные рыночные институты.

В годы перестройки были заложены основы для формирования белорусской экономической модели. Руководство республики с самого начала преобразований отказалось от методов «шоковой терапии» и взяло курс на сохранение таких черт советской экономической системы, как социальная ориентированность, забота о материальном благополучии всех категорий граждан, сохранение доминирующей роли государственного сектора.

Автор приходит к выводу, что преобразования эпохи перестройки стали началом новой волны системной социально-экономической модернизации.

Методологической и теоретической основой данного исследования послужили работы отечественных и зарубежных авторов по истории Беларуси и истории Советского Союза. Статья написана на основе широкого круга как опубликованных, так и архивных источников: официальных документов государственных органов, статистики, материалов периодической печати.

Ключевые слова: перестройка, трансформация, модернизация, БССР, переходное общество, рыночная экономика.

P. A. Zhylinski

Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus

**FROM PLAN TO MARKET: THE BEGINNING OF THE TRANSFORMATION
OF THE BELARUSIAN ECONOMY IN THE YEARS OF PERESTROIKA**

In this paper we study the process of formation of the basis for the new social-economic order in 1985–1991, explore the problem points and reasons for deformation, difficulties and disadvantages in the process of formation of the Belarusian economy, the peculiarities of the perestroika process in Belarus.

The author comes to a conclusion that social and economic transformations during perestroika gave start to a new wave of consistent social and economic modernization.

Publications on the history of Belarus and the Soviet Union by Belarusian and foreign authors are the theoretic and methodical basis of this research. The article is based on a wide range of public and archived sources: official documents of government agencies, statistical documents and media publications.

Keywords: the policy of Perestroika, transformation, modernization, Belarusian SSR, transitional society, market economy.

У часы перабудовы быў закладзены падмурак дзеля будаўніцтва новай эканамічнай сістэмы, адбываўся працэс фарміравання інстытутаў рыначнай эканомікі. Змены ішлі па двух асноўных кірунках: першы быў звязаны з пераходам дзяржаўнага сектара на рыначную аснову, другі характарызаваўся стварэннем прыватнага сектара эканомікі.

Першапачаткова трансфармацыя сацыяльна-эканамічнай сістэмы закранула толькі дзяржаўны сектар, які доўгі час быў адзіным і пануючым. Пачаўшы са спробы паскорыць эканамічнае развіццё шляхам удасканалення адміністрацыйна-камандных метадаў у межах стратэгіі «Паскарэння» (мерапрыемствы праграмы «Інтэнсіфікацыя», увядзенне дзяржпрыёмкі, «сухі закон» і г. д.), кіраўніцтва СССР у 1987 г. вырашыла ажыццявіць вялікую сістэмную рэформу. На ліпеньскім пленуме ЦК КПСС М. Гарбачоў абвясціў аб пераходзе да «карэннай перабудовы кіравання эканомікай». Генеральны сакратар канстатаваў, што сутнасць карэннай перабудовы заключаецца ў «пераходзе ад пераважна адміністрацыйных да эканамічных метадаў кіравання». Савецкі лідар у дакладзе вызначыў і асноўныя кірункі будучых пераўтварэнняў: пераход да новага эканамічнага механізма дзейнасці прадпрыемстваў, павышэнне эфектыўнасці цэнтралізаванага кіравання народнай гаспадаркай на аснове эканамічных метадаў, забеспячэнне аптымальнага спалучэння галіновага і тэрытарыяльнага прынцыпаў кіравання эканомікай [18, с. 275–280].

Маючая адбыцца рэформа ўключала ў сябе шэраг законаў і пастаноў, якія склалі раздзел пад назвай «Аб карэннай перабудове кіравання эканомікай». Яе распрацоўкай займаліся лепшыя савецкія эканамісты – Л. Абалкін, А. Аганбегян, П. Бунін. Рэформа ставіла на мэце: 1) замяніць існуючую сістэму планавання і ўвесці дзяржаказ, спачатку абавязковы, а затым добраахвотны; 2) паступова перайсці ад размеркавання рэсурсаў па фондах і нарадах да аптовага гандлю сродкамі вытворчасці; 3) увесці дагаворныя і самастойна вызначаемыя цэны; 4) перавесці прадпрыемствы на самастойнасць, самафінансаванне, самакіраванне і самаакупнасць; 5) паступова адрадыць дробны прыватны сектар; 6) адмовіцца ад дзяржаўнай манаполіі знешняга гандлю; 7) глыбей інтэгравацца ў сусветны рынак.

Аднымі з першых мерапрыемстваў па рэфармаванні эканомікі былі ўвядзенне гаспадарчага разліку і самафінансавання на дзяржаўных прадпрыемствах, пашырэнне іх гаспадарчай самастойнасці, змена эканамічнага і юрыдычнага становішча. Прававой асновай пераходу да гаспадарчага разліку і самаакупнасці стала пастанова ЦК КПСС і Савета Міністраў СССР ад 11 чэрвеня 1987 г. «Аб пераходзе прадпрыемстваў і арганізацый галін народнай гаспадаркі на поўны гаспадарчы разлік і самафінансаванне». Першай у Беларусі і адной з першых у СССР на гасразлік і самафінансаванне ў парадку эксперыменту была пераведзена Беларуская чыгунка [11, арк.38].

Працягам рэфармавання эканомікі ў дзяржаўным сектары з’явіўся Закон СССР ад 30 чэрвеня 1987 г. «Аб дзяржаўным прадпрыемстве», які пераразмяркоўваў паўнамоцтвы паміж міністэрствамі і прадпрыемствамі на карысць апошніх. Прадукцыя, вырабленая пасля выканання дзяржаказу, магла рэалізоўвацца па сваіх прадпрыемствах. Са студзеня 1989 г. быў завершаны перавод на работу ва ўмовах поўнага гаспадарчага разліку і самафінансавання ўсіх вытворчых галін народнай гаспадаркі БССР (1522 прадпрыемствы) [5, с. 146].

Новыя прынцыпы кіравання дзяржаўным сектарам даволі хутка далі свой станоўчы плён. У Беларусі да 1990 г. назіраўся рост аб’ёмаў прамысловай вытворчасці, прадукцыйнасці працы, павялічыліся заробкі [6, с. 180]. Але існаваў і адваротны бок. Гаспадарчая самастойнасць прадпрыемстваў абмяжоўвалася планавай сістэмай у цэлым. Новыя правы прывялі да бескантрольнай растраты дзяржаўных сродкаў, росту цэн, скарачэння аб’ёмаў і тэмпаў вытворчасці ў асобных галінах прамысловасці (калі ў 1986 г. прырост прамысловай прадукцыі складаў 7%, то ў 1989 г. – толькі 4,8%) [13, с. 7]. Правядзенне рэформы характарызаваўся непаслядоўнасцю і недасканаласцю. У ходзе пераўтварэнняў не адбылося рэфармавання крэдытнай, цэнавой палітыкі, цэнтралізаванай сістэмы забеспячэння. Вялікая частка вырабленай прадукцыі па-ранейшаму ўключалася ў дзяржаказ і, такім чынам, выводзілася са свабоднага продажу.

Больш актыўная трансфармацыя дзяржаўнага сектара з планавага на рыначныя рэйкі пачалася толькі ў 1990 г., калі ўлады ўзялі курс на пераход да рынку. Адным з першых праграмных дакументаў па рыначным рэфармаванні стала агульнасаюзная «Канцэпцыя пераходу да рэгулюемай рыначнай эканомікі». Яе палажэнні ўпершыню былі агучаны ў маі 1990 г. у дакладзе старшыні

саюзнага ўрада М. Рыжкова [4, с. 154]. Канцэпцыя прадугледжвала павольны рух да рынку пры панаванні дзяржаўнай уласнасці і жорсткага кантролю дзяржавы ў эканоміцы. На агульнасаюзным узроўні былі распрацаваны тры асноўныя варыянты пераходу да рынку. Першую, найбольш кансерватыўную праграму падрыхтаваў саюзны ўрад, другі, больш ліберальны вырынт быў прадстаўлены экспертнай групай Прэзідэнта СССР і трэці, самы радыкальны, які называўся «Праграма 500 дзён», падрыхтавала група эканамістаў пад кіраўніцтвам С. Шаталіна. У рэчышчы агульнасаюзных праграм (у першую чаргу «Праграмы 500 дзён») быў распрацаваны беларускі праект пераходу да рынку. У яго тэксце адзначалася, што эканамічная сістэма, якая існуе, не мае магчымасці «забяспечыць эфектыўнае функцыянаванне народнай гаспадаркі і рост жыццёвага ўзроўню народа. Адзіным выхадам з'яўляецца правядзенне радыкальнай эканамічнай рэформы» [13, с. 7]. Рэформы прадугледжвалі наступныя кірункі.

1. Меры па стабілізацыі эканомікі, якія мелі на мэце стрымаць інфляцыю, для чаго прадугледжвалася скарачэнне дзяржаўных расходаў на ўтрыманне дзяржапарату, будаўніцтва. Планавалася адцягнуць лішак грашовай масы са спажывецкага рынку за кошт прыватызацыі кватэр, дач, гаражоў, набывання акцый, аблігацый і г. д.

2. Раздзяржаўленне, прыватызацыя, дэманалізацыя ўласнасці на сродкі вытворчасці; развіццё прадпрыемстваў і канкурэнцыі; раўнапраўе ўсіх форм уласнасці. Да канца 1991 г. планавалася прадаць, здаць у арэнду або бясплатна перадаць большасць дробных прадпрыемстваў у сферы паслуг. На сярэдніх і буйных прадпрыемствах перавага аддавалася акцыянаванню, кааперацыі.

3. Стварэнне новай, больш мяккай сістэмы дзяржаўнага рэгулявання эканомікай. Прадугледжвалася адмовіцца ад жорсткага планавання, размеркавання рэсурсаў і тавараў праз Дзяржплан і Дзяржснаб. Рэгуляванне меркавалася ажыццяўляць праз дзейнасць банкаў, падатковую сістэму, дзяржазаказы. Планавалася паэтапнае ўвядзенне свабоднага цэнаўтварэння з захаваннем кантролю за цэнамі прыкладна на 90 груп тавараў першай неабходнасці.

4. Стварэнне рыначнай інфраструктуры і механізма яе дзеяння. Планавалася арганізацыя біржаў, банкаў, рынкаў сродкаў вытворчасці, рабочай сілы, жылля, тавараў і г. д.

5. Сацыяльная абарона насельніцтва ва ўмовах рыначнай эканомікі. Прадугледжвалася ўвядзенне мінімальнай аплаты працы, індэксацыі даходаў, дапамогі па беспрацоўю, па перакваліфікацыі, маламаёмным і шматдзетным сем'ям, пенсійнае забеспячэнне састарэлых і недзеяздольных.

Правое замацаванне рыначных рэформ на агульнасаюзным узроўні адбылося ў чэрвені 1990 г., калі была прынята пастанова «Аб канцэпцыі пераходу да рыначнай эканомікі», а ў кастрычніку афіцыйна зацверджана прэзідэнцкая праграма пераходу да рынку. У гэтым жа месяцы Вярхоўным Саветам БССР была зацверджана Праграма пераходу да рыначных адносін у БССР. Тагачасны старшыня ўрада БССР В. Кебіч адзначаў: «Пры існуючым узроўні тэхнічнай вытворчасці і канкурэнтаздольнасці вырабляемай прадукцыі, нацэленасці на задавальненне агульнасаюзных патрэб, адсутнасці ўласных сыравінных рэсурсаў і перш за ўсё паліўна-энергетычных, а таксама ў сувязі з негатыўным уплывам наступстваў чарнобыльскай катастрофы практычна на ўсю эканоміку і жыццё людзей пераход на новыя прынцыпы гаспадарання для Беларусі будзе найбольш складаным у параўнанні з усімі іншымі рэспублікамі СССР» [9, арк. 224–225].

Важнай складаючай новай эканамічнай мадэлі стала станаўленне недзяржаўнага сектара, які фактычна адсутнічаў доўгія дзесяцігоддзі. Пачалося фарміраванне шматукладнасці эканомікі, развіццё новых формаў гаспадарання. Як калісьці У. Ленін звярнуўся да рыначных адносін, М. Гарбачоў зноў паспрабаваў паставіць капіталізм на службу сацыялізму. У сувязі з гэтым была вылучана ідэя адраджэння кааператываў і развіцця арэнды. 19 лістапада 1986 г. быў прыняты Закон СССР «Аб індывідуальнай працоўнай дзейнасці», дзякуючы якому легалізавана індывідуальная працоўная дзейнасць, і да 1990 г. ёй ужо было занята 20,5 тыс. жыхароў БССР [16, с. 71].

У лютым 1987 г. Савет Міністраў СССР прыняў пастанову «Аб стварэнні кааператываў па вытворчасці тавараў народнага спажывання», якая адкрыла шлях да адраджэння прадпрыемстваў у Беларусі. Ужо ў 1989 г. у БССР дзейнічала 2518 кааператываў з абаротам у 143 млн руб. [7, арк. 49]. На працягу наступных некалькіх гадоў назіраўся ўстойлівы рост іх колькасці больш чым у два разы [16, с.70]. З прыняццем 28 мая 1991 г. Закона «Аб прадпрыемствах у Беларусі»

кай ССР» узніклі новыя віды недзяржаўных суб'ектаў гаспадарання. У пачатку 1992 г. у Беларусі існавала 4,4 тыс. кааператываў, 3,4 тыс. малых прадпрыемстваў, 155 асацыяцый, 17 канцэрнаў і 2 акцыянерныя таварыствы [6, с. 30].

Але гэта не магло ліквідаваць безумоўнае дамінаванне дзяржаўнага сектара ў эканоміцы. Калі прадпрымальніцтва і набыло даволі шырокае развіццё, то прыватны сектар у цэлым займаў нязначную долю ў агульным аб'ёме вытворчасці. Да канца 1991 г. доля недзяржаўнай уласнасці ў выпуску прамысловай прадукцыі складала толькі 8,6% [6, с. 179]. Даволі часта кааператывы займаліся прымітыўнай спекуляцыяй. Такая сітуацыя склалася ў выніку таго, што цэны ў дзяржаўным сектары фарміраваліся не на рыначнай аснове. Праблему ўяўляла і слаба распрацаваная прававая аснова прадпрымальніцкай дзейнасці. Нярэдка выяўляліся факты прамога парушэння заканадаўства з боку кааператываў, самым распаўсюджаным з якіх была нестатутная дзейнасць [7, арк. 50].

Яшчэ больш актыўна, чым кааператывы рух развіваліся арэндныя адносіны. Заканадаўчую базу для гэтага заклаў прыняты ў пачатку 1989 г. указ Прэзідыума Вярхоўнага Савета СССР. Ён прадугледжваў увядзенне асобных рыначных элементаў пры знешнім захаванні сацыялістычнай традыцыі. Перададзеныя ў арэнду прадпрыемствы і абсталяванне заставаліся ў дзяржаўнай уласнасці, але вырабленая прадукцыя ўжо належала арэнднаму калектыву, які, пры выкананні дзяржаўнага заказа, самастойна распараджаўся гэтай прадукцыяй і прыбыткам ад яе рэалізацыі. Далей меркавалася, што калектывы з часам стануць уласнікамі гэтых прадпрыемстваў. У 1990 г. быў прыняты Закон БССР «Аб арэндзе». Да канца 1991 г. у Беларусі дзейнічала больш за 5000 арэндных прадпрыемстваў [6, с. 30]. Прыватны сектар развіваўся не толькі ў горадзе, але і на вёсцы. Спачатку тут з'явілася арэнда, а з прыняццем Закона «Аб сялянскай (фермерскай) гаспадарцы» да пачатку 1992 г. у Беларусі працавала 757 фермерскіх гаспадарак [6, с. 30].

Такім чынам, дзякуючы развіццю прадпрымальніцтва быў закладзены фундамент для станаўлення ў Беларусі розных формаў уласнасці. Згодна з прынятым раней Законам СССР «Аб уласнасці» і Законам «Аб уласнасці ў Беларускай ССР» дзяржава прызнала роўнасць усіх форм уласнасці, якія падзяляліся на прыватную, калектывную і дзяржаўную, дапускалася ўтварэнне змешаных форм уласнасці.

У часы перабудовы дзяржава пачала ажыццяўляць прыватызацыю часткі дзяржаўнай маёмасці. У ліпені 1991 г. быў прыняты Закон СССР «Аб асноўных пачатках раздзяржаўлення і прыватызацыі прадпрыемстваў», які дазволіў перадачу дзяржаўнай уласнасці ў прыватныя рукі. З мэтай раздзяржаўлення ў снежні 1990 г. быў утвораны камітэт па кіраванні дзяржаўнай маёмасцю БССР і прынята першая праграма прыватызацыі. Дзякуючы ёй ужо да канца 1991 г. была завершана прыватызацыя 19 беларускіх прадпрыемстваў рэспубліканскай уласнасці [12, с. 30]. Пры прыватызацыі прыярытэт надаваўся перадачы дзяржаўных прадпрыемстваў праз арэнду ва ўласнасць працоўных калектываў. Уся маёмасць, якая падлягала прыватызацыі, ацэньвалася ў 56 млрд руб. Для параўнання: вытворчыя фонды рэспублікі складалі 84 млрд руб. [14, с. 4].

Ва ўмовах станаўлення рыначных адносін адбывалася фарміраванне новай фінансава-крэдытнай сістэмы, асновай якой стала банкаўская рэформа. У краіне ўзніклі новыя віды банкаў – камерцыйныя і кааператывныя. 14 снежня 1990 г. былі прыняты Законы «Аб Нацыянальным банку БССР» і «Аб банках і банкаўскай дзейнасці ў БССР». Пачаўся працэс стварэння двухузроўневай банкаўскай сістэмы на чале з Нацбанкам. У снежні 1990 г. сетка саюзных банкаўскіх устаноў, якая мелася ў БССР, перайшла ў рэспубліканскае падначаленне. Былі створаны Беларускі нацыянальны банк, Ашчадны банк БССР, Белзнешэканомбанк; Прамбудбанк, Аграпрамбанк і Жылсацбудбанк ператварыліся ў камерцыйныя. Да пачатку 1992 г. у Беларусі дзейнічала 25 камерцыйных банкаў [6, с. 30].

Пасля актывізацыі эканамічных кантактаў з замежжам са студзеня 1990 г. Дзяржбанк СССР разам з афіцыйным курсам усталяваў і спецыяльны курс дзеля валютнага абслугоўвання савецкіх і замежных грамадзян. Але і тут не абышлося без праблем. Беларусі не хапала сваіх валютных наапаўненняў, якія ў асноўным былі засяроджаны ў саюзным цэнтры. Прышлося з нуля фарміраваць золатавалютны запас. Прадстаўнік урада БССР паведамляў: «Савет Міністраў меў не больш за 800 тыс. інвалюты» ў год [8, арк. 8]. Для пераадолення такога становішча

па рашэнні беларускага кіраўніцтва ствараліся спецыяльныя фонды, мэтай якіх было акумуляванне замежнай валюты, вельмі патрэбнай рэспубліцы, якая пашырала сваю эканамічную самастойнасць.

Адбываліся працэсы фарміравання новай падатковай сістэмы. Пачатак гэтаму паклаў Закон СССР «Аб падаходным падатку з грамадзян СССР, замежных грамадзян і асоб без грамадзянства», згодна з якім была ўведзена адпавядаючая сацыяльнай накіраванасці савецкай эканомікі прагрэсіўная шкала падаткаабкладання. Змяніліся і прынцыпы цэнаўтварэння. Беларусі было прадастаўлена права самастойна вырашаць пытанні цэн і тарыфаў па прадпрыемствах і арганізацыях рэспубліканскага падпарадкавання [17, с. 22]. Была прынята пастанова Савета Міністраў БССР «Аб пераходзе на новую сістэму аптовых цэн і тарыфаў».

Трэба адзначыць, што пераход да новых прынцыпаў цэнаўтварэння быў вельмі складаны. З пашырэннем эканамічнай самастойнасці саюзных рэспублік назіраліся працэсы станаўлення і рознай фінансавай палітыкі. Не ва ўсіх рэспубліках існавалі аднолькавыя цэны. Такая сітуацыя выклікала масавае перамяшчэнне тавараў з рэгіёнаў з нізкімі цэнамі туды, дзе яны былі вышэй, і назіраўся дэфіцыт. Беларусь, урад якой праводзіў палітыку штучнага стрымлівання цэн, апынулася ў становішчы масавага адтоку тавараў. В. Кебіч паведамляў: «Мы грабім рэспубліку неверагодна і перш за ўсё ачышчаем прылавак па таварах народнага спажывання. Вывозім сотнямі, тысячамі, дзясяткамі тысяч, вывозім у Прыбалтыку і перапрадаем» [8, арк. 2].

У Літву і Латвію праз умоўную мяжу, дэмаркацыя якой яшчэ не адбылася, везлі харчовыя і гаспадарчыя тавары, нават пераганялі цэлыя статкі жывёл. Так, толькі у Шчучынскім раёне ў 1991 г. літоўскім перакупшчыкам, якія пазбаўляліся савецкіх грошай, было прададзена 2600 кароў і больш за 3700 свіней [15, с. 2].

Дзеля прадухілення падобных адмоўных тэндэнцый быў прыняты Закон «Аб часовых мерах па ахове спажывецкага рынку Беларускай ССР», згодна з якім улады спрабавалі адміністрацыйнымі метадамі абмежаваць вываз тавараў за межы рэспублікі. Ужо восенню 1990 г. на межах Беларусі з'явіліся пункты кантролю за рухам тавараў, а ў Крымінальны кодэкс быў уведзены артыкул за спекуляцыю. Пры перасячэнні мяжы ў лістападзе 1990 г. грамадзяне рэспублікі мелі права вывезці, напрыклад, толькі 200 г масла, столькі ж каўбасы, 10 шт. яек, 2 пачкі запалак [2, с. 24].

Акрамя таго, у жніўні 1990 г. быў арганізаваны продаж многіх нехарчовых тавараў у парадку безнаўных разлікаў з прымяненнем чэкавых кніжак і раліковых чэкаў, якія выдаваліся насельніцтву па месцы жыхарства. Па чэкавых кніжках прадавалася ў першую чаргу бытавая тэхніка. Былі ўсталяваныя строкі паўторнага набыцця гэтых тавараў – праз 5 гадоў [1, с. 53].

Але падобная палітыка не вельмі стрымлівала міжрэгіянальную спекуляцыю, якую магло прадухіліць толькі паступовае выраўноўванне цэн праз павышэнне, а, мабыць, і поўны адказ ад кантролю за імі. Але кіраўніцтва БССР не хацела ісці на падобныя крокі, жадаючы захаваць існуючы ўзровень жыцця і сацыяльную стабільнасць.

У сваёй цэнавой палітыцы ўрад БССР прытрымліваўся прынцыпаў дзяржаўнага кантролю за фінансавым сектарам і валютным абарачэннем. Такая палітыка выклікала вострую крытыку, асабліва ў прыхільнікаў хуткіх рэформаў у рэчышчы мерапрыемстваў «шокавай тэрапіі». Галоўнай праблемай была разбалансаванасць таварнай і грашовай масы. Ужо ў 1989 г. тэмпы росту грашовых прыбыткаў насельніцтва перавысілі тэмпы росту вытворчасці тавараў народнага спажывання [10, арк. 181]. Да 1990 г. грашовыя прыбыткі насельніцтва ў цэлым па БССР перавысілі выдаткі на набыццё тавараў, плацяжы і ўносы больш чым на 4 млрд руб., што было выразнай прыкметай нарастання незадаволенага попыту [13, с. 7]. Неапраўданае павышэнне заробкаў, а таксама штучнае стрымліванне цэн вялі да павелічэння дэфіцыту.

Важнай складаючай станаўлення новай эканамічнай сістэмы ў Беларусі стала набыццё ёю палітычнага суверэнітэту. Гэта, безумоўна, адбылася і на працэсах у сацыяльна-эканамічнай сферы. Пачаўся пераход да новых прынцыпаў кіравання эканомікай, заснаваных на палітычнай і эканамічнай самастойнасці. Прававой асновай першапачатковых змен сталі Законы СССР «Аб асноўных адносінах Саюза ССР, саюзных і аўтаномных рэспублік» і «Аб агульных пачатках мясцовага самакіравання і мясцовай гаспадаркі СССР».

Згодна з агульнасаюзнай палітыкай, урадам БССР з 1990 г. быў узяты курс на пашырэнне гаспадарчай самастойнасці рэспублікі, развіццё гарызантальных эканамічных сувязяў. Дадзены працэс пачаўся з пастановы Савета Міністраў СССР «Аб першачарговых мерах па пераходзе Беларускай ССР з 1990 года на новыя ўмовы гаспадарання на аснове самакіравання і самафінансавання». Прадпрыемствы часткова пачалі пераходзіць з саюзнага падначалення ў рэспубліканскае. Савет Міністраў БССР сам усталёўваў склад і структуру органаў кіравання рэспублікі, сам уводзіў і адмяняў большую частку падаткаў, усталёўваў цэны, вызначаў капітальныя ўкладанні. Пашыраліся паўнамоцтвы беларускага кіраўніцтва ў галіне планавання. Народнагаспадарчыя патрабаванні Беларусі забяспечваліся ўласнымі фінансавымі рэсурсамі з улікам адлічэнняў у саюзны бюджэт. Пашырыліся магчымасці знешнеэканамічнай дзейнасці Беларусі [9, арк. 93–98]. Прызнавалася першачарговае права рэспублікі на выкарыстанне прадукцыі і тавараў, вырабляемых прадпрыемствамі, аб'яднаннямі і арганізацыямі, размешчанымі на яе тэрыторыі [9, арк. 79]. Пачаўся паступовы працэс ліквідацыі дыктату саюзных міністэрстваў у кіраванні эканомікай.

Але ад самога пачатку станаўлення эканамічнай самастойнасці Беларусі выявіліся і сур'ёзныя недахопы. Напрыклад, з перадачай прадпрыемстваў у рэспубліканскае падначаленне не прадстаўлялася адпаведная частка фінансавых сродкаў. Мясцовым саветам разам з прадпрыемствамі не перадаваліся ліміты і фонды капітальных укладанняў, матэрыяльна-тэхнічных рэсурсаў, зарплаты, не кампенсаваліся страты рэспубліканскага бюджэту па віне цэнтра. Дзяржбанкам СССР было замарожана права рэспублікі самастойна распараджацца крэдытнымі рэсурсамі, якія фарміраваліся за кошт укладаў насельніцтва [9, арк. 103–104]. Канчаткова не была вырашана праблема стварэння валютных фондаў.

Пікам палітыкі суверэнізацыі айчынай эканомікі з'явіліся «Дэкларацыя аб дзяржаўным суверэнітэце БССР» ад 27 ліпеня 1990 г., Закон БССР «Аб наданні канстытуцыйнага статусу Дэкларацыі аб дзяржаўным суверэнітэце БССР» ад 25 жніўня 1991 г. і пастанова Вярхоўнага Савета БССР «Аб забеспячэнні палітычнай і эканамічнай самастойнасці Беларускай ССР». Апошні прававы акт аб'яўляў палітычную і эканамічную незалежнасць Беларусі і загадваў перадаць ва ўласнасць БССР усе прадпрыемствы, арганізацыі і ўстановы саюзнага падпарадкавання, размешчаныя на яе тэрыторыі. Адбылася змена саюзнай уласнасці, якой было 41,7% і дзе выраблялася 51% усёй прадукцыі, на рэспубліканскую [6, с. 179].

У новых умовах кіраўніцтву Беларусі і мясцовым прадпрыемствам трэба было наўпрост, без удзелу цэнтра, наладжваць эканамічныя сувязі з іншымі рэспублікамі СССР, дамаўляцца аб пастаўках сыравіны і тавараў. Яшчэ 5 жніўня 1990 г. адбылася рабочая нарада старшынь урадаў Беларусі, Літвы, Латвіі, Эстоніі і прадстаўніцтваў Расіі і Малдовы, на якой абмяркоўваліся праблемы прамых міжрэспубліканскіх сувязяў.

Першы міжрэспубліканскі дагавор быў заключаны паміж БССР і Казахстанам у кастрычніку 1990 г. Беларусь абавязвалася пастаўляць аўтамабілі, трактары, у адказ павінна была атрымоўваць зерне, прадукты металургіі, хіміі і г. д. Ужо да канца 1990 г. з адзінаццаццю рэспублікамі Беларусі мела дагаворы аб каардынацыі дзеянняў і прамых пастаўках [3, с. 51].

Важнай дзейнасцю ўрада стала не толькі наладжванне гарызантальных эканамічных сувязяў з партнёрамі ў межах СССР, але і прамы выхад на міжнародныя рынкі. Раней знешнеэканамічнымі сувязямі займаліся органы саюзнага ўзроўню. Ва ўмовах павелічэння эканамічнай самастойнасці, крызісу эканомікі, пераходу да новых форм гаспадарання трэба было шукаць новыя рынкі, прыцягваць у краіну інвестыцыі і крэдыты. Прамыслова развітая Беларусь магла стаць даволі прывабнай для замежных інвестыцый. Тагачасны старшыня ўрада В. Кебіч адзначаў: «Па ацэнках МВФ мы адзіная рэспубліка (СССР. – П. Ж.), з якой можна мець справу» [8, арк. 30].

Прававой асновай для наладжвання міжнародных эканамічных кантактаў Беларусі стаў Закон «Аб асновах знешнеэканамічнай дзейнасці Беларускай ССР», які надаваў рэспубліцы права самастойна выходзіць на міжнародны рынак. У якасці ўдзельнікаў знешнеэканамічнай дзейнасці да пачатку 1990 г. у БССР было зарэгістравана 417 прадпрыемстваў [17, с. 21]. Але ў Беларусі існавалі складанасці ў сувязі з тым, што знешнегандлёвыя арганізацыі СССР амаль адразу ж падначаліла сабе Расія, якая не дзялілася вопытам з братэрскімі рэспублікамі.

У гады перабудовы была скарэціравана структура прамысловасці Беларусі: за 1985–1991 гг. узрасла на 7,8% удзельная вага тавараў спажывання ў агульным аб'ёме вытворчасці [6, с. 181]. Змяніліся структурныя суадносіны паміж прамысловасцю, сельскай гаспадаркай і сектарам паслуг на карысць апошніх. Найбольш выразнай з'явай тых часоў стала канверсія абаронных прадпрыемстваў. Выпуск тавараў народнага спажывання на іх ужо ў першым паўгоддзі пасля ўвядзення павялічыўся на 29%. Выраблялі радыёпрыёмнікі, магнітафоны, мясарубкі і г. д. [9, арк. 102].

Адбыліся змены ў сацыяльнай структуры грамадства. У краіне ва ўмовах пераходу да рыначных адносін назіраўся працэс маёмаснага размежавання. Узнік больш заможны пласт прадпрымальнікаў. Самыя высокія заробкі фарміраваліся ў фінансава-крэдытнай сферы і страхаванні, ніжэйшыя – у галіне культуры. За часы перабудовы значна знізіліся сярэднія заробкі ў галіне адукацыі і навукі [6, с. 8]. Вялікія перамены прынесла і чарнобыльская катастрофа, па віне якой за 1990–1991 гг. з чарнобыльскай зоны былі пераселены 33 тыс. чалавек, выехалі на свабоднае пасяленне 46 тыс. чалавек [6, с. 104].

Такім чынам, у 1985–1991 гг. быў закладзены падмурак для станаўлення ў Беларусі новай сацыяльна-эканамічнай мадэлі, якая грунтавалася на свабодзе розных форм уласнасці, развіцці прадпрымальніцтва. Адначасова была захавана вядучая роля дзяржаўнага сектара эканомікі, які пераходзіў на рыначныя прынцыпы. Адбылося адраджэнне прыватнага сектара, які атрымаў сваё месца ў структуры айчыннага рынку; назіралася станаўленне новай крэдытна-фінасавай, падатковай сістэмы. Да сучаснага тыпу наблізілася структура прамысловасці і знешняга гандлю рэспублікі. Падчас перабудовы ў Беларусі былі закладзены асновы для станаўлення шматукладнай эканомікі. Такім чынам, цяжкія часы ажыццяўлення палітыкі перабудовы, адначасова з тым, што прынеслі шмат складанасцей (часовае падзенне ўзроўню жыцця грамадзян, ломку сацыяльна-эканамічных адносін), сталі пачаткам новай хвалі эканамічнай мадэрнізацыі краіны, заклалі падмурак для пераходу Беларусі да новага этапу свайго гістарычнага развіцця.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. В период перестройки: смутные времена торговли. Вспоминает Владимир Демьянович – министр торговли Республики Беларусь в 1990–1991 годы // Гермес: журнал М-ва торговли Респ. Беларусь. – 2011. – № 7. – С. 52–57.
2. Злотников, Л. К. Проблемы экономических реформ в Беларуси / ред. и авт. предисл. П. Козаржевский / Л. Злотников, Н. Злотникова. – Варшава, 1996. – 43 с.
3. Кебич, В. Ф. Искушение властью: из жизни премьер-министра / В. Ф. Кебич. – Минск: Парадокс, 2008. – 478 с.
4. Медведев, В. А. В команде Горбачева: Взгляд изнутри / В. А. Медведев. – М.: Былина, 1994. – 239 с.
5. Народное хозяйство Белорусской ССР в 1988 г.: стат. ежегод. / Гос. ком. БССР по статистике. – Минск: Беларусь, – 1989. – 263 с.
6. Народное хозяйство Республики Беларусь в 1991 г.: стат. сб. / Гос. ком. Респ. Беларусь по статистике и анализу. – Минск: Беларусь, 1993. – 263 с.
7. Национальный архив Республики Беларусь. – Ф. 7. Оп. 10. Д. 1946. – Материалы о развитии кооперативного движения в БССР.
8. НАРБ. – Ф. 7. Оп. 10. Д. 2003. – Документы Совета Министров БССР.
9. НАРБ. – Ф. 7. Оп. 10. Д. 2061. – Материалы государственной комиссии Совета Министров СССР по экономической реформе.
10. НАРБ. – Ф. 7. Оп. 10. Д. 2079. – Документы о деятельности специализированных банков республики.
11. НАРБ. – Ф. 7. Оп. 10. Д. 2535. – Документы государственной комиссии Совета Министров СССР по экономической реформе.
12. Опыт и проблемы приватизации в Республике Беларусь / А. С. Губаревич, В. В. Криволапов, В. П. Матюшевский, М. В. Мясникович. – Минск, 1992. – 83 с.
13. Программа перехода Белорусской ССР к рыночной экономике. – Минск, 1990. – 437 с.
14. Рэспубліка: газета / заснавальнік Савет Міністраў Рэсп. Беларусь. – Мінск: [б. в.], 25 чэрня 1991 г. – 15 с.
15. Свабода / заснавальнік П. Жук. – Мінск: Рэдакцыя газеты «Свабода», люты 1992. – № 1. – 8 с.
16. СССР в цифрах в 1990 году: краткий стат. сб. / Государственный комитет СССР по статистике, Информационно-издательский центр. – М.: Финансы и статистика, 1991. – 320 с.
17. Трынаццатая сесія Вярхоўнага Савета Беларускай ССР адзінаццатага склікання, 4–5 снежня 1989 года: стэнаграфічная справаздача. – Мінск: Беларусь, 1991. – 381 с.
18. Хрестоматия по истории Беларуси: в 2 ч.: учеб. пособие для студ. вузов по ист. спец. – Минск: Издат. центр Белорус. гос. ун-та, 2008–2012. Ч. 2, кн. 2: 1946 г. – начало XXI века / сост.: Я. И. Трещенок [и др.]. – 2012. – 438 с.

References

1. (2011) “During the period of perestroika: the troubled times of trade. Recalls Vladimir Dem’yanovich - Minister of Trade of Belarus within 1990-1991”, *Hermes*, no. 7, pp. 52-57.
2. Zlotnikov, L. K. (1996) *Problemy ekonomicheskikh reform v Belarusi* [Problems of economic reforms in Belarus], Warsaw, PL
3. Kebich, V. F. (2008) *Iskushenie vlast'yu: iz zhizni prem'er-ministra* [Temptation of power: life of the Prime Minister], Minsk, BY
4. Medvedev, V. A. (1994) *V komande Gorbacheva: Vzglyad iznutri* [Gorbachev's team: a view from the inside], Moscow, RU
5. (1989) *Narodnoe khozyaistvo Belorusskoi SSR v 1988 g.: Stat. ezhegodnik* [The national economy of the Belarusian Soviet Socialist Republic in 1988: Statistical Yearbook], Minsk, BY
6. (1993) *Narodnoe hozyaistvo Respubliki Belarus' v 1991 g.: Stat. sb.* [The national economy of the Republic of Belarus in 1991], Minsk, BY
7. *Natsional'nyi arkhiv Respubliki Belarus'* [National Archive of the Republic of Belarus], Fonds 7, Series 10, File 1946.
8. *Natsional'nyi arkhiv Respubliki Belarus'* [National Archive of the Republic of Belarus], Fonds 7, Series 10, File 2003.
9. *Natsional'nyi arkhiv Respubliki Belarus'* [National Archive of the Republic of Belarus], Fonds 7, Series 10, File 2061.
10. *Natsional'nyi arkhiv Respubliki Belarus'* [National Archive of the Republic of Belarus], Fonds 7, Series 10, File 2079.
11. *Natsional'nyi arkhiv Respubliki Belarus'* [National Archive of the Republic of Belarus], Fonds 7, Series 10, File 2535.
12. (1992) *Opyt i problemy privatizatsii v Respublike Belarus'* [Experience and problems of privatization in the Republic of Belarus], Minsk, BY
13. (1990) *Programma perekhoda Belorusskoi SSR k rynochnoi ekonomike* [Program of the Belarusian SSR transition to a market economy], Minsk, BY
14. (1991) *Respublika* [Republic], Minsk, June 25th, p. 15.
15. (1992) *Svaboda* [Freedom], no. 1, p. 8.
16. (1991) *SSSR v cifrakh v 1990 godu: kratkii statisticheskii sbornik* [USSR in figures in 1990: a brief statistical compilation: Statistical Yearbook], Moscow, RU
17. (1991) *Trynatstsataya sessiya Vyarkhoynaga Saveta Belaruskai SSR adzinatstsataga sklikannya, 4-5 snezhnya 1989 goda: stenografichnaya spravazdacha* [The thirteenth session of the Supreme Council of the Belarusian Soviet Socialist Republic of the Eleventh Convocation, 4-5 December 1989: verbatim record], Minsk, BY
18. (2012) *Khrestomatiya po istorii Belarusi: v 2 ch.: uchebnoe posobie dlya studentov vysshikh uchebnykh zavedenii po istoricheskim spetsial'nostyam* [Readings on the history of Belarus], 2008-2012, part 2, book 2: 1946 - the beginning of the XXI century, Minsk, BY

Информация об авторе

Жилинский Петр Андреевич – аспирант. УО «Белорусский государственный университет» (пр. Независимости, 4, 220030, Минск, Республика Беларусь). E-mail: zilinski@tut.by.

Information about the author

Zylinski Piotr Andreevich – postgraduate student. Belarusian State University (Independence Avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: zilinski@tut.by.

Для цитирования

Жылінскі, П. А. Ад плана да рынку : пачатак трансфармацыі эканомікі Беларусі ў гады палітыкі перабудовы // Вест. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2016. – № 4. – С. 38–45.

For citation

Zhylinski P. A. From plan to market: the beginning of the transformation of the Belarusian economy in the years of perestroika. Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus, humanitarian series, 2016, no.4, pp. 38-45.

А. А. Савіч

*Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. С. Пушкіна, Брэст, Рэспубліка Беларусь***ПАРТЫЗАНСКИ РУХ У ЗАХОДНЯЙ БЕЛАРУСІ Ў ПЕРШАЙ ПАЛОВЕ 1920-х ГГ.:
СТАН І ПЕРСПЕКТЫВЫ ДАСЛЕДАВАННЯ**

Отечественная историческая наука как в советское время, так и в период суверенной Республики Беларусь демонстрировала устойчивый интерес к истории вооруженного сопротивления западнобелорусского населения польской оккупации как яркому примеру самоотверженной борьбы белорусского народа за преодоление несправедливого Рижского мирного договора. Западнобелорусское партизанское движение вызывало живой отклик в настроениях белорусского народа, было представлено самыми разнообразными политическими силами, действия которых не всегда соотносились с тактическими установками и практическими потребностями большевистского руководства, зависели от разнонаправленных белорусских национальных организаций, а также иностранных военно-политических структур. Поэтому широко озвученные примеры партизанского сопротивления польским властям получали в 1920-е годы и получают сегодня неоднозначную и противоречивую оценку историков. В статье отражены основные научно-методологические показатели развития отечественной историографии истории партизанского движения в Западной Беларуси в первой половине 1920-х годов. На основании широкого круга историографических и архивных источников представлен процесс развития историографии вопроса, выявлены основные подходы к изучению истории партизанской борьбы, формулировки и оценки деятельности различных течений партизанского движения, сделан вывод о наличии научно-теоретической и источниковедческой базы для монографического изучения темы.

Ключевые слова: историография, источники, методология, Западная Беларусь, партизанское движение, политические партии, восстание.

A. A. Savich

*Brest State University named after AS Pushkin, Brest, Republic of Belarus***PARTISAN MOVEMENT IN WESTERN BELARUS IN THE EARLY 1920s:
STATE AND PROSPECTS OF THE STUDY**

Guerrilla struggle of the Belarusian people against the Polish occupation after the Polish-Soviet War aroused great interest in the company and is reflected in the pages of periodicals and scientific publications. However, the subject has not acquired a thorough case study that requires its historiographical reflection and discovery of scientific-theoretical bases of source and the objective to create a monographic study. In the article the basic scientific and methodological development of indicators of national historiography history of the guerrilla movement in Western Belarus in the first half of the 1920s. Based on a wide range of historiographical and archival sources identified the stages in the development of the issue of historiography, the main approaches to the study of the history of guerrilla warfare, the formulation and evaluation of the various trends of the partisan movement, concluded that there was scientific-theoretical and source base for the monographic study of the topic.

Keywords: historiography, sources, methodology, Western Belarus, the guerrilla movement, political parties, rebellion.

Уводзіны. Партызанскі рух у Заходняй Беларусі ў пачатку 1920-х гадоў з'яўляецца яскравым пацвярджэннем імкнення беларускага народа да нацыянальнай кансалідацыі, вызвалення з дапамогай зброі ад умоў, навязаных Беларусі несправядлівым Рыжскім мірам. У ім актыўны ўдзел прымалі прадстаўнікі розных палітычных сіл ад т. зв. «зялёных» фарміраванняў, эсэраўскіх злучэнняў пад сцягам БНР і пры шчыльным узаемадзеянні з літоўскім урадам у г. Коўне, адзнак Беларускай рэвалюцыйнай арганізацыі (БРА) да пракамуністычных атрадаў, якія мелі арганізацыйную падтрымку з боку савецкіх ваенна-разведвальных структур. Заходнебеларуская «партызанка», як у той час называлі паўстанца-партызанскую барацьбу на беларускіх землях пад Польшчай, выклікала велізарную цікавасць у грамадстве і атрымлівала асвятленне на старонках перыядычных выданняў і навуковых публікацый. Аднак тэма так і не атрымала свайго прадметнага даследавання, што патрабуе яе гістарыяграфічнага асэнсавання і выяўлення навукова-тэарэтычных і крыніцазнаўчых падстаў для стварэння манаграфічнага даследавання.

Асноўная частка. У вывучэнні гісторыі Заходняй Беларусі 1921–1939 гг. выразна выяўляюцца тры перыяды, якія адрозніваюцца асноўнымі кампанентамі арганізацыйна-метадалагічнага характару: першы – 1920-я – сярэдзіна 1950-х гадоў; другі – другая палова 1950 – пачатак 1990-х гадоў; трэці, сучасны – 1990–2000-я гады [1, с. 206–215]. Гэтая перыядызацыя распаўсюджваецца і на гісторыю партызанскага руху.

У пачатку 1920-х гадоў у савецкім грамадстве, правадыры якога не страцілі канчаткова надзею на магчымасць рэалізацыі сусветнай рэвалюцыі, актыўна падтрымліваліся настроі варожасці ў дачыненні Польшчы, якая стаяла першай на чарзе да магчымай рэвалюцыйна-арганізацыйнай. Таму шырока папулярызаваны падзеі партызанскай барацьбы, яркія вобразы правадыроў беларускіх паўстанцаў, найбольш часцей згаданых атаманаў Скамароха і Мухі, сталі неад’емнай часткай тагачаснага агітацыйна-прапагандыскага дыскурсу [2; 3].

Аўтары публікацый прыхільна-прывітальна ставіліся да частых выпадкаў баявых аперацый беларускіх паўстанцаў з «польскімі акупантамі» ў адказ, як справядліва сцвярджалася, на жорсткі ўціск і шматлікія абмежаванні і злоўжыванні польскай улады ў дачыненні да беларускага насельніцтва. Нягледзячы на стыхійнасць як адну з яркіх рыс адлюстравання партызанскага руху, у публікацыях БССР ва ўзнёсла-рамантычным стылі ўзгадваліся беларускія эсэры як асноўная сіла ўзброенага народнага супраціўлення польскай акупацыі і нацыянальнаму прыгнёту. Такія гістарыяграфічныя з’явы ў другой палове 1920-х і ажно да пачатку 1990-х гадоў тлумачылася тым, што эсэраўскі кампанент беларускага нацыянальнага руху быў вельмі важным для бальшавіцкай улады, у тым ліку і для кантролю беларускага нацыянальна-вызваленчага руху ў Польшчы. Таму ўлады БССР не перашкаджалі публікацыі матэрыялаў пра паўстанцкі рух у Заходняй Беларусі і актыўны ўдзел у ім беларускіх эсэраў.

У першай палове 1920-х гадоў ва ўмовах адсутнасці прафесійных кадраў беларускіх гісторыкаў – спецыялістаў па гісторыі Заходняй Беларусі, якія б забяспечылі патрэбнае асвятленне падзей, творы па заходнебеларускай тэматыцы мелі ярка літаратурна-публіцыстычныя рысы. Так, найбольш значным у фактаграфічным плане творам айчынай гістарыяграфіі па гісторыі партызанскага руху і па сённяшні час з’яўляецца змястоўны артыкул пісьменніка Змітрака Бядулі «Партызанскі рух у Заходняй Беларусі» ў зборніку «Заходняя Беларусь (1925)», які з’яўляецца характэрным у дачыненні да вышэйадзначаных аспектаў, у тым ліку звязаных з вызначальным удзелам эсэраў у «партызанцы». Прытым, што ў ім прыводзіліся шматлікія згадкі пра падзеі паўстанцкага руху, у тым ліку арганізацыйная праца Скамароха, Чорта, ультыматум Пілсудскаму, пра Беластоцкі працэс і ролю ў правале беларускага падполля В. Маслоўскай, Разумовіча (Хмары), «зрадніка Лянкевіча», шматлікія баявыя аперацыі беларускіх паўстанцаў, артыкул змяшчаў тэматычна актуальны і ў наш час падраздзел «Ці беларускі селянін сапраўды пакорлівы і прыбіты». У ім аўтар выказаўся пра беларускі народ, які «даўно страціўшы сваю дзяржаўную самастойнасць, ня меў магчымасці выяўляць у гістарычных падзеях сваёй гэроічнасці». Такія беларуска-дзяржаўніцкія разважанні прывялі аўтара да высновы, што мэтай «Беларускага Хаўрусу Вызвалення Бацькаўшчыны», пад аб’яднаннем якога па ўсёй тэрыторыі Заходняй Беларусі арганізаваліся невялічкія групы, была «барацьба з польскай окупацыяй за незалежнасць Беларусі» [4, с. 48, 52]. У тым самым зборніку маецца і раздзел з назвай «Паўстанцкі рух», змест якога напоўнены інфармацыяй пра гучнаведомыя падзеі «заходнебеларускай партызанкі», пры гэтым сцвярджалася, што «ня некалькі год аддзяляе ад шырокага паўстання, але яно можа выбухнуць у надыходзячую вясну!» [5, с. 24, 25].

Відавочна, што публікацыі выяўлялі настроі шырокіх колаў беларусаў, звязаных з надзеяй на паспяховае ажыццяўленне плана паўстання ў Заходняй Беларусі. У канцы кастрычніка 1924 г. на II канферэнцыі КПЗБ было прынята рашэнне аб падрыхтоўцы да паўстання, аднак яно было скасавана камінтэрнаўскім кіраўніцтвам паводле настойлівых патрабаванняў польскіх камуністаў. У 1925 г. арганізаваны партызанскі рух быў канчаткова згорнуты, пачалося паступовае прыпыненне, а потым і адмаўленне ад папярэдніх схем яго асвятлення. Гэта тлумачыцца тым, што ў сярэдзіне 1920-х гадоў ва ўмовах стабілізацыі Польшчы савецкая ўлада канчаткова адмовілася ад падкантрольнага ёй партызанскага руху, у тым ліку ў выглядзе «актыўнай разведкі» як спосабу набліжэння Польшчы да рэвалюцыі. Курс на ўзброенае паўстанне быў прызнаны памылковым.

Нежаданне нацыянальна арыентаваных членаў КПЗБ – «сэцэсіі» сіламі якіх II канферэнцыя ўзяла курс на паўстанне, падпарадкоўвацца скасаванню «партызанкі» прывяло да расколу ў партыі. З-за актыўнага ўдзелу ў «сэцэсіі» былых беларускіх эсэраў у савецкім кіраўніцтве яшчэ больш умацнілася ваража-негатывнае стаўленне да БПС-Р, таму іх актыўная партызанска-паўстанцкая справа ў Заходняй Беларусі не магла быць аб'ектам увагі, а тым больш усхвалення, як было раней. Асвятленне партызанскага руху робіцца ўсё больш абмежаваным, нягледзячы на тое, што ў 1926 г. пры Інбелкульце была створана адмысловая навуковая ўстанова – Камісія па вывучэнні Заходняй Беларусі [6, арк. 15]. Здавалася б, пасля гэтага заходнебеларуская тэматыка стане больш навукова забяспечанай і праўдзівая-аб'ектыўнай, аднак атрымалася наадварот. Камісія, як і Заходні сектар Інстытута гісторыі Беларускай акадэміі навук, створаны ў 1931 г., у планах якога прысутнічала тэматыка партызанскага руху [7, с. 119], у навукова-метадалагічным сэнсе была накіравана на дапасаванне падзей Заходняй Беларусі да патрэб бальшавіцка-камінтэрнаўскага кіраўніцтва, якое не задавальняла папярэдняя канцэпцыя партызанскага руху з актыўнай прысутнасцю эсэраў. Таму ў публікацыях ўсё больш яскрава выяўляецца імкненне да замоўчвання «эсэраўскай партызанкі», ілюстрацыі стыхійнасці са згадкай няўлоўнага Мухі-Міхальскага як сімвала супраціўлення рэжыму гвалту і тэрору, як, напрыклад, у М. Лучаніна ў раздзеле пад красамоўнай назвай «Партызаншчына» [8, с. 51–53]. І хоць тэма беларускіх партызан згадвалася ў савецкіх газетах у кантэксце асуджэння жорсткай расправы польскай улады над беларускім народам [9–11], яна ў тагачасным ідэйна-палітычным кантэксце стала губляць сваю актуальнасць. Пры гэтым, ва ўмовах Рыжскага міру, інфармацыя ў савецкім друку аб актыўным выкарыстанні савецкім бокам ваенна-дыверсійных атрадаў, якія ў адпаведнасці з канцэпцыяй «актыўнай разведкі» засылаліся ў Заходнюю Беларусь з тэрыторыі БССР, была недапушчальнай, таму ў публікацыях адпаведныя ўзброеныя аддзелы і іх кіраўнікі не фігуравалі.

Вірлівыя падзеі, звязаныя з дзейнасцю Грамады, адсунулі з авансцэны савецкай гістарыяграфіі Заходняй Беларусі гісторыю «партызанкі». У канцы 1920-х гадоў гэта было на руку бальшавіцкім дзеячам, у тым ліку і арганізатарам паўстанцка-партызанскага руху, напрыклад У. Ігнатоўскаму: ва ўмовах паступовага абвастрэння ўнутрыпартыйнай барацьбы шчыльная сувязь з былымі паплечнікамі, а зараз ідэйнымі ворагамі – эсэрамі, была падставай для бесцырымонных нападак з боку інтэрнацыянальна арыентаваных канкурэнтаў. Аднак па-за межамі БССР асэнсаванне гераічных падзей паўстанцкай справы атрымала больш шырокі водгук і адлюстраванне, у першую чаргу актыўнымі ўдзельнікамі – арганізатарамі паўстанцкага руху. Яркая з'ява айчыннай гістарыяграфіі праблемы з'яўляецца апублікаваны ў 1930 г. на чэшскай мове ў Празе нарматыўны твор В. Разумовіча (Хмары) «Грымасы сьвятовай валькі. Успамінкі атамана партызана» з цікавым, падрабязным, суб'ектыўным матэрыялам пра партызанскі рух у Заходняй Беларусі [12, арк. 148–155].

Беларуская савецкая версія гісторыі партызанскай барацьбы ў драматычных падзеях арганізаванай на беларускую інтэлігенцыю атакі канца 1920 – пачатку 1930-х гадоў, дыскрэдытацыі беларускага нацыянальнага руху ў Заходняй Беларусі, роспуску КПЗБ, разгрому кадраў беларускай гістарычнай навукі ў сярэдзіне 1930-х гадоў звязілася да прымітыўнай схемы, у якой барацьба беларускага народа паказвалася як стыхійны працэс, выкладалася павярхоўна, узброеныя выступленні былі кваліфікаваныя як сялянскія [13, с. 32, 34; 14, с. 19].

На фоне відавочнага звужэння прадмета даследавання, імкнення ігнаравання эсэраўска-бэнэраўскага ўплыву ў арганізацыі вайскова-партызанскіх адзінак, замоўчвання КПЗБ як пралетарскай партыі ў справе функцыянавання ваеннага фактару камінтэрнаўскай палітыкі, спробы больш глыбокага аналізу і адлюстравання партызанскай тэматыкі прыводзілі да відавочных супярэчнасцей. Так, рэдагаванае М. Нікольскім і І. Лочмелем выданне, справядліва называючы партызанскі рух 1921–1925 гг. непасрэдным працягам партызанскай барацьбы 1920 г., пацвярджаючы тэзіс аб стыхійнасці, падае партызанскія атрады сялянскімі. Пры гэтым перыяд 1922–1923 гг. – час эсэраўска-бэнэраўскага супрацоўніцтва з літоўскімі ўладамі – пададзеныя як час, калі «барацьба беларускага народа супраць акупантаў набывае характар сапраўднай вайны, у якой з абодвух бакоў прымалі ўдзел значныя вайсковыя сілы». У выданні была сфармулявана больш ёмістая ў параўнанні з папярэдняй схема сутнасці і характару партызанскага руху. Маючы на ўвазе прыяры-

тэты марксісцка-ленінскай метадалогіі, гісторыкі справядліва канстатавалі адсутнасць яскрава акрэсленага класавага характару і дастатковай арганізацыі партызанскіх выступленняў. Улічваючы эсэраўска-бэнэраўскі фактар, яны сцвярджалі, што «беларускія буржуазныя нацыяналісты» імкнуліся затрымаць развіццё масавага нацыянальна-вызваленчага руху, накіраваць яго на шлях «абмежаванага нацыяналізму». Аднак камуністычныя арганізацыі былі нешматлікія і недастаткова моцныя, каб «ахапіць сваім кіраўніцтвам і арганізаваць масавы паўстанцкі рух». Так уводзілася думка аб тым, што «з ростам камуністычнай партыі ў Заходняй Беларусі, арганізацыяй камуністычных ячэек у сельскай мясцовасці барацьба народных мас прымала ўсё больш арганізаваны характар» [15, с. 53]. Але сёння вядома, што канстатаванае «ўзмацненне» КПЗБ прывяло да скасавання ў 1925 г. партызанскага руху па волі яе прапольскага кіраўніцтва. Як праяву аб'ектыўнасці можна кваліфікаваць выказванне гісторыкаў пра існаванне ў перыяд 1924–1925 гг. на тэрыторыі Заходняй Беларусі шэрагу камуністычных арганізацый, якія кіравалі партызанска-паўстанцкім рухам. Сапраўды, раскол у КПЗБ у выніку дзейнасці «сэцэсіі» і розныя падыходы ў партыі да перспектывы ўзброенага змагання з боку дзвюх групавак у партыі мелі месца ў пракамуністычным партызанскім руху Заходняй Беларусі.

Пасля палітычнай рэабілітацыі КПЗБ у час працы XX з'езда КПСС у БССР актывізавалася даследаванне гісторыі Заходняй Беларусі, і, нягледзячы на панаванне ў агульнай структуры даследаванняў гісторыка-партыйнай тэматыкі – КПЗБ, па многіх пытаннях можна заўважыць станоўчую дынаміку ў параўнанні з папярэднім перыядам [1, с. 47–75]. Але гэта слаба закранула гісторыю партызанскага руху, у асвятленні якога амаль нязменнымі захаваліся ўсталяваныя ў 1930-я гады штампы. Што было зроблена відавочна, дык гэта насаджэнне культуры КПЗБ як партыі, якая гераічна змагалася і была адзінай арганізацыйнай стваральнай сілай партызанскай барацьбы, але была незаконна рэпрэсіравана і гістарыяграфічна занябана.

Адказныя супрацоўнікі партыйна-дзяржаўных ідэалагічных структур старанна пільнавалі, каб праўда пра сапраўдны партызанскі рух не дайшла да грамадскасці. На гэта была накіравана адпаведная канцэптואльная схема, якая была распрацавана ў другой палове 1950-х гадоў, апублікавана на старонках партыйнага друку і з'яўлялася асновай для адлюстравання гісторыі Заходняй Беларусі. Вялікая роля ў гэтым плане належала Інстытуту гісторыі партыі пры ЦК КПБ, у якім заходнебеларускую праблематыку курыраваў М. Арэхва [16]. Па сведчанні архіўных крыніц, менавіта ён ажыццяўляў канчатковую карэкціроўку і рэдагаванне публікацый па гісторыі Заходняй Беларусі, у тым ліку па «партызанцы». Апрача іншага, схема не дапускала, як і ў 1920–1930-я гады, згадак пра інспіраванне і падтрымку партызанскага руху з боку савецкага кіраўніцтва. У гэтым плане заслугоўвае ўвагі рэцэнзія М. Арэхвы на кнігу ўспамінаў аднаго з кіраўнікоў партызанскага руху С. Ваўпшасавы. Яе характэрны бальшавіцкі кантэкст з'яўляецца самаўным сведчаннем ідэйна-палітычнай абумоўленасці адлюстравання ў другой палове 1950-х – 1980-я гады гісторыі партызанскай барацьбы. На фоне шчырых разважанняў аб інспіраванні і кіраўніцтве ўзброенымі атрадамі з Мінска ва ўмовах слабасці кампартыі М. Арэхва забараняе «показывать инспирирующую роль Минска в деятельности этих отрядов, происходившей на территории Польши... Нельзя не из-за Народной Польши, теперешние руководители которой, в прошлом члены Компартии Польши, это знают, а из-за сегодняшнего существующего капиталистического окружения» (падкрэслена ў дакуменце. – А. С.). Таму трэба было з тэксту прыбраць усякія згадкі пра ЦК КП(б)Б, Мінск, савецка-польскую мяжу, «умело заменив их до 1923 г. ссылками на руководящие органы КПП, а с осени 1923 г. – на КПЗБ, или в отдельных случаях совсем устранив». С. Ваўпшасаву рэкамендавалася «устранить упоминание о том, что автору «...пришлось руководить партизанским отрядом особого назначения... с начала 1920 по 1925 г.» Пры гэтым указвалася неабходнасць наяўнасці інфармацыі аб спачуванні працоўных БССР сваім братам – заходнебеларускім паўстанцам. Клапоцячыся аб савецка-польскай згодзе, рэцэнзент раіў не даваць апісання франтавых эпізодаў і дзеянняў у тыле ў час савецка-польскай вайны, іншая справа – паўстанцкі рух на акупаванай і гвалтоўна ўключанай у склад Польшчы тэрыторыі Заходняй Беларусі [17, арк. 13–16].

Нядзіўна, што ва ўмовах аднаўлення і пашырэння прадмета гісторыі Заходняй Беларусі яго партызанская складаючая заставалася без істотных змен. Найбольш значныя і змястоўныя

публікацыі са згадкай гісторыі партызанскага руху І. Палуяна і У. Палуяна, А. Сарокіна, М. Шашкевіча, калектыўная манаграфія па гісторыі КПЗБ мелі відавочныя праявы схематызму, спрошчвання і тэндэнцыйнасці, імкнення ігнараваць у партызанскім руху палітычныя сілы, у тым ліку ў КПЗБ, накіраваныя на дасягненне беларускіх незалежніцкіх дзяржаўна-палітычных планаў [18–21].

Партызанскі рух даследчыкамі кваліфікаваўся як сялянскі, што з’яўляецца відавочным перабольшаннем і спрашчэннем. Савецкія гісторыкі падкрэслівалі першапачатковую стыхійнасць «заходнебеларускай партызанкі» да таго, як была створана КПЗБ, якая ўзначаліла партызанскі рух. Удзел у арганізацыі ўзброенага змагання беларускіх нацыянальна-дэмакратычных партый і арганізацый даследчыкі хоць і не адмаўлялі, але мінімалізавалі і рознымі спосабамі дыскрэдытавалі, адзначаючы шкоднасць заўчасных стыхійных выступленняў, да якіх штурхалі, як падавалася, «авантурыстычныя элементы эсэраўскага кірунку». Дзейнасць жа партызанскіх атрадаў пад агульным камандаваннем камуністаў, якія, як вядома, атрымлівалі дапамогу і падтрымку ў БССР і СССР, ідэалізавалася і атрымала высокую ацэнку. Тэма так і не стала самастойным кірункам навуковага даследавання, нягледзячы на яе відавочную актуальнасць і выкарыстанне ў структуры заходнебеларускай тэматыкі як найбольш яркага прыкладу беларускага нацыянальна-вызваленчага руху першай паловы 1920-х гадоў [1, с. 146–154].

Гісторыя партызанскага руху ў Заходняй Беларусі атрымала паглыбленае ўдакладненне і папулярызаванне на старонках выданняў, адрасаваных шырокаму колу чытачоў, у якіх падрабязна раскрываліся разнастайныя аспекты дзейнасці камуністычных партызанскіх атрадаў пад кіраўніцтвам С. Ваўпшасавы, К. Арлоўскага, арганізацыі падпольна-дыверсійнай працы ў Заходняй Беларусі [22; 23]. І хоць дакументальная аповесць І. Барысавы выйшла ў 1991 г., калі пачынаўся новы перыяд гістарыяграфіі гісторыі Заходняй Беларусі незалежнай Рэспублікі Беларусь, канцэптуальна яна з’яўляецца яркаватым прыкладам савецкай гістарычнай навукі, накіраванай на ўсталяванне гераічных вобразаў партызанаў-чэкістаў.

Адзначым, што фактаграфічны бок даследаванняў у параўнанні з публікацыямі сярэдзіны 1920-х гадоў не выявіў больш глыбокага адлюстравання падзей, нягледзячы на тое, што ў архівах БССР, Літоўскай ССР і Польшчы захоўвалася вялікая колькасць разнастайных дакументаў з рознай ступенню рэпрэзентатыўнасці, з якімі беларускія гісторыкі працавалі, але не змаглі спраўна выкарыстаць іх інфармацыю для аб’ектыўнай рэканструкцыі падзей. Таму прыведзеныя вышэй звесткі публікацый 1920-х гадоў маюць больш грунтоўную фактаграфічную базу і змястоўныя гістарычныя факты, якія ў 50–80-я гады ХХ ст. не маглі згадвацца па агучаных вышэй прычынах.

У сярэдзіне 1990-х гадоў у выніку арганізацыйна-метадалагічнага ўдасканалення вывучэння гісторыі Заходняй Беларусі, і ў першую чаргу расакрэчвання ахіўных дакументаў [1, с. 155–168], беларуская гістарыяграфія папоўнілася публікацыямі, якія істотна ўдакладнялі савецкую версію гісторыі партызанскага руху [24–28]. У іх удакладняўся тэзіс аб вызначальнай ролі КПЗБ у партызанскім руху з акцэнтацыяй на вызначальным удзеле ў ім беларускіх эсэраў, ваенна-палітычнай зацікаўленасці «заходнебеларускай партызанкай» і падтрымцы савецкім бокам пракамуністычных партызанскіх адзінак. Асаблівую ўвагу прыцягвае інфармацыя Ю. Стасевіча аб перападпарадкаванні атрадаў эсэраў і БРА савецкаму кіраўніцтву і версія згортвання партызанскага руху па жаданні польскіх камуністаў і загадзе з Масквы.

Паступова гістарыяграфія праблемы пачала ўзбагачацца напрацоўкамі, якія грунтаваліся на значнай крыніцазнаўчай базе, у тым ліку на падставе польскіх, расійскіх і літоўскіх дакументаў. Факталагічнай навізнай характарызуецца даследаванні М. Касцюка, які на падставе расійскіх архіўных матэрыялаў пацвердзіў думку аб прамой падтрымцы партызанскага руху ў Заходняй Беларусі кіраўніцтвам СССР і БССР [29, с. 180–195], І. Коўкеля і А. Чарнякевіча [30; 31], В. Хвірысюка [32], у якіх пададзены асноўныя фрагменты арганізацыі партызанскага руху, у першую чаргу эсэраўскага кірунку, яго сувязі і падтрымкі з боку Літвы і ўраду БНР В. Ластоўскага, супрацоўніцтва беларускіх эсэраў з камуністычнымі ўладамі БССР. Прынцыпова важным стала асэнсаванне складанасці і драматызму партызанскага руху, калі беларусы па абодва бакі мяжы «згодна з чужымі палітычнымі планами... уцягваліся ў грамадзянскую вайну» [33, с. 258].

Навукова-папулярная традыцыя адлюстравання заходнебеларускага антыпольскага супраціўлення, апрача традыцыйных узнёсла-прывітальных адносін да партызан, сфарміравала і значны масіў адмоўна-негатыўных характарыстык валонтарысцкіх памкненняў бальшавіцкага кіраўніцтва, учынкаў падкантрольных яму атрадаў і іх кіраўнікоў, акцэнтуючы ўвагу на бандыцка-рабаўніцкіх праявах іх дзеянняў і нізкіх маральна-чалавечых якасцях [34; 35].

Такім чынам, партызанскі рух Заходняй Беларусі на працягу 1920–2000-х гадоў быў адной з найбольш актуальных тэм заходнебеларускай праблематыкі, па якой была напрацавана значная навукова-тэарэтычная база. Аднак, нягледзячы на гэта, у тым ліку на паляпшэнне метадалагічна-арганізацыйных умоў функцыянавання айчыннай гістарыяграфіі ў Рэспубліцы Беларусь, тэма так і не атрымала манаграфічнага даследавання. У той жа час польскія гісторыкі В. Сляшынскі і П. Ціхарацкі [36; 37], расійскія І. Ліндэр і С. Чуркін [38] і літоўскія Э. Гімжаўскас і А. Каспаравічус [39; 40] у апошнія гады выдалі шэраг прац з высокай ступенню навукова-тэарэтычнага і фактаграфічнага забеспячэння. Айчынная гістарычная навука яшчэ чакае скрупулёзнага даследчыка, які здзейсніць аб'ектыўную рэканструкцыю і інтэрпрэтацыю гісторыі партызанскага руху, скарыстаўшы ў тым ліку і значныя крыніцазнаўчыя і навукова-тэарэтычныя напрацоўкі папярэднякаў. Асабліваю ўвагу ў гэтым сэнсе маюць крыніцазнаўчыя магчымасці даследавання гісторыі партызанскага руху, якія пацвярджаюцца як апублікаванымі дакументамі [41–46], так і новымі матэрыяламі айчынных і замежных архіваў. Прыцягваюць увагу даныя пра кансалідацыю ў 1919–1920 гг. беларускіх і літоўскіх антыпольскіх сіл, звесткі аб якіх утрымліваюць матэрыялы Расійскага дзяржаўнага архіва сацыяльна-палітычнай гісторыі [47]. Там жа захоўваецца надзвычай цікавая сваёй падрабязнай змястоўнасцю архіўная справа «Докладная записка и заключения, составленные Представительством КПП и Представительством КПЗБ на бывших участников партизанского движения на территории Западной Белоруссии в 1923–1925 гг. с приложениями» [48].

Відавочным недахопам гістарыяграфіі пытання з'яўляецца ігнараванне найважнейшай умовы існавання паўстанцка-партызанскага руху – падполля, у той час як у айчынных архівах існуе велізарны масіў дакументаў, які адлюстроўвае стварэнне і існаванне такога асяродку ў Заходняй Беларусі як бальшавіцкай скіраванасці, так і эсэраўска-бэнэраўскай [49–57]. Прынцыпова варта адзначыць, што адпаведныя дакументы маюць не толькі савецкае, польскае, літоўскае паходжанне, але і ваенна-палітычных структур БНР і беларускіх эсэраў, якія забяспечвалі арганізацыю паўстанцкага падполля ў Заходняй Беларусі. У прыватнасці, сцвярджэнне аб аднабаковым выкарыстанні літоўскім ковенскім урадам беларускіх партызан для вырашэння сваіх ваенна-палітычных задач з'яўляецца спрашчэннем тагачаснай сітуацыі. Справа ў тым, што акрамя здабыткаў, якія зыходзілі з беларуска-літоўскага пагаднення, на практыцы, у паўсядзённай працы па наладжванні партызанскай справы пад шыльдай гэтага хаўрусу, беларускія актывісты на літоўскія грошы ажыццяўлялі арганізацыю беларускага падполля як базы для будучага антыпольскага паўстання. З архіўных крыніц вядома, як па канспіратыўных каналах адпаведная інфармацыя ў выглядзе справаздач адказных асоб міма літоўскіх «вачэй» трапляла да кіраўнікоў беларускага руху [57, арк. 21].

Існуе неабходнасць паглыбленага даследавання гісторыі беларуска-польска-літоўскага памежжа, на якім розныя палітычныя сілы актыўна выкарыстоўвалі беларускую рыторыку для інспірацыі адпаведных ваенна-палітычных настрояў і асяродкаў [1, с. 198–199]. Тут адбывалася супрацьстаянне, але было, напэўна, і патаемнае супрацоўніцтва польскай, літоўскай і савецкай спецслужбаў. Савецкая разведка шырока выкарыстоўвала падпольныя магчымасці камуністычнай партыі, забяспечваючы функцыянаванне праходаў праз мяжу, пераправу грошай і літаратуры ва ўзаемадзеянні з пагранатрадамі. Польскія ўлады пра гэта ведалі, паводле інфармацыі Брэсцкай павятовай камендатуры ад 25 лютага 1927 г., «усе камуністычныя ці камунізуючыя арганізацыі застаюцца на паслугах савецкай разведкі» [50, арк. 140]. Архіўныя дакументы змяшчаюць шмат інфармацыі пра выкарыстанне актуалізаванага і пэўным чынам рэалізаванага беларускага пытання разнастайнымі палітычнымі сіламі. У першую чаргу выклікаюць увагу выкрытыя польскімі спецслужбамі буйныя падпольна-паўстанцкія арганізацыі колькасцю ў некалькі дзясяткаў асоб, віна якіх была даказана. Яны на беларуска-польскім памежжы стваралі ўзброеныя атрады

як быццам з мэтай вызвалення Беларусі. Такія звесткі патрабуюць уважлівага навуковага аналізу, суаднясення і супастаўлення з дакладнымі звесткамі аб узброеных сутычках у пачатку 1920-х гадоў паміж савецкімі, польскімі, літоўскімі і беларускімі сіламі. Так, паводле справаздачы органаў дэфензівы адносна выкрытай бальшавіцкай паўстанцкай арганізацыі, «праца тая праводзілася патаемна, што нават не ўсе члены той арганізацыі ведалі, што акцыяй кіруюць саветы», а былі перакананы, што гэта беларускі рух [49, арк. 201, 270–276]. Скаладаныя і супярэчлівыя звесткі адносна атрадаў «Зялёнага Дуба» і С. Булак-Балаховіча патрабуюць улічваць у гісторыі партызанскага руху і гэты важны кампанент ваенна-палітычнай гісторыі Заходняй Беларусі [35; 58; 59].

Заклучэнне. Такім чынам, у айчыннай гістарыяграфіі існуюць падставы метадалагічнага і крыніцазнаўчага характару для распрацоўкі гісторыі партызанскага руху на манаграфічным узроўні. «Заходнебеларуская партызанка» патрабуе прадметнага вывучэння, якое дасць узгодненую інтэрпрэтацыю яе ўзнікнення, развіцця і згортвання, удзелу ў «партызанцы» прадстаўнікоў нацыянальна-дэмакратычнай плыні, у тым ліку фарміраванняў, якія лічылі сябе войскамі БНР. Раскіданыя па розных выданнях звесткі пра палітыку савецкага і камінтэрнаўскага кіраўніцтва па арганізацыі ўзброеных антыпольскіх фарміраванняў, іх узаемадзеянні з камуністычным падполлем, фінансаванне і матэрыяльна-тэхнічнае забеспячэнне, узбраенне, аналагічнага кшталту пытання арганізацыі «эсэраўска-бэнэраўскай партызанкі», яе сувязей з замежнымі прадстаўніцтвамі, у тым ліку з літоўскімі ўладамі, павінны быць зведзены ў адно даследаванне. Асаблівай увагі патрабуе вызначэнне сапраўднай ролі ў інспірацыі «партызанкі» арганізаваных ачагоў беларускага руху – Беларускага Хаўрусу Вызвалення Бацькаўшчыны, Беларускага вайскова-палітычнага камітэта, Беларускага брацтва, Саюза сялянскай самаабароны, адэкватнай ацэнкі дзейнасці БПС-Р, БРА, КПЗБ.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Савіч, А. А. Нацыянальна-вызваленчы рух у Заходняй Беларусі (1921–1939 гады) : гістарыяграфія праблемы : манаграфія / А. А. Савіч ; навук. рэд. А. А. Каваленя. – Брэст : БрДУ імя А. С. Пушкіна, 2012. – 288 с.
2. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). – Ф. 60п. Воп. 3. Спр. 576.
3. НАРБ. – Ф. 60п. Воп. 3. Спр. 582.
4. Бядуля, З. Партызанскі рух у Заходняй Беларусі / З. Бядуля // Заходняя Беларусь. – Менск : ДБВ, 1925. – С. 48–68.
5. Заходняя Беларусь. – Менск : ДБВ, 1925. – 68 с.
6. Цэнтральны навуковы архіў НАН Беларусі. – Ф. 68. Воп. 1. Спр. 3.
7. Вахтомаў, Г. В. Станаўленне гістарыяграфіі рэвалюцыйнага руху ў Заходняй Беларусі / Г. В. Вахтомаў, У. М. Міхнюк // Вес. АН БССР. Сер. грамад. навук. – 1988. – № 5. – С. 118–125.
8. Лучанін, М. Заходняя Беларусь пад панаваннем Польшчы / М. Лучанін. – Менск : Беларус. дзярж. выд., 1926. – 56 с.
9. Смертны прыговор партизанам // Правда. – 1925. – 13 мая.
10. Дзейнасць партызанаў // Савецкая Беларусь. – 1925. – 29 мая.
11. У Заходняй Беларусі. Суд над партызанамі // Савецкая Беларусь. – 1925. – 7 снеж.
12. НАРБ. – Ф. 60п. Воп. 3. Спр. 587.
13. Егоров, Г. Западная Белоруссия / Г. Егоров. – М. : Гос. изд-во полит. лит., 1939. – 40 с.
14. Гарбуноў, Ц. Год пад сцягам саветаў / Ц. Гарбуноў. – Мінск : Дзярж. выд-ва пры СНК. Рэд. паліт. літ. 1940. – 56 с.
15. Заходняя Беларусь пад панскім гнётам і яе вызваленне / пад рэд. Н. М. Нікольскага і І. Ф. Лочмеля. – Мінск : Выд-ва АН БССР, 1940. – 96 с.
16. Савіч, А. А. М. С. Арэхва як арганізатар даследавання Заходняй Беларусі 1921–1939 гг. / А. А. Савіч // Личность в истории: героическое и трагическое: сб. материалов Пятой междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 20-летию ист. фак., Брест, 23–24 ноября 2011 г. / Брест. гос. ун-т им. А. С. Пушкина ; редкол.: М. Э. Чесновский (гл. ред.) [и др.]. – Брест: БрГУ, 2012. – С. 196–200.
17. НАРБ. – Ф. 1440. Оп. 3. Д. 1103.
18. Полуян, В. А. Революционное и национально-освободительное движение в Западной Белоруссии в 1920–1939 гг. / В. А. Полуян, И. В. Полуян. – Минск : Госиздат, 1962. – 222 с.
19. Революционный путь Компартии Западной Белоруссии (1921–1939 гг.) / А. Н. Мацко [и др.] ; под ред. А. Н. Мацко и В. Е. Самутина. – Минск : Беларусь, 1966. – 403 с.
20. Сорокин, А. А. Революционное и освободительное крестьянское движение в Западной Белоруссии (1920–1939 гг.) / А. А. Сорокин. – Минск : БГУ, 1970. – 171 с.
21. Сташкевич, Н. С. Приговор революции: крушение антисоветского движения в Белоруссии. 1917–1925 / Н. С. Сташкевич. – Минск : Университетское, 1985. – 304 с.
22. Ваўпшасаў, С. А. На разгневанай зямлі / С. А. Ваўпшасаў / Літ. апрац. В. Бурносаў. – Мінск : Дзяржвыд. БССР. Рэд. сац.-экан. літ., 1963. – 232 с.

23. Борисов, И. Человек из легенды : док. повесть / И. Борисов ; вступ. слово А. Рудака. – Минск : Маст. літ., 1991. – 335 с.
24. Ладзеёў, У. Ф. Цяжкі шлях выпрабаванняў / У. Ф. Ладзеёў // Беларус. гіст. часоп. – 1994. – № 1. – С. 81–88.
25. Фадзеёў, Л. Кірыла Арлоўскі: герой ці бандыт? / Л. Фадзеёў // Свабода. – 1994. – 13–19 снеж. – С. 6.
26. Стасевіч, Ю. Партызанка Заходняй Беларусі / Ю. Стасевіч // Пагоня. – 1995. – 17–23 сак., 24–30 сак.
27. Грыцкевіч, А. Гісторыя геапалітыкі Беларусі / А. Грыцкевіч // Спадчына. – 1994. – № 4. – С. 48–61.
28. Мезга, М. Мяжа канфрантацыі (становішча Заходняй Беларусі пасля падпісання Рыжскай дамовы 1921 г.) / М. Мезга // Беларус. мінуўшчына. – 1996. – № 2. – С. 29–31.
29. Касцюк, М. П. Сістэма бальшавіцкай улады на Беларусі / М. П. Касцюк. – Мінск : ВП «Экаперспектыва», 2000. – 308 с.
30. Коўкель, І. І. Польшка-літоўскі канфлікт і роля ў ім беларускіх палітычных партый і арганізацый / І. І. Коўкель // Беларусіка=Albaruthenica: Кн. 3 : Нацыянальныя і рэгіянальныя культуры, іх узаемадзеянне / рэд.: А. Мальдзіс [і інш.]. – Мінск : Навука і тэхніка, 1994. – С. 259–269.
31. Коўкель, І. І. Партызанскі рух на Гродзеншчыне ў 1921–1925 гадах / І. І. Коўкель, А. М. Чарнякевіч // Слонімска-вучыма навукоўцаў і краянаўцаў : матэрыялы рэгіянальна-краязнаўчых канф., прысвеч. 750-годдзю г. Слоніма і 70-годдзю заснавання Слонімскага раённага краянаўчага музея імя І. І. Стаброўскага / склад.: Д. С. Аляшкевіч, І. П. Крэнь ; пад рэд. І. П. Крэня. – Слонім : Слонімскае друкарня, 2002. – С. 254–259.
32. Хвірысюк, В. М. Арганізацыя партызанскай барацьбы ў Заходняй Беларусі супраць польскіх уладаў у 1921–1922 гг. / В. М. Хвірысюк // Берасцейскі хранаграф. – 1999. – Вып. 2. – С. 92–100.
33. Стужынская, Н. І. Беларусь мяцежная: з гісторыі ўзброенага антысавецкага супраціўлення ў 20-я гг. ХХ стагоддзя. Выданне другое, пашыранае / Н. І. Стужынская. – Вільня : Наша будучыня, 2011. – 384 с.
34. Татаренко, А. Недозволенная памяць. Западная Беларусь в документах и фактах: 1921–1954-е годы / А. Татаренко. – СПб. : Архив АТ, 2006. – 808 с.
35. Тарас, А. Е. Анатомія ненависті / А. Е. Тарас. – Мінск : Харвест, 2012. – 798 с.
36. Śleszyński, W. Bezpieczeństwo wewnętrzne w polityce państwa polskiego na ziemiach północno-wschodnich II Rzeczypospolitej / W. Śleszyński. – Warszawa : RYTM, 2007. – 400 s.
37. Cichoracki, P. Stołpce – Łowcza – Leśna 1924: II Rzeczpospolita wobec najważniejszych incydentów zbrojnych w województwach północno-wschodnich / Piotr Cichoracki. – Łomianki: LTW, 2012. – 337 s.
38. Линдер, И. Красная паутина: тайны разведки Коминтерна. 1919–1943 / И. Линдер, С. Чуркин. – М. : РИПОЛ классик, 2005. – 686 с.
39. Гімжаўскас, Э. Беларускі фактар пры фарміраванні літоўскай дзяржавы ў 1915–1923 гг. / Эдмундас Гімжаўскас. – 2-е выд. – Смаленск : Інбелкульт, 2013. – 216 с.
40. Каспаравічус, А. Палітычная роля беларусаў у дыпламатычнай гульні Коўна і Масквы ў 1920–1925 гг. / А. Каспаравічус // АРСНЕ Пачатак. – 2009. – № 9 (84). – С. 221–253.
41. Матэрыялы асобой папки Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) по вопросу советско-польских отношений. 1923–1945. – М.: Ин-т славяноведения и балканистики РАН, 1997. – 74 с.
42. Архівы Беларускай Народнай Рэспублікі. – Т. 1. – Кн. 1 / Бел. ін-т навукі і мастацтва. Т-ва беларус. пісьменства. Наша Ніва. – Вільня – Нью-Ёрк – Мінск – Прага, 1998. – 866 с.; Кн. 2. – Вільня – Нью-Ёрк – Мінск – Прага, 1998. – 1721 с.
43. Знешняя палітыка Беларусі : зб. дак. і матэрыялаў : у 8 т. Т. 1 : 1917–1922 гг. / склад.: У. М. Міхнюк [і інш.] ; рэдкал.: І. І. Антановіч [і інш.]. – Мінск : БелНДІДАС, 1997. – 398 с.; Т. 2 : 1923–1927 гг. / склад.: У. М. Міхнюк [і інш.] ; рэдкал.: І. І. Антановіч [і інш.]. – Мінск : БелНДІДАС, 1999. – 461 с.
44. Коминтерн против фашизма : док. – М. : Наука, 1999. – 505 с.
45. Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Коминтерн, 1919–1943 : док. – М. : Росспэн, 2004. – 958 с.
46. Кароткі нарыс беларускага пытання / рэд.: А. Пашкевіч, А. Вашкевіч, А. Чарнякевіч. – Мінск : І. П. Логвінаў, 2009. – 395 с.
47. Расійскі дзяржаўны архіў сацыяльна-палітычнай гісторыі (РДзАСПГ). – Ф. 17. Воп. 63. Спр. 16.
48. РДзАСПГ. – Ф. 495. Воп. 123. Спр. 249.
49. Дзяржаўны архіў Брэсцкай вобласці (ДзАБВ). – Ф. 67. Воп. 4. Спр. 27.
50. ДзАБВ. – Ф. 92. Воп. 1. Спр. 130.
51. ДзАБВ. – Ф. 2028. Воп. 1. Спр. 37.
52. Дзяржаўны архіў Гродзенскай вобласці (ДзАГВ). – Ф. 200. Воп. 2. Спр. 7.
53. ДзАГВ. – Ф. 551. Воп. 1. Спр. 126.
54. НАРБ. – Ф. 60п. Воп. 3. Спр. 587.
55. НАРБ. – Ф. 242п. Воп. 2. Спр. 11.
56. НАРБ. – Ф. 242п. Воп. 2. Спр. 12.
57. НАРБ. – Ф. 325. Воп. 1. Спр. 57.
58. Чарнякевіч, А. Кароткі нарыс гісторыі ўзаемаадносін беларускага нацыянальнага руху і II аддзела Галоўнага камандавання (Генеральнага штаба) Войска Польскага ў 1918–1923 гг. / А. Чарнякевіч, А. Пашкевіч // АРСНЕ Пачатак. – 2009. – № 8. – С. 22–73.
59. Сыч, Р. Арганізацыя «Зялёны Дуб»: антыпольскі аспект дзейнасці / Р. Сыч // Моўнакультурная прастора Брэсцка-Пінскага Палесся : зб. навук. арт. : у 2 ч. / М-ва адукацыі Рэсп. Беларусь, Брэсц. дзярж. ун-т імя А. С. Пушкіна, Каф. гісторыі беларус. мовы і дыялекталогіі ; рэдкал.: М. М. Аляхновіч [і інш.]. – Брэст : Альтэрнатыва, 2011. – Ч. 2. – С. 135–138.

References

1. Savich, A. A. (2012) *Natsyyanal'na-vyzvalenchy rukh u Zakhodnyai Belarusi (1921-1939 gady): gistoryyagrafiya problemy: managrafiya* [The national liberation movement in Western Belarus (1921-1939 years): historiography of the problem: monograph], BrSU, Brest, BY
2. *Natsyyanal'ny arkhiv Respubliki Belarus'* [National Archive of the Republic of Belarus] (NARB). F. 60p. L. 3. C. 576.
3. *NARB*. F. 60p. L. 3. C. 582.
4. Byadulya, Z. (1925) "Partisan movement in Western Belarus", *Zakhodnyaya Belarus'* [Western Belarus], DBV, Mensk, BY, pp. 48-68.
5. (1925) *Zakhodnyaya Belarus'* [Western Belarus], DBV, Mensk, BY
6. *Tsentral'ny navukovy arkhiv NAN B* [Central Scientific Archive of NAS B]. F. 68. L. 1. C. 3.
7. Vakhtomay, G. V. and Mikhnyuk, U. M. (1988) "Formation of historiography of revolutionary movement in Western Belarus", *Vesti AN BSSR Ser. gramad. Navuk.* [Lead Academy of Sciences BSSR. Series of Social Sciences], no. 5, pp. 118-125.
8. Luchanin, M. (1926) *Zakhodnyaya Belarus' pad panavannem Pol'shchy* [Western Belarus under the rule of Poland], Belarusian State Publishing, Mensk, BY
9. (1925) "The death penalty partisans", *Pravda* [Truth], 13 maya.
10. (1925) "Activities partisans", *Savetskaya Belarus'* [Soviet Belarus], 29 maya.
11. (1925) "In Western Belarus. The trial of the partisans", *Savetskaya Belarus'* [Soviet Belarus], 7 snezh.
12. *NARB*. F. 60p. L. 3. C. 587.
13. Egorov, G. (1939) *Zapadnaya Belorussiya* [Western Belarus], Gos. izd-vo polit. lit-ry, Moscow, RU
14. Garbunoy, C. (1940) *God pad stsyagam savetaŭ* [Year under the banner of Soviet], Dzyarzh. vyd-va pry SNK. Red. palit. lit-ry, Minsk, BY
15. (1940) *Zakhodnyaya Belarus' pad panskim gnetam i yae vyzvalenne* [Western Belarus under the landlord yoke and its liberation], Vyd-va AN BSSR, Minsk, BY
16. Savich, A. A. (2012) "M. S. Arjehva as the organizer of the study Western Belarus", *Lichnost' v istorii: geroicheskoe i tragicheskoe: sbornik materialov Pyatoi mezhdunar. nauch.-prakt. konf., posvyashch. 20-letiyu istor. fakul'teta, Brest, 23-24 noyabrya 2011 g.* [Person in history: the heroic and tragic: a collection of materials of the Fifth international scientific and practical conference dedicated to the 20th anniversary of the Faculty of History, Brest, 23-24 November 2011], Brest, pp. 196-200.
17. *NARB*. F. 1440. L. 3. C. 1103.
18. Poluyan, V. A. (1962) *Revoljutsionnoe i natsional'no-osvoboditel'noe dvizhenie v Zapadnoi Belorussii v 1920-1939 gg.* [The revolutionary and national liberation movement in Western Belarus in 1920-1939 gg.], Gosizdat, Minsk, BY
19. (1966) *Revoljutsionnyi put' Kompartii Zapadnoi Belorussii (1921-1939 gg.)* [A revolutionary way of the Communist Party of Western Belarus (1921-1939)], Belarus', Minsk, BY
20. Sorokin, A. A. (1970) *Revoljutsionnoe i osvoboditel'noe krest'janskoe dvizhenie v Zapadnoi Belorussii (1920-1939 gg.)* [The revolutionary and liberation peasant movement in Western Belarus (1920-1939)], BGU, Minsk, BY
21. Stashkevich, N. S. (1985) *Prigovor revolyutsii: krushenie antisovetskogo dvizheniya v Belorussii. 1917-1925* [The verdict of the revolution: the collapse of the anti-Soviet movement in Belarus. 1917-1925], Universitetskoe, Minsk, BY
22. Vaŭpshasay, S. A. (1963) *Na razgnevanai zyamli* [In the angry earth], Dzyarzhvyd. BSSR, Minsk, BY
23. Borisov, I. (1991) *Chelovek iz legendy: dokum. povest'* [The man from the legend: documentary story], Mastatskaya litaratura, Minsk, BY
24. Ladysey, U.F. (1994) "Hard Way Test", *Belarus. gist. chasop.* [Belarusian Historical Journal], no. 1, pp. 81-88.
25. Fadzey, L. (1994) "Kiryla Arloŭski: hero or a thug?", *Svaboda* [Freedom], 13-19 dec.
26. Stasevich, Yu. (1995) "Partisan Western Belarus", *Pagonya* [Pagonja], 17-23 marc., 24-30 marc.
27. Grytskevich, A. (1994) "The history of geopolitics Belarus", *Spadchyna* [Heritage], no. 4, pp. 48-61.
28. Mezga, M. (1996) "The border confrontation (the position of Western Belarus after the signing of the Treaty of Riga 1921)", *Belarus. minuŭshchyna* [Past Belarus], no. 2, pp. 29-31.
29. Kastsyuk, M. P. (2000) *Sistema bal'shaviŭskai ulady na Belarusi* [Systems of Bolshevik power in Belarus], VP "Jekaperspektyva", Minsk, BY
30. Koŭkel', I. I. (1994) "Polish-Lithuanian conflict and the role in it of Belarusian political parties and organizations", in Mal'dziz, A. (exec. ed.) *Belarusika=Albaruthenica: Kn. 3 : Natsyyanal'nyya i regiyanal'nyya kul'tury, ikh uzaemadzeyanne* [Belarusika = Albaruthenica: Bk. 3: National and regional cultures and their interaction], Navuka i tekhnika, Minsk, BY, pp. 259-269.
31. Koŭkel', I. I. and Charnyakevich, A. M. (2002) "Partisan movement in the Grodno region in 1921-1925 years" in Kren', I. P. (ed.) *Slonimshchyna vachyma navukoŭtsay i krayaznaŭtsay: materyyaly regiyon. gist.-krayazn. kanf., prysvech. 750-goddzyu gorada Slonima i 70-goddzyu zasnannya Slonimskaga raennaga krayaznaŭchaga muzeya imya I. I. Stabroŭskaga* [Slonimshchina eyes of scientists and local historians: the materials of the region. Local History Conference dedicated to the 750th anniversary of the town of Slonim, and the 70th anniversary of founding of the Slonim District Local History Museum named after II Stabrovskaya], Slonim, BY, pp. 254-259.
32. Khvirysyuk, V. M. (1999) "Organization Guerrilla warfare in Western Belarus against the Polish authorities in 1921-1922", *Berastsejski khranograf* [Brest chronograph], ed. 2, BY, pp. 92-100.
33. Stuzhynskaya, N. I. (2011) *Belarus' myatsezhnaya: z gistoryi ŭzbroenaga antysavetskaga supratsivu ŭ 20-ya gg. XX stagoddzya. Vydanne drugoe, pashyranae* [Belarus rebellious: from the history of the armed anti-Soviet resistance in the 20-ies. XX century. Second edition, expanded], Nasha buduchynya, Vil'nya, LT

34. Tatarenko, A. (2006) *Nedozvolennaya pamyat'. Zapadnaya Belarus' v dokumentakh i faktakh: 1921-1954-e gody* [Unauthorized memory. Western Belarus in the documents and facts: 1921-1954], Arhiv AT, S-Peterburg, RU
35. Taras, A. E. (2012) *Anatomiya nenavisti* [Anatomy of hate], Kharvest, Minsk, BY
36. Śleszyński, W. (2007) *Bezpieczeństwo wewnętrzne w polityce państwa polskiego na ziemiach północno-wschodnich II Rzeczypospolitej* [The internal security policy of the Polish state on the lands of the north-east of the Second Republic], RYTM, Warszawa, PL
37. Cichoracki, P. (2012) *Stołpce – Łowcza – Leśna 1924: II Rzeczpospolita wobec najpoważniejszych incydentów zbrojnych w województwach północno-wschodnich* [Stołpce – Łowcza – Leśna 1924: II Republic against the most serious armed incidents in north-eastern], LTW, Łomianki, PL
38. Linder, I. and Churkin, S. (2005) *Krasnaya pautina: tajny razvedki Komintern. 1919-1943* [Red spider's web: the mystery of the Comintern intelligence. 1919-1943], RIPOK klassik, Moscow, RU
39. Gimzhaŭskas, E. (2013) *Belaruski faktor pry farmavanni litoŭskai dzyarzhavy ŷ 1915-1923 gg.* [Belarusian factor in the formation of the Lithuanian state in 1915-1923. 2nd ed.], Inbelkul't, Smolensk, RU
40. Kasparavichus, A. (2009) "The political role of the Belarusians in the diplomatic game Kovno and Moscow in 1920-1925 years", *ARCHE Pachatak* [ARCHE Home], no. 9, pp. 221-253.
41. (1997) *Materialy osoboi papki Politbyuro TsK RKP(b)-VKP(b) po voprosu sovetsko-pol'skikh otnoshenii. 1923-1945* [Materials special folder of the Politburo of the RCP(b)-VKP(b) on the issue of Soviet-Polish relations. 1923-1945], Institute of Slavic and Balkan Studies of the RAS, Moscow, RU
42. (1998) *Arkhivy Belaruskai Narodnai Respubliki, T. 1, Kniga 1* [Archives of the Belarusian People's Republic. T. 1. B. 1], Belaruskii instytut navuki i mastatstva, Tavarystva belaruskaga pis'menstva, Nasha Niva, Vil'nya-N'ju-Erk-Mensk-Praga, LT, US, BY, CS
43. (1998) *Arkhivy Belaruskai Narodnai Respubliki, T. 1, Kniga 2.* [Archives of the Belarusian People's Republic. T. 1. B. 2], Belaruskii instytut navuki i mastatstva, Tavarystva belaruskaga pis'menstva, Nasha Niva, Vil'nya-N'ju-Erk-Mensk-Praga, LT, US, BY, CS
44. (1999) *Komintern protiv fashizma: dokum.* [Comintern against fascism: doc.], Nauka, Moscow, RU
45. (2004) *Politbyuro TsK RKP(b)-VKP(b) i Komintern, 1919-1943: dokumenty* [Politburo of the RCP(b)-VKP(b) and the Communist International, 1919-1943: documents], Rossphen, Moscow, RU
46. Pashkevich, A., Vashkevich, A. and Charnjakevich, A. (ed.) (2009) *Karotki narys belaruskaga pytannya* [A brief sketch of the Belarusian issue], IP Logvinov, Minsk, BY
47. *Rasiiski dzyarzhajny arkhiv satsyyal'na-palitychnai gistoryi* [Russian State Archive of Socio-Political History] (RSASPH). F. 17. L. 63. C. 16.
48. *RSASPH*. F. 495. L. 123. C. 249.
49. *Dzyarzhajny arkhiv Brestskai voblastsi* [State Archives of Brest Region] (SABR). Fond 67. L. 4. C. 27.
50. *SABR*. F. 92. L. 1. C. 130.
51. *SABR*. F. 2028. L. 1. C. 37.
52. *Dzyarzhajny arkhiv Grodzenskai voblastsi* [State Archives of Grodno Region] (SAGR). Fond 200. L. 2. C. 7.
53. *SAGR*. F. 551. L. 1. C. 126.
54. *NARB*. F. 60p. L. 3. C. 587.
55. *NARB*. F. 242p. L. 2. C. 11.
56. *NARB*. F. 242p. L. 2. C. 12.
57. *NARB*. F. 325. L. 1. C. 57.
58. Charnyakevich, A. and Pashkevich, A. (2009) "A brief sketch of the history of relations of the Belarusian national movement and II Department General Command (General Staff) of the Polish Army in 1918-1923" *ARCHE Pachatak* [ARCHE Home], no. 8, pp. 22-73.
59. Sych, R. (2011) "Organization "Green Oak": anti-Polish aspect of the activities". *Moŭnakul'turnaya prastora Brestska-Pinskaga Palessya: zb. navuk. art.: u 2 ch.* [Lingvo-kultural space Brest-Pinsk Polesye: Coll. scientific articles: At 2 pm.], Brjest, BY, ch. 2, pp. 135-138.

Информация об авторе

Савич Александр Александрович – канд. ист. наук, доцент. УО «Брестский государственный университет им. А. С. Пушкина» (бульвар Космонавтов, 21, 224016, Брест, Республика Беларусь). E-mail : uleks@tut.by.

Information about the author

Savich Aliaksandr Aliaksandrovich – Ph. D. (Hist.), Associate professor. Brest State University named after A.S. Pushkin (Kosmonavtov Boulevard, 21, 224016, Brest, Republic of Belarus). E-mail : uleks@tut.by

Для цитирования

Савіч, А. А. Партызанскі рух у Заходняй Беларусі ў першай палове 1920-х гг. : стан і перспектывы даследавання / А. А. Савіч // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2016. – № 4. – С. 46–55.

For citation

Savich A. A. Partisan movement in Western Belarus in the early 1920s: state and prospects of the study. Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus, humanitarian series, 2016, no.4, pp. 46-55.

О. П. Дмитриева

*Белорусский государственный экономический университет, Минск,
Республика Беларусь*

ПРОБЛЕМА НАЦИОНАЛЬНЫХ ОБЩНОСТЕЙ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Определена степень изученности отдельных аспектов положения национальных общностей (белорусов, евреев, русских, поляков, украинцев, литовцев, латышей, немцев, татар) на территории Беларуси в годы Первой мировой войны в российской, польской, немецкой и англоязычной историографии. Затронуты вопросы численности и национального состава населения, их общественно-политического, социально-экономического и национально-культурного развития. Проанализировано значительное количество исследований, которые по хронологии охватывают период времени накануне и непосредственно в годы Первой мировой войны и вплоть до наших дней. Отмечено наличие достаточного разнообразия иностранных работ по заявленной теме. Приведена авторская позиция по ряду выдвинутых в зарубежных исследованиях оценок и суждений. Автор акцентирует внимание на том, что данные работы не всегда совпадают с оценками белорусских ученых. Однако зарубежные исследования часто содержат фактический архивный материал, который в большинстве случаев не представлен в архивах Республики Беларусь, что при условии критического осмысления позволяет отечественным историкам более глубоко и всесторонне изучить вопрос положения этносов белорусских земель в 1914–1918 гг.

Ключевые слова: национальные общности, белорусские земли, территории Беларуси, Первая мировая война, зарубежная историография.

O. P. Dmitrieva

Belarusian State Economic Union, Minsk, Republic of Belarus

ETHNIC COMMUNITIES ON THE TERRITORY OF BELARUS DURING THE WORLD WAR I IN FOREIGN HISTORIOGRAPHY

The degree of research of ethnic communities (the Belarusians, the Jews, the Russians, the Poles, the Ukrainians, the Lithuanians, the Latvians, the Germans, the Tatars) on the territory of Belarus during the World War I in Russian, Polish, German, English-speaking historiography is analyzed. Quantity and national structure of population, their political, social and economic, national and cultural development are depicted. The author has analyzed a lot of works that were issued with the beginning of the World War I and up to these days. A diverse quantity of topical works in foreign historiography is stated. The author's position concerning some judgments presented in foreign research works is given. These works often include archival material that is not presented in Belarusian archives, using critical thinking, it lets and Belarusian historians investigate the state of ethnic communities on Belarusian territory in 1914–1918 more comprehensively.

Keywords: ethnic communities, Belarusian lands, the territory of Belarus, the World War I, foreign historiography.

Первая мировая война на территории Беларуси является одним из наиболее ярких и богатых на события периодов в отечественной истории. В первую очередь это обусловлено многообразием политической ситуации на белорусских землях в рамках достаточно короткого временного промежутка. Так, с 1914 по 1918 г. на неоккупированной части белорусских территорий население проживало под властью различных правительств: Российской империи (до марта 1917 г.), Временного правительства, провозгласившего на короткий срок (с 1 сентября по 25 октября 1917 г.) Российскую Республику, и советского правительства в рамках провозглашенной 31 января 1918 г. Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (РСФСР). С осени 1915 г. Виленская, Гродненская и частично Минская губернии находились в зоне германской оккупации. В феврале–марте 1918 г. в результате немецкого наступления под влиянием германской военной администрации оказались также некоторые части Витебской и Могилевской губерний.

Особый интерес представляет культурное, общественно-политическое и социально-экономическое развитие национальных общностей Беларуси в сложившихся условиях. Следует отметить,

что на протяжении длительного времени этот вопрос не находил должного внимания как среди белорусских, так и зарубежных исследователей. Однако в последние годы наблюдается тенденция возросшего интереса к проблеме национальных общностей в годы Первой мировой войны на белорусских землях.

В данной статье речь пойдет об исследованиях историков ближнего и дальнего зарубежья, которые условно можно разделить на четыре группы: российские исследования; работы польских ученых; немецкая историография по данному вопросу; англоязычные работы.

Первые работы, посвященные национальным общностям белорусских земель накануне и в годы Первой мировой войны, стали появляться еще в Российской империи в конце XIX – начале XX в., а также непосредственно в военные годы. Так, в трудах Е. И. Витте, А. Ю. Моравского, В. Н. Никитина, А. Ф. Риттиха, Н. А. Тизенгаузена и др. приводятся сведения об основных этносах северо-западного региона Российской империи [1–11]. Авторы публикаций освещают демографические вопросы, социально-экономическое и культурное развитие местного населения, а также положение отдельных национальных общностей. Фрагментарно представлен материал по национальной политике на белорусских территориях накануне и в годы Первой мировой войны и положению населения в условиях деятельности немецкой военной администрации.

Советский период (вплоть до середины 80-х гг. XX в.) характеризуется снижением исследовательского интереса к национальным общностям Беларуси в годы Первой мировой войны. В этот период в центре внимания были непосредственно боевые действия на фронтах, соотношение численности войск, оружия и техники воюющих государств, а также Февральская и Октябрьская революции 1917 г. [12–15].

Среди работ современных российских историков следует выделить исследования Д. Ю. Арапова, А. Ю. Бахтуриной, И. Б. Беловой, А. Н. Комолятовой, В. И. Мамонтова, А. И. Миллера, Н. В. Савиновой, А. К. Тихонова. В их публикациях освещены вопросы этноконфессиональной политики Российской империи и Германии в отношении национальных общностей, а также повседневная жизнь населения страны в годы Первой мировой войны [16–27].

Так, российский исследователь Д. Ю. Арапов обозначил позицию царских властей по отношению к татарской общности Беларуси в годы Первой мировой войны. Он отмечает низкое значение исламского фактора для царизма на территории западных губерний по причине того, что «издавна проживавшая здесь небольшая по своей численности община “западных” татар-мусульман была наиболее европеизированной группой среди российских последователей “магометанского закона” и в целом соблюдала лояльность к монархии Романовых» [16, с. 196]. К тому же, многие татары на территории Беларуси в годы Первой мировой войны принимали участие в военных действиях ввиду близости расположения белорусских земель к линии фронта [17, с. 318]. Несмотря на это, даже после принятия закона о веротерпимости (17 апреля 1905 г.) мусульмане, в том числе и татары, не получили полной свободы в деле духовного образования. Так, обязательным было открытие русских школ во всех местностях, населенных мусульманами, а татарские школы без наличия в них русского класса были запрещены. На такой позиции стоит российский историк А. К. Тихонов [27, с. 295].

А. Ю. Бахтурина охарактеризовала положение немецкой общности в военные годы. К зиме 1915 г. окончательно оформились две позиции гражданских и военных властей в отношении немцев-колонистов. Позиция Совета министров была направлена на ликвидацию немецкого землевладения путем продажи земель колонистов, тогда как Ставка хотела как можно быстрее провести принудительное выселение немцев из прифронтовых районов, к которым относилась большая часть белорусских территорий. Исследователь также отметила, что при этом и гражданские, и военные власти стремились к рассредоточению немцев по всей территории Российской империи [18, с. 98].

В это же время И. Б. Белова в диссертационном исследовании «Первая мировая война и российская провинция: 1914 – февраль 1917 гг.: по материалам Калужской и Орловской губерний» приходит к выводу, что в военные годы принудительное выселение касалось всех местных жителей независимо от их национальности. Например, в 1915–1916 гг. у крестьян Гродненской губернии при их эвакуации в Калужскую губернию был реквизирован весь скот. При этом причитающаяся

им оплата в виде беженских пайков осуществлялась с запаздыванием из-за «казначейских затруднений» [19, с. 103].

Н. В. Савинова отметила, что закон от 2 февраля 1915 г. о прекращении землевладения и землепользования с дополнениями к нему существенно подорвал экономические позиции немецких колонистов. В борьбе с «немецким засильем» царское правительство ущемляло интересы не только немецких колонистов. Случалось, что подозрения падали на лиц, не имевших никакого отношения ни к германскому подданству, ни к немецкой национальности. Однако у этих людей были фамилии немецкого происхождения. Многие из российских граждан, имевших нерусские фамилии, стали менять их на русские [25, с. 8, 13].

Документы, хранящиеся в архивах Беларуси, также подтверждают этот вывод. Нередко представителям различных национальных общностей приходилось доказывать, что их фамилии иностранного происхождения не имеют никакого отношения к немецким корням. С началом военных действий на территории Беларуси также наблюдалась тенденция перехода немцев в русское подданство по причине их гонений со стороны местных властей. Так, к 1 января 1915 г. только в Виленской губернии с таким прошением обратились 101 австрийский и 116 немецких граждан. Из них правительство удовлетворило запрос только 19 немцев и 12 австрийцев [28, л. 2, 6–7, 13].

Исследования А. Н. Комолятовой и А. К. Тихонова затрагивают еврейскую общность Беларуси в рассматриваемый период. По мнению А. Н. Комолятовой, к началу XX в. завершился процесс преобразования еврейского населения в городское сословие и трансформации его в так называемое «полезное сословие», занимающееся производственной деятельностью и торговлей [20, с. 20–21]. А факты, приведенные А. К. Тихоновым в диссертационном исследовании «Политика Российской империи по отношению к католикам, мусульманам, иудеям в последней четверти XVIII – начале XX в.», это подтверждают. В сфере мелкой торговли в черте еврейской оседлости на 600 христиан приходился 1 торговец, тогда как в еврейской среде – на 120 человек [26, с. 286–287, 300]. Поскольку черта еврейской оседлости охватила значительную часть белорусских земель, концентрация евреев в границах Виленской, Витебской, Гродненской, Минской и Могилевской губерний была достаточно высокой – 13,2% от общего числа населения накануне Первой мировой войны. Евреи Беларуси были не только одной из наиболее представительных общностей, но также играли важную роль в хозяйственной жизни региона. В условиях войны это обстоятельство учитывала оккупационная администрация и активно сотрудничала с местным еврейским населением для хозяйственного обеспечения своих военных формирований на занятой территории.

Сфера научных интересов В. И. Мамонтова обозначена действиями немецких оккупационных властей по отношению к местному населению территории Беларуси [21, с. 1–26]. Этот аспект особо важен при изучении национальных общностей, положение которых в первую очередь определялось обстоятельствами военного времени. Данное исследование содержит в себе обширный фактический материал, который может быть использован белорусскими учеными, работающими в этом направлении.

Российский исследователь А. И. Миллер считает, что белорусы и украинцы в Российской империи никогда не дискриминировались на индивидуальном уровне, так как эти национальные общности официально считались русскими и, по сути, у них были равные возможности при условии, что они владеют русским языком [24, с. 29–46].

Представляется вполне логичным обязательное знание русского языка при желании занять достойное место в государстве и обществе, поскольку это был государственный язык. Однако господствовавшая в Российской империи доктрина, определявшая белорусов и украинцев как русских, не позволяла развиваться этим этносам в своем истинно национальном направлении.

В то же время А. И. Миллер иначе оценивает положение литовцев и поляков на белорусских землях. По его мнению, в отличие от украинцев и белорусов литовцы не включались в образ «общерусской» нации [22, с. 91]. В поляках же власти Российской империи видели определенную угрозу царизму ввиду того, что для этой национальной общности был характерен высокий уровень материального и культурного развития [23, с. 92–93].

В 2007 г. российская историография по проблеме национальных общностей Беларуси пополнилась коллективным трудом «Западные окраины Российской империи», где подробно рассмот-

рены вопросы положения населения белорусских земель с момента их включения в состав Российской империи и вплоть до событий Первой мировой войны и революций 1917 г. Данная работа интересна еще и тем, что в ней представлены историографические статьи польского, украинского, белорусского и литовского авторов, что дает возможность сравнить различные подходы в исследовании данной темы [29, с. 1–605].

В рамках проекта «100 лет Второй Отечественной войне. 1914–1917» в 2014 г. российскими историками подготовлена трехтомная коллективная монография «Первая мировая война: историографические мифы и историческая память», в которой изложены новейшие подходы, оценки и интерпретации событий 1914–1918 гг. в национальных историографиях, в том числе белорусской, освещен национальный вопрос [30, с. 129–161; 31, с. 207–232]. При этом российские исследователи, определяя место и роль Первой мировой войны в белорусской историографии, называют ее «не нашей войной», «чужой», «далекой», объясняя это более высокой концентрацией исследовательского внимания на событиях Великой Отечественной войны [30, с. 129].

На наш взгляд, сегодня такая точка зрения противоречит действительности. За последнее десятилетие белорусскими историками сделано многое в области изучения этой проблемы. В истории Первой мировой войны на достаточно высоком уровне разработаны вопросы беженства, деятельности благотворительных организаций, развития культуры и образования, национальных движений. Отдельные белорусские исследования посвящены евреям, полякам, латышам и литовцам, немцам, татарам [32–48]. По случаю 100-летия даты с начала Первой мировой войны издан ряд монографий и материалов конференций [49–51]. К тому же сами российские исследователи признают сложившуюся в белорусской историографии тенденцию к устранению «белых пятен» в истории Первой мировой войны на территории Беларуси [30, с. 131].

Важными в вопросе изучения национальных общностей белорусских земель в 1914–1918 гг. являются исследования польских авторов. Еще накануне Первой мировой войны в 1912 г. вышла работа польского историка Л. Василевского «Литва и Беларусь. Прошлое, настоящее, тенденции развития» (“Litwa i Białorus. Przeszłość, teraźniejszość, tendencje rozwojowe”). Автор дает оценку развитию литовского и белорусского национальных движений. При этом он отмечает, что белорусское национальное движение развивалось в неблагоприятных условиях из-за сильного влияния русской и польской культур [52, с. 287].

Действительно, следует согласиться с мнением Л. Василевского в том, что белорусское национальное движение по сравнению с польским, русским, а также и литовским было слабее. При этом именно в годы Первой мировой войны оно усилилось благодаря стремлениям российских властей ослабить католическую церковь и польское дворянство. Однако в школах, как и ранее, дети белорусов в основном обучались на русском языке. Если это были представители католической веры, они, как правило, обучались в польскоязычных школах, что юридически было запрещено.

Вопросы этнической структуры населения белорусских территорий накануне и в годы Первой мировой войны освещались польским исследователем П. Эберхардтом в работах «Демографическая ситуация в Беларуси: 1897–1989» (“Przemiany narodowosciowe na Białorusi”) и «XX стагоддзе: нацыянальныя змены ў Цэнтральнай і Усходняй Еўропе» [53–54]. К данному исследованию стоит относиться критически, поскольку в основе подсчетов польского историка лежит конфессиональный подход.

В. Родкевич в работе «Русская национальная политика в западных губерниях империи (1863–1905)» (“Russian national policy in the Western Provinces of the Empire, 1863–1905”) дает общую характеристику действиям администрации в белорусском регионе накануне Первой мировой войны, а также отражает ее направленность и конкретные действия по отношению к литовцам, белорусам и украинцам [55].

Вопросы польского видения белорусов и белорусского восприятия поляков в годы Первой мировой войны освещены польским ученым Р. Радзиком, который пришел к выводу, что белорусам было свойственно слабое стремление к созданию собственной государственности, наблюдалась их заинтересованность в первую очередь социальными, а не национальными проблемами [56, с. 35–60].

На наш взгляд, у белорусов было достаточное стремление к построению государственности в военные годы, о чем свидетельствуют попытки представителей белорусского национального

движения создать отдельное государство в виде Белорусской Народной Республики (БНР), которая была провозглашена 25 марта 1918 г. Однако на протяжении Первой мировой войны уровень развития национальных движений во многом зависел от поддержки царского, Временного и советского правительств, а также германских оккупационных властей. В отличие от польского или литовского, белорусское национальное движение такой поддержки в необходимом объеме не получило. Как уже отмечалось ранее, государственная власть поддерживала белорусов тогда, когда хотела ослабить влияние других национальных общностей и не допустить процесса дерусификации в регионе. Немецкая администрация содействовала белорусам в их национально-культурном развитии, но при этом стремилась к недопущению их политической независимости, что подтверждается отказом кайзера Вильгельма II признать новое государственное образование – БНР.

В немецкой историографии первые исследования о Беларуси появились после 1918 г. Это связано с возросшей заинтересованностью со стороны Германии историей нашей страны ввиду оккупации белорусского региона. Р. Линднер, анализируя конкретные достижения в этой области, приходит к выводу, что «слабое владение историческими источниками способствовало тому, что Беларусь до 1918 г. в немецкоязычной историографии имела самый схематичный и отягощенный мифами образ» [57, с. 146].

Основы германской политики в сфере школьного дела освещены в работе Г. Цемке «Главкомандующий Ост и школьное дело на территории округа Литва в годы Первой мировой войны» (“Oberbefehlshaber Ost und das Schulwesen im Verwaltungsbereich Litauen während des Weltkrieges”) [58, с. 111].

Исследование немецкого историка Е. Энгельхарта «Беларусь: страна и люди» (“Weißruthenien: Land und Leute”) представляет собой обзор истории белорусского народа. Один из разделов, посвященный Беларуси периода Первой мировой войны, сфокусирован на белорусском национально-политическом развитии в 1914–1918 гг. [59, с. 92–101].

Вопросы повседневной жизни населения и его социально-экономического положения на оккупированных территориях рассмотрены в монографии Г. Линде «Германская политика в Литве во время Первой мировой войны» (“Die deutsche Politik in Litauen im Ersten Weltkrieg”). Несмотря на то что в центре внимания исследователя была литовская этническая территория, автор рассматривает и представителей других этносов, в том числе и белорусов. Г. Линде раскрывает эксплуатационный характер экономической политики Германии и показывает катастрофическое положение населения литовских и белорусских земель зимой 1916–1917 гг. Характеризуя положение местного населения в округах «Литва» и «Белосток-Гродно», исследователь приводит доказательства того, что на белорусских землях положение было крайне тяжелым из-за нехватки продуктов питания, топлива и предметов первой необходимости [60, с. 65]. Документы, хранящиеся в архивах Беларуси и Литвы, также подтверждают этот вывод.

Начиная с 90-х гг. XX в. в немецкоязычной историографии растет число исследований в области истории Беларуси периода Первой мировой войны. В 1993 г. вышла работа А. Штразаса «Германская политика в годы Первой мировой войны. Операция Обер Ост 1915–1917» (“Deutsche Ostpolitik im Ersten Weltkrieg. Der Fall Ober Ost 1915–1917”). В исследовании помимо восточной политики германского оккупационного режима показаны отдельные случаи сопротивления местного населения на западнобелорусских землях [61, с. 13–27].

Нельзя не обратить внимание на коллективное издание «Первая мировая война: последствия, восприятие, анализ» (“Der Erste Weltkrieg. Wirkung, Wahrnehmung, Analyse”), вышедшее в конце 1990-х гг. и посвященное итогам международного изучения актуальных проблем истории Первой мировой войны [62]. Среди научных статей, затронувших различные аспекты Первой мировой войны, содержится исследование немецкого историка Хорста Гюнтера Линке «Путь России в Первой мировой войне и ее военные цели».

Четвертая группа зарубежных исследований представлена англоязычными работами. Так, вопросы белорусско-литовских взаимоотношений по поводу создания государственности в условиях германской оккупации изучались американским историком белорусского происхождения Н. П. Вакарком еще в середине XX в. [63, с. 227].

Монография американского ученого литовского происхождения В. Люевичуса «Территория войны на Восточном фронте. Культура, национальная идентичность и германская оккупация в годы Первой мировой войны» (“War Land on the Eastern Front. Culture, National Identity and German Occupation in World War I”) посвящена деятельности немецкой военной администрации в сфере культуры и образования на оккупированных землях Беларуси, Литвы и Латвии. Автор приходит к выводу, что в ходе Первой мировой войны литовцы и белорусы начали целенаправленно стремиться к «регионально-культурному развитию», однако это должно было произойти в соответствии с немецкой «культурной программой» и под непосредственным контролем германской военной администрации [64, с. 143].

Действительно, поскольку немецким властям было важно заручиться поддержкой населения, они пошли на некоторые уступки в сфере национально-культурной деятельности. Были открыты школы всех национальностей, развивалась периодическая печать и книгоиздания на всех местных языках, создавались национально-культурные и научные объединения этнических общностей. Однако все эти действия осуществлялись с разрешения военной администрации. Национальные общности использовали это обстоятельство в пользу своего культурного развития, а Германия смогла отвлечь внимание местного населения от политической деятельности и тем самым подерживать порядок в регионе.

Национальными вопросами конца XIX – начала XX в. в территориальных границах Российской империи занимается американский исследователь Т. Вискс. В работе «Нация и государство в имперской России позднего периода: национализм и русификация в западных губерниях, 1863–1914» (“Nation and State in Late Imperial Russia: Nationalism and Russification on Russia’s Western Frontier, 1863–1914”) он отмечает, что Российская империя стремилась сплотить многонациональное население страны с помощью идеи о величии русского народа, а процесс русификации белорусов и украинцев был лишь вопросом времени [65, с. 5–6]. Особый интерес представляет публикация Т. Вискса «От “русского” к “польскому”: Вильна–Вильно, 1900–1925» (“From Russian” to “Polish”: Vilna–Wilno, 1900–1925”), в которой рассмотрены государственная политика, повседневная жизнь населения и его сопротивление немецкой оккупации, а также межэтнические отношения в городе в годы Первой мировой войны [66, с. 12].

Вопросам создания собственной государственности посвящена одна из глав монографии американского историка Т. Снайдера – «Реконструкция наций: Польша, Украина, Литва, Беларусь, 1569–1999» (“The Reconstruction of Nations: Poland, Ukraine, Lithuania, Belarus, 1569–1999”). Как и Т. Вискс, автор монографии делает акцент на особой роли Вильно – центра культурного развития белорусской, литовской и в особенности польской культур [67, с. 54].

Следует согласиться с мнением американского исследователя, так как именно в Вильно в годы Первой мировой войны в значительном количестве создавались и действовали различные литовские, польские и белорусские общественные и культурно-просветительские общества, осуществлялась печать «Нашай нівы» – еженедельной газеты на белорусском языке, функционировали национальные комитеты помощи пострадавшим от войны, которые также организовывали публичные собрания, лекции и концерты.

Социально-экономическое положение населения Российской империи подробно рассмотрено в работе британского историка П. Гатрелла «Первая мировая война в России: экономическая и социальная история» (“Russia’s First World War: Economic and Social History”) [68]. Автор дает оценку степени воздействия событий Первой мировой войны на повседневную жизнь людей в Российской империи в 1914–1917 гг.

Американский историк белорусского происхождения Я. Запрудник (С. Н. Вильчицкий. – О. Д.) в публикации «Российско-польские противоречия в Государственной думе (1906–1917) в отношении школ в «Северо-Западном крае» Российской империи» (“Russo-Polish clashes in the state Dumas (1906–1917) over schools in the Russian empire’s “North-western region”) затрагивает проблему понятия «родного языка» среди школьников православного и католического вероисповедания. Он отмечает, что правительство выступало за использование русского языка для всех детей православного вероисповедания в белорусском регионе, поскольку язык является главным национально-образующим элементом [69, с. 355–364].

Таким образом, на сегодняшний день зарубежная историография (российская, польская, немецкая, англоязычная) обладает значительным количеством исследований, затрагивающих различные вопросы по истории национальных общностей территории Беларуси в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.). Данные работы демонстрируют различные подходы и методы в изучении обозначенной проблемы, которые не всегда совпадают с оценками отечественных исследователей. Вместе с тем их использование при условии критического осмысления позволяет белорусским историкам более глубоко и всесторонне исследовать данную тему, так как в зарубежных работах присутствуют не только авторские оценки и суждения, но и фактический архивный материал, который в большинстве случаев не представлен в архивах Республики Беларусь.

Список использованных источников

1. Беларусь и литовцы / сост. Е. де-Витте. – Почаев : Тип. Почаево-Усп. Лавры, 1910. – 40 с.
2. В-ик, Л. Уголок немецкой оккупации: из жизни города Полоцка с момента оккупации его немецкими войсками (февраль–июнь 1918 года) / Л. В-ик. – Петроград : Изд. Петрогр. Совета рабочих и красноарм. депутатов, 1918. – 31 с.
3. Корвин-Милевский, И.-К. Жажду справедливости для угнетенного литовского дворянства / И.-К. О. Корвин-Милевский. – СПб. : Тип. Р. В. Каратаевой, 1912. – 40 с.
4. Марковский, М. Литовцы в прошлом и настоящем / М. Марковский. – Петроград : Задруга, 1917. – 31 с.
5. Матулянис, П. С. Литовское племя в Виленской губернии / П. С. Матулянис. – Вильно : Губерн. тип., 1901. – 12 с.
6. Мейштович, А. Э. Дополнительная записка членов Государственного совета Мейштовича, Скирмунта и Лопацинского о положении поляков в Западном крае / А. Э. Мейштович. – Минск : [б. и.], 1915. – 56 с.
7. Моравский, А. Экономическое положение Литвы и Белоруссии / А. Моравский. – М. : Типо-литогр. Ю. Венер, [1918?]. – 30 с.
8. Никитин, В. Н. Еврейские поселения северо- и юго-западных губерний (1835–1890 г.) / В. Н. Никитин. – СПб. : Типо-литогр. А. Е. Ландау, 1894. – [4], III, 200 с.
9. Риттих, А. Ф. Западнорусская граница и русская народность / А. Ф. Риттих. – СПб. : Надежда, 1907. – 39 с.
10. Тизенгаузен, Н. А. Некоторые статистические данные о народонаселении Западного края России: с приложением таблиц распределения населения Западного края по вероисповеданиям, народностям, грамотности, сословиям, занятиям / Н. А. Тизенгаузен ; под ред. Д. В. Скрынченко. – Минск : Тип. С. А. Некрасова, 1910. – 109 с.
11. Фортунатов, К. А. Национальные области России: опыт статистического исследования по данным всеобщей переписи 1897 г. / К. А. Фортунатов. – СПб. : Труд и борьба, 1906. – 16 с.
12. Белякевич, И. И. Из истории создания польских национальных формирований в составе русской армии во время Первой мировой войны / И. И. Белякевич // Первая мировая война, 1914–1918 гг. : сб. / Акад. наук СССР, Ин-т истории ; редкол.: А. Л. Сидоров (отв. ред.) [и др.]. – М., 1968. – С. 158–169.
13. Великая Октябрьская социалистическая революция и становление советской культуры, 1917–1927 / Акад. наук СССР, Ин-т истории СССР ; отв. ред. М. П. Ким. – М. : Наука, 1985. – 525 с.
14. Вержховский, Д. В. Первая мировая война 1914–1918 гг. : воен.-ист. очерк / Д. В. Вержховский, В. Ф. Ляхов. – М. : Воениздат., 1964. – 306 с.
15. Россия в Первой мировой войне 1914–1918 года (в цифрах) / Центр. стат. управление, Отд. воен. статистики. – М. : Центр. стат. упр., 1925. – 104 с.
16. Арапов, Д. Ю. Система государственного регулирования ислама в Российской империи (последняя треть XVIII – начало XX в.) / Д. Ю. Арапов. – М. : Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, 2004. – 287 с.
17. Арапов, Д. Ю. Система государственного регулирования ислама в Российской империи: последняя треть XVIII – начало XX в. : дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02 / Д. Ю. Арапов. – М., 2005. – 381 л.
18. Бахтурина, А. Ю. Окраины Российской империи: государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.) / А. Ю. Бахтурина. – М. : Росспэн, 2004. – 388 с.
19. Белова, И. Б. Первая мировая война и российская провинция: 1914–февраль 1917 гг.: по материалам Калужской и Орловской губерний : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / И. Б. Белова. – Калуга, 2007. – 277 л.
20. Комолятова, А. Н. Этноконфессиональная политика Российской империи в отношении еврейского населения XIX – начала XX в. : по материалам Европейского Севера : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / А. Н. Комолятова ; Помор. гос. ун-т. – Архангельск, 2009. – 24 с.
21. Мамонтов, В. И. Беларусь в период германской оккупации в годы Первой мировой войны (сентябрь 1915 – ноябрь 1918 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / В. И. Мамонтов ; Воронеж. гос. ун-т. – Воронеж, 1997. – 26 с.
22. Миллер, А. Империя Романовых и национализм : эссе по методологии ист. исслед. / А. Миллер. – М. : Новое лит. обозрение, 2006. – 240 с.
23. Миллер, А. Национализм и империя / А. Миллер. – М. : Объед. гуманитар. изд-во, 2005. – 118 с.
24. Миллер, А. Центр и окраина: метаморфозы проблемы в XVIII–XXI вв. в отношении власти и общественного мнения в России к Украине и Белоруссии / А. Миллер // Центр и региональные идентичности в России / В. Я. Гельман [и др.] ; под ред. В. Гельмана, Т. Хопфа. – СПб. ; М. : Изд.-во Европ. ун-та в СПб., 2003. – С. 29–46.
25. Савинова, Н. В. Российский национализм и немецкие погромы в России в годы Первой мировой войны, 1914–1917 гг. : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Н. В. Савинова. – СПб., 2008. – 249 л.

26. Тихонов, А. К. Политика Российской империи по отношению к католикам, мусульманам, иудеям в последней четверти XVIII – начале XX в. : дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02 / А. К. Тихонов. – СПб., 2007. – 495 л.
27. Тихонов, А. К. Католики, мусульмане и иудеи Российской империи в последней четверти XVIII – начале XX в. / А. К. Тихонов. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2008. – 367 с.
28. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). – Ф. 2005. Оп. 1. Д. 24. Л. 2, 6–7, 13.
29. Западные окраины Российской империи / Л. А. Бережная [и др.] ; науч. ред.: М. Долбилов, А. Миллер. – М. : Новое лит. обозрение, 2006. – 605 с.
30. Первая мировая война: историографические мифы и историческая память : в 3 кн. / И. В. Бородин [и др.] ; под ред. О. В. Петровской. – М. : Рос. ин-т стратег. исслед., 2014. – Кн. 1 : Народы Российской империи. – 249 с.
31. Первая мировая война: историографические мифы и историческая память : в 3 кн. / И. В. Бородин [и др.] ; под ред. О. В. Петровской. – М. : Рос. ин-т стратег. исслед., 2014. – Кн. 3 : Вторая Отечественная война России, 1914–1917. – 244 с.
32. Карнялюк, В. Р. Фактары гісторыка-дэмаграфічных змен у складзе насельніцтва Беларусі ў 1913–1918 гг. : дыс. ... канд. гіст. навук : 07.00.02 / В. Р. Карнялюк. – Мінск, 2001. – 108 л.
33. Лапановіч, С. Ф. Дзейнасць дзяржаўных і грамадскіх арганізацый па аказанні дапамогі бежанцам у Беларусі ў гады Першай сусветнай вайны (1914 – кастрычнік 1917 г.) / С. Ф. Лапановіч ; М-ва ўнутраных спраў Рэсп. Беларусь, УА «Акад. М-ва ўнутраных спраў Рэсп. Беларусь». Акадэмія МУС, 2010. – 126, [1] с.
34. Ляхоўскі, У. В. Адукацыя на акупіраваных Германіяй беларускіх землях у гады Першай сусветнай вайны (1915–1918) : аўтарэф. дыс. ... канд. гіст. навук : 07.00.02 / У. В. Ляхоўскі ; НАН Беларусі, Ін-т гісторыі. – Мінск, 2007. – 22 с.
35. Рудовіч, С. Час выбару: праблема самавызначэння Беларусі ў 1917 г. / С. Рудовіч ; НАН Беларусі, Ін-т гісторыі. – Мінск : Тэхналогія, 2001. – 200 с.
36. Герасимова, И. П. Еврейское образование в Белоруссии в XIX – начале XX в. и отношение к нему российского самодержавия : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / И. П. Герасимова ; Белорус. гос. пед. ун-т. – Минск, 1996. – 23 с.
37. Савицкий, Э. Еврейская благотворительность в Беларуси XIX–XX вв. / Э. Савицкий // Евреи Беларуси : история и культура : сб. ст. / Белорус. об-ние евр. орг. и общин, Израил. культур.-информ. центр ; редсовет: И. Герасимова (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 1998. – Вып. 3/4. – С. 18–21.
38. Соболевская, О. Евреи Гродненщины: жизнь до Катастрофы / О. Соболевская, В. Гончаров. – Донецк : Норд-Пресс, 2005. – 372 с.
39. Смалянчук, А. Паміж краёвасцю і нацыянальнай ідэяй. Польскі рух на беларускіх і літоўскіх землях, 1864 – люты 1917 г. / А. Смалянчук. – 2-е выд., дапрац. – СПб. : Неўс. прасцяг, 2004. – 404 с.
40. Сяменчык, М. Я. Польскі рух на Беларусі (сакавік 1917–сакавік 1918 гг.) / М. Я. Сяменчык // Гісторыя Беларусі: новае ў даследаванні і выкладанні : матэрыялы Рэсп. навук.-практ. канф., Мінск, 27 сак. 1999 г. : у 2 ч. / Беларус. дзярж. пед. ун-т ; рэдкал.: У. В. Тугай (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск, 1999. – Ч. 1. – С. 190–194.
41. Тугай, У. В. Латышскі этнас у сацыяльна-эканамічным жыцці Беларусі / У. В. Тугай ; пад навук. рэд. В. М. Фаміна. – 2-е выд., стэр. – Мінск : Беларус. дзярж. пед. ун-т, 2003. – 305 с.
42. Тугай, У. В. Латышы на Беларусі / У. В. Тугай. – Мінск : Скаун, 1999. – 133 с.
43. Унуковіч, Ю. І. Літоўцы ва Усходняй Беларусі ў канцы XIX – пачатку XX ст. / Ю. І. Унуковіч // Беларус. гіст. часоп. – 2006. – № 9. – С. 37–43.
44. Мазец, В. Г. Адносіны да германскіх і аўстра-венгерскіх падданных на пачатковым этапе Першай сусветнай вайны / В. Г. Мазец // Беларусі і Германія: гісторыя і сучаснасць : [зб. навук. арт.] / Мін. дзярж. лінгвіст. ун-т, Ін-т гісторыі НАН Беларусі ; рэдкал.: А. А. Каваленя (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск, 2012. – Вып. 10, т. 2 : Матэрыялы Міжнар. навук.-практ. канф., Мінск, 7 крас. 2011 г. – С. 8–12.
45. Рудовіч, С. С. Абмежавальныя меры царызму ў адносінах да этнічных немцаў і падданных Чацвярнага саюза на тэрыторыі Беларусі ў гады Першай сусветнай вайны / С. С. Рудовіч // Беларусі і Германія: гісторыя і сучаснасць : [зб. навук. арт.] / Мін. дзярж. лінгвіст. ун-т, Ін-т гісторыі НАН Беларусі ; рэдкал.: А. А. Каваленя (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск, 2012. – Вып. 10, т. 2 : Матэрыялы Міжнар. навук.-практ. канф., Мінск, 7 красавіка 2011 г. – С. 123–130.
46. Цітоў, В. Нямецкая дыяспара ў Беларусі ў XIX–пачатку XX ст. / В. Цітоў // Беларуская-нямецкая грамадска-культурная ўзаемаадносіны: гісторыя, сучаснасць, перспектывы : матэрыялы Міжнар. «круглага стала», Мінск, 29–30 крас. 1996 г. / Аддз. культуралогіі і духоўн. сувязей сусед. народаў Міжнар. акад. навук Еўразіі [і інш.] ; рэдкал.: А. Мальдзіс (адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск, 1996. – С. 105–106. – (Беларусіка = Albaruthenica ; кн. 7).
47. Канапацкі, І. Б. Да пытання этнагенезу і структуры татарскага народа / І. Б. Канапацкі // Этнічныя супольнасці ў Беларусі: гісторыя і сучаснасць : навук. канф., Мінск, 6–7 снеж. 2001 г. / НАН Беларусі, Ін-т гісторыі ; навук. рэд.: У. Навіцкі, М. Сташкевіч. – Мінск, 2001. – С. 62–66.
48. Филатова, Е. Политика царского правительства Российской империи в отношении татар-мусульман в XIX – начале XX в. Историография вопроса / Е. Филатова // Ислам і мусульмане Беларусі ў XX стагоддзі : матэрыялы VII міжнар. навук. практ. канф., Мінск, 27–28 ліп. 2001 г. / Сусвет. арг. «Ісламская місія», Мусульм. рэлігійн. аб'яд-не ў Беларусі, Беларус. грамад. згуртаванне татар «Зікр уль-Кітаб» ; пад рэд. І. Канапацкага [і інш.]. – Мінск, 2002. – С. 80–85.
49. Белявина, В. Н. Беларусь в годы Первой мировой войны / В. Н. Белявина. – Минск : Беларусь, 2013. – 398 с.
50. Смольянинов, М. М. Беларусь в Первой мировой войне 1914–1918 гг. / М. М. Смольянинов. – Минск : Беларусь. наука, 2014. – 317 с., [17] л. ил.
51. Первая мировая война в исторических судьбах Европы : сб. материалов Междунар. науч. конф., Вилейка, 18 окт. 2014 г. / Белорус. гос. ун-т [и др.] ; редкол.: В. А. Богуш (пред.) [и др.]. – Минск, 2014. – 464 с.
52. Wasilewski, L. Litwa i Białoruś: przeszłość teraźniejszość, tendencje rozwojowe / L. Wasilewski. – Krakow : Książka, 1912. – XIX, 361 s.

53. Эберхардт, П. XX стагоддзе: нацыянальныя змены ў Цэнтральнай і Усходняй Еўропе / П. Эберхардт // Край = Kraj: Polonica, Albarutenica, Lituania. – 2001. – № 1/2. – С. 49–73.
54. Эберхардт, П. Дэмаграфічная сітуацыя на Беларусі: 1897–1989 / П. Эберхардт ; пер. с пол. У. Люкевіча. – Менск : Беларус. фонд Сораса, 1997. – 277 с.
55. Rodkiewicz, W. Russian national policy in the Western Provinces of the Empire, 1863–1905 / W. Rodkiewicz. – Lublin : Sci. Soc. of Lublin, 1998. – 295 p.
56. Радзік, Р. Палякі – беларусы: узаемныя стэрэатыпы ў XIX–XX стст. (да 1939 г.) / Р. Радзік // Беларус. гіст. агляд. – 1997. – Т. 4, сш. 1/2. – С. 35–60.
57. Лінднэр, Р. Гісторыкі і ўлада: нацыятворчы працэс і гістарычная палітыка ў Беларусі XIX–XX стст. / Р. Лінднэр ; пер. з ням. Л. Баршчэўскага. – Мінск : [б. в.], 2003. – 583 с.
58. Zemke, H. Der Oberbefehlshaber Ost und das Schulwesen im Verwaltungsbereich Litauen während des Weltkrieges / H. Zemke. – Berlin : Junker & Dünnhaupt, 1936. – 120 s.
59. Engelhardt, E. Weißruthenien: Volk und Land / E. Engelhardt. – Berlin : Volk u. Reich, 1943. – 358 s.
60. Linde, G. Die deutsche Politik in Litauen im Ersten Weltkrieg / G. Linde. – Wiesbaden : O. Harrassowitz, 1965. – XIII, 265 s.
61. Strazhas, A. Deutsche Ostpolitik im Ersten Weltkrieg. Der Fall Ober Ost, 1915–1917 / A. Strazhas. – München : Harrassowitz Verl., 1993. – 289 s.
62. Der Erste Weltkrieg. Wirkung, Wahrnehmung, Analyse / Hrsg. von Wolfgang Michalka: Weyarn: Seehamer Verlag, 1997. – 1058 s.
63. Vakar, N. P. Belorussia / N. P. Vakar. – Cambridge : Harvard Univ. Press, 1956. – XIV, 297 p.
64. Liulevicius, V. G. War land on the Eastern front: culture, national identity and German occupation in World War I / V. G. Liulevicius. – Cambridge ; New York : Cambridge Univ. Press, 2000. – VIII, 309 p.
65. Weeks, T. R. Nation and state in late Imperial Russia: nationalism and Russification on the western frontier, 1863–1914 / T. R. Weeks. – DeKalb : Northern Illinois Univ. Press, 1996. – 297 p.
66. Weeks, T. R. From «Russian» to «Polish»: Vilna – Wilno, 1900–1925 / T. R. Weeks. – Washington : Nat. Council for Eurasian a. East Europ. Research, [2004]. – III, 29 p.
67. Snyder, T. The reconstruction of nations: Poland, Ukraine, Lithuania, Belarus, 1569–1999 / T. Snyder. – New Heaven ; London : Yale Univ. Press, 2003. – 367 p.
68. Gatrell, P. Russia's First World War: economic and social history / P. Gatrell. – Harlow : Pearson : Longman, 2005. – XX, 318 p.
69. Zaprudnik, J. Russo-Polish clashes in the state Dumas (1906–1917) over schools in the Russian Empire's "North-western region" (Belarus) / J. Zaprudnik // Беларусь і беларусы ў прасторы і часе : зб. да 75-годдзя праф. А. Мальдзіса / Міжнар. асац. беларусістаў, Пол. ін-т у Мінску ; пад рэд. С. Запрудскага, А. Фядуты, З. Шыбекі. – Мінск, 2007. – С. 355–364.

References

- de-Vitte, E. (comp.) (1910) *Belorusy i litovtsy* [Belarusians and Lithuanians], Pochaevo-Usp. LavryTyp., Pochaev, RU
- V-ik, L. (1918) *Ugoloк nemetskoj okkupatsii: iz zhizni goroda Polotska s momenta okkupatsii ego nemetskimi voiskami (fevral'-iyun'1918 goda)* [The small part of German occupation: some sketches of Polotsk town since the moment of its occupation by the German troops], Publ. of Sovet rabochih i krasnoarm. Deputatov, Petrograd, RU
- Korvin-Milevskii, I.-K. (1912) *Zhazhdu spravedlivosti dlya ugnetenogo litovskogo dvoryanstva* [Desire of justice for the reduced Lithuanian gentry], Typ. by R. V. Karataeva, SPb., RU
- Markovskii, M. (1917) *Litovtsy v proshlom i nastoyashchem* [Lithuanians in the past and at present], Zadruga, Petrograd, RU
- Matulyanis, P. S. (1901) *Litovskoe plemya v Vilenskoj gubernii* [Lithuanian tribes in Vilensky province], Gub. Typ., Vilno, RU
- Meishtovich, A. (1915) *Dopolnitel'naya zapiska chlenov Gosudarstvennogo soveta Meishtovicha, Skirmunta i Lopatsinskogo o polozhenii polyakov v Zapadnom krae* [Additionalnote of the State Committee members Meištovich, Skirmunti Lopatsinskij on the state of the Poles in the Western region], Minsk, BY
- Moravskii, A. (1918) *Ekonomicheskoe polozhenie Litvy i Belorussii* [Economic state of Lithuania and Belarus], Typo-lyt. by Y. Vener, Moscow, RU
- Nikitin, V. N. (1894) *Evreiskie poseleniya severoi yugo-zapadnykh gubernii (1835–1890)* [The Jews' settlements of north- and south-western provinces (1835–1890)], Typo-lyt. by A. E. Landay, SPb., RU
- Rittikh, A. F. (1907) *Zapadnorusskaya granitsa i russkaya narodnost'* [West-Russian border and the Russian people], Nadezhda, SPb., RU
- Tizengauzen, N. A. (1910) *Nekotorye statisticheskie dannye o narodonaselenii Zapadnogo kraya Rossii: s prilozheniem tablits raspredeleniya naseleniya Zapadnogo kraya Rossii po veroispovedaniyam, narodnostyam, gramotnosti, sosloviyam, zanyatiyam* [Some statistic data on population of Russia's Western region concerning religion, ethnicity, literacy, occupation], Typ. by S. A. Nekrasov, Minsk, RU
- Fortunatov, K. A. (1906) *Natsional'nye oblasti Rossii: opyt statisticheskogo issledovaniya po dannym vseobshchei perepisi 1897 g.* [National regions of Russia: experience in statistical research based on data of general census of 1897], Tryd i bor'ba, SPb., RU

12. Belyakevich, I. I. (1968) "From history of the Poles national formations of the Russian army during the World War I" in Sidorov, A. L. (ed.), *The World War I, 1914-1918: symposium by Academy of Science of SSSR, Institute of History*, Moscow, RU, pp. 158-169.
13. Klym, M. P. (ed.) (1985) *Velikaya Oktyabr'skaya sotsialisticheskaya revolyutsiya i stanovlenie sovetsoi kultury, 1917-1927* [Great October socialistic revolution and establishment of soviet culture, 1917-1927], Academy of Science of SSSR, Institute of History, Nauka, Moscow, RU
14. Verzhkhovskii, D. V. and Lyakhov, V. F. (1964) *Pervaya mirovaya voina 1914-1918 gg.* [The World War I 1914-1918: war and political essay], Voenizdat, Moscow, RU
15. (1925) *Rossiya v Pervoi mirovoi voine 1914-1918 goda (v tsifrakh)* [Russia in the World War I 1914-1918 (numerically)], Centr. stat. upravlenie, Otdel voen. Statistiki, Tsentr. stat. upravlenie, Moscow, RU
16. Arapov, D. Yu. (2004) *Sistema gosudarstvennogo regulirovaniya islama v Rossiiskoi imperii (poslednaya tret' XVIII - nachalo XX vv.)* [State regulatory system of islam in the Russian empire (the last third of the XVIIIth - the beginning of the XXth cent.)], Mosk. gos. un-t im. M. V. Lomonosova, Moscow, RU
17. Arapov, D. Yu. (2005) *Sistema gosudarstvennogo regulirovaniya islama v Rossiiskoi imperii (poslednaya tret' XVIII - nachalo XX vv.)*, *Diss. dokt. ist. nauk* [State regulatory system of islam in the Russian empire (the lastthird of the XVIIIth - the beginning of the XXth cent.)], Dr. hist. sci. diss.], Moscow, RU
18. Bakhturina, A. Y. (2004) *Okrainy Rossiiskoi imperii: gosudarstvennoe upravlenie i natsional'naya politika v gody Pervoi mirovoi voiny (1914-1917 gg.)* [The outlying districts of the Russian empire: state control and national policy during the World War I (1914-1917 yy.)], Rosspen, Moscow, RU
19. Belova, I. B. (2007) *Pervaya mirovaya voina i rossiiskaya provintsiya: 1914-fevral', 1917 gg.: po materialam Kaluzhskoi i Orlovskoi gubernii. Diss. kand. ist. Nauk* [The World War I and Russian province: 1914 - February, 1917: based on materials of Kaluga and Orlov provinces. Dr. hist. sci. diss.], Kaluga, RU
20. Komolyatova, A. N. (2009) *Etnokonfessional'naya politika Rossiiskoi imperii v otnoshenii evreiskogo naseleniya XIX - nachala XX vv.: po materialam Evropeiskogo Severa. Avtoref. kand. ist. nauk* [Ethnic and confessional policy of the Russian empire towards the Jews of the XIXth - the beginning of the XXth cc.: based on materials of the European North. Dr. hist. sci. author's abstr.], Arhangel'sk, RU
21. Mamontov, V. I. (1997) *Belarus' v period germanskoi okkupatsii v gody Pervoi mirovoi voiny (sentyabr' 1915 - noyabr' 1918 gg.)*. *Avtoref. kand. ist. nauk* [Belarus under the German occupation during the World War I (September, 1915 - November, 1918). Dr. hist. sci. author's abstr.], Voronezh, RU
22. Miller, A. (2006) *Imperiya Romanovykh i natsionalizm: esse po metodologii istoricheskikh issledovaniy* [The Romanovs' empire and nationalism: essay on methodology of historical research], Nov. lit. obozreniye, Moscow, RU
23. Miller, A. (2005) *Natsionalizm i imperiya* [Nationalism and empire], *Objed. gumanit. izd-vo*, Moscow, RU
24. Miller, A. (2003) "Center and lying outskirts: metamorphoses of the problem in XVIII-XXI cc. concerning the government and public opinion in Russia towards Ukraine and Belarus", in Gelman V. and Hopf, T. (ed.) *Centr i regional'nye identichnosti v Rossii* [Center and regional identity in Russia], *Izd.-vo Evrop. un-ta v St.-P., St.-P.*, Moscow, RU, pp. 29-46.
25. Savinova, N. V. (2008) *Rossiiskii natsionalizm i nemetskie pogromy v Rossii v gody Pervoi mirovoi voiny, 1914-1917 gg.* *Diss. kand. ist. nauk* [Russian natonalism and German pogroms in Russia during the World War I, 1914-1917 yy. Dr. hist. sci. diss.], St.-P., RU
26. Tikhonov, A. K. (2007) *Politika Rossiiskoi imperii po otnosheniyu k katolikam, musul'manam, iudeyam v poslendei chetverti XVIII - nachale XX v. Diss. doct. ist. nauk* [Russian empire's policy towards the Catholics, Muslims, Jews in the last quarter of the XVIIIth - the beginning of the XXth c. Dr. hist. sci. diss.], St.-P., RU
27. Tikhonov, A. K. (2008) *Katoliki, musulmane i iudei Rossiiskoi imperii v poslendei chetverti XVIII - nachale XX v.* [The Catholics, Muslims, Jews in the Russian empire in the last quarter of the XVIIIth - the beginning of the XXth c.], St.-P. Univ. Publish., St.-P., RU
28. *Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv (RGVIA)*. F. 2005. Op. 1. D. 24. L. 2, 6-7, 13 [Russian State War and History Achieve (RSWHA). F. 2005. Vol. 1. F. 24. P. 2, 6-7, 13].
29. Dolbilov, M. and Miller, A. (ed.) (2006) *Zapadnye okrainy Rossiiskoi imperii* [Westernoutskirtsof the Russian empire], *Novoe lit. obozrenie*, Moscow, RU
30. Borodin, I. V. [i dr.] (2014) *Pervaya mirovaya voina: istoriograficheskie mify i istoricheskaya pamyat' : v 3 kn. Kn. 1. Narody Rossiiskoi imperii.* [The World War: historioghaphical myths and historical memory: 3 books, B. 1. Peoples of Russian empire] in Petrovskaya O. V. (ed.), *Rus. Institute of Strat. Research*, Moscow, RU
31. Borodin, I. V. [i dr.] (2014) *Pervaya mirovaya voina: istoriograficheskie mify i istoricheskaya pamyat' : v 3 kn. Kn. 3, Narody Rossiiskoi imperii* [The World War: historioghaphical myths and historical memory : 3 books, B. 3. Peoples of the Russian empire] in Petrovskaya O. V. (ed.), *Rus. Institute of Strat. Research*, Moscow, RU
32. Karnyalyuk, V. R. (2001) *Faktory gistoryka-demografichnykh zmen u skladze nasel'nitstva Belarusi 1913-1918 gg.* [Factors of historical and demographical changes of population's structure of Belarus in 1913-1918 yy.], Dr. hist. sci. diss., Minsk, BY
33. Lapanovich, S. F. (2010) *Dzeinast' dzyarzhavnykh i gramadskikh arganizatsyi pa akazanni dapamogi bezhantsam u Belarusi u gady Pershai susvetnai vainy (1914 - kastychnik 1917 g.)* [The activity of state and public organizations helping the refugees in Belarus during the World War I (1914 - October, 1917)], Ministry of Home Affairs of the Republic of Belarus, Academy of Ministry of Home Affairs of the Republic of Belarus, BY
34. Lyakhoŭski, U. V. (2007) *Adukatsyya na akupiravanykh Germaniyai belaruskikh zemlyakh u gady Pershai susvetnai vainy (1914-1918)* [Education on Belarussian territory occupied by Germany during the World War I (1914-1918)], avtoref. kand. ist. nauk, National Academy of Sciences, Institute of History, Minsk, BY

35. Rudovich, S. (2001) *Chas vybaru: prablema samavyznachennyya Belarusi u 1917 g.* [Time for choice: Problem of self-identity for Belarus in 1917], National Academy of Sciences, Institute of History, Technologiya, Minsk, BY
36. Gerasimova, I. P. (1996) *Evreiskoe obrazovanie v Belorussii v XIX - nachale XX vv. i otnoshenie k nemu rossiiskogo samodержaviya* [Jewish education in Belarus in the XIXth – the beginning of the XXth cc. and the position of Russian autocracy in regard to it], avtoref. kand. ist. nauk, Belarus State Pedagogical University, Minsk, BY
37. Savitskii, E. (1998) “Jewish charity in Belarus of the XIXth - XXth cc.” in Gerasimova, I. (ed.) *Evrei Belarusi: istoriya i kultura, sb. st.* [The Jews of Belarus: history and culture. Symposium], Bel. publ. assoc. of jew. org. and com., Jewish kult. and inf. Center, Minsk, By, no. 3/4, pp. 18-21.
38. Sobolevskaya, O. and Goncharov, V. (2005) *Evrei Grodnenshchiny: zhizn' do Katastrofy* [The Jews of Grodno region: life before the Catastrophe], Nord-Press, Donetsk, UA
39. Smalyanchuk, A. (2004) *Pamizh kraevastsyu i natsiyanalnai ideyai. Polski rukh na belaruskikh i litoyskikh zemlyakh, 1864 - lyuty 1917 g.* [Between the edge and national idea. The Polish movement on Belarusian and Lithuanian territories, 1864 - February, 1917], Neyski prasts., St.-P., RU
40. Syamenchyk, M. Ya. (1999) “The Polish movement in Belarus (March, 1917 - March, 1918 yy.)” in Tugaj, U. V. (chief ed.) *Gistoryya Belarusi: novae y dasledvanni i vykladanni: materyyaly Resp. navuk.-prakt. kanf., Minsk, 27 sak., 1999 g., u 2 ch., Bel. dzyarzh. ped. un-t,* [History of Belarus: novelty in research and teaching. Materials of Rep. scien. and pract. conf., Minsk, March 27, 1999, 2 parts, Bel. st. ped. un-ty, Minsk, BY, Part 1, pp. 190-194.
41. Tugai, U. V. (2003) *Latyshski etnas u satsiyal'na-ekanamichnym zhytystsi Belarusi* [Latvian ethnos in social and economic life of Belarus], Bel. st. ped. un-ty, Minsk, BY
42. Tugai, U. V. (1999) *Latyshy na Belarusi* [The Latvians in Belarus], Skakun, Minsk, BY
43. Unukovich, Y. I. (2006) “The Lithuanians in the eastern Belarus at the end of the XIXth – the beginning of the XXth c.” *Belaruskii gistarichny chasopis* [Belarusian historical journal], no. 9, pp. 37-43.
44. Mazec, V. G. (2012) “The policy concerning German and Austrian and Hungarian nationals at the beginning of the World War I” in Kavalenya, A. A. (ch. ed.) *Belarus' i Germaniya: gistoryya i suchasnast': [zb. navuk. art.]*, [Belarus and Germany: history and present, symposium], Min. dzyarzh. lingv. un-t, In-t gistoryi NAN Belarusi, Minsk, no. 10, Book 2, Symposium of International science and practical conference, Minsk, April 7, 2011, pp. 8-12.
45. Rudovich, S. S. (2012) “Discriminative policy of tsarizm to wards ethnic Germans and nationals of the Quadruple alliance on the territory of Belarus during World War I” in Kavalenya, A.A. (ch. ed.) *Belarus' i Germaniya: gistoryya i suchasnast': [zb. navuk. art.]*, [Belarus and Germany: history and present, symposium], Min. dzyarzh. lingv. un-t, In-t gistoryi NAN Belarusi, Minsk, no. 10, Book 2, Symposium of International science and practical conference, Minsk, April 7, 2011, pp. 123-130.
46. Tsitoj, V. (1996) “The German community in Belarus in the XXth - the beginning of the XXth c.” in Mal'dzis, A. (ex. ed.) *Belaruskaya-nyametskiya gramadska-kulturnyya uzaemaadnosiny: gistoryya, suchasnast', perspektyvy: materyyaly Mizhnar. “kruglaga stala”, Minsk, 29-30 kras. 1996 g. Addz. kult. i dukhojn. suvyezai sused. Narodaj Mizhnar. akad. navuk Eyrzii [i insh.]* [Belarus and German public and cultural relations: the past, the present, the perspectives: symposium of International “round table”, Minsk, April 29-30, 1996. Dep. of cult. and relig. connections among neighboring peoples of International akad. of scienc. of Eurasia [and others]], Minsk, 1996, pp. 105-106 (Belarusika = Albaruthenica ; Book 7).
47. Kanapatski, I. B. (2001) “On the question of ethnogeny and structure of the Tatars” in Navitski, U. and Stashkevich, M. (ed.) *Etnichnyya supol'nasti y Belarusi: gistoryya i suchasnast': navuk. kanf., Minsk, 6-7 snezhn., 2001, NAN Belarusi, In-t gistoryi,* [Ethnic communities in Belarus: the past and the present: scient. conf., Minsk, December 6-7, 2001, NAS of Belarus, History In.-te,], Minsk, pp. 62-66.
48. Filatova, E. (2002) “The policy of the Russian empire regarding the Tatars-Muslims in XIXth – the beginning of XXth c. Historiography of the question” in Kanapatski, I. (ed.) *Islam i musul'mane Belarusi y XX stogodzi: materyyaly VII mizhnar. navuk. prakt. kanf., Minsk, 27-28 lip. 2001 g. Susv. arg. “Islamskaya missiya”, Musulm. religiin. Ab'yadn. y Belarusi, Bel. gram. zhurt. tatar “Zikr ul-Kitab”* [Islam and the Muslims of Belarus in the XXth c.: symposium of the VIIth intern. scient. pract. conf., Minsk, July 27-28, 2001], Minsk, pp. 80-85.
48. Filatova, E. (2002) “The policy of the Russian empire regarding the Tatars-Muslims in XIXth – the beginning of XXth c. Historiography of the question” in Kanapatski, I. (ed.) *Islam i musul'mane Belarusi y XX stogodzi: materyyaly VII mizhnar. navuk. prakt. kanf., Minsk, 27-28 lip. 2001 g. Susv. arg. “Islamskaya missiya”, Musulm. religiin. Ab'yadn. y Belarusi, Bel. gram. zhurt. tatar “Zikr ul-Kitab”* [Islam and the Muslims of Belarus in the XXth c.: symposium of the VIIth intern. scient. pract. conf., Minsk, July 27-28, 2001], Minsk, pp. 80-85.
49. Belyavina, V. N. (2013) *Belarus' v gody Pervoi mirovoi voiny* [Belarus during the World War I], Belarus, Minsk, BY
50. Smol'yaninov, M. M. (2014) *Belarus' v Pervoi mirovoi voine 1914-1918 gg.* [Belarus in the World War I 1914-1918 yy.], Belarus. Navuka, Minsk, BY
51. Bogush, V.A. (ed.) (2014) *Pervaya mirovaya voyna v istoricheskikh sud'bakh Evropy: sb. materialov Mezhdunar. nauch. konf., Vileika, 18 Okt. 2014, Bel. gos. un-t [idr.]* [The World War I in historic destinies of Europe: symposium of Internat. scient. conf., Vilejka, October 18, 2014, Bel. st. un.-ty [and the others]], Minsk, BY
52. Vasilevskii, L. (1912) *Litwa i Bialorus: przeszlosc' terazniejszosc', tendencje rozwojowe* [Lithuania and Belarus: the past, the present, tendencies of development], Ksiązka, Krakow, PL
53. Eberkhardt, P. (2001) “XX century: national changes in Central and Eastern Europe”, *Krai: Polonica, Albarutenica, Lituania*, no. 1/2, pp. 49-73.
54. Eberkhardt, P. (1997) *Demograficznaya situatsyya na Belarusi: 1897-1989* [Demographical situation in Belarus: 1897-1989], Belar. Fond by Soras, Minsk, BY
55. Rodkiewicz, W. (1998) *Russian national policy in the Western Provinces of the Empire, 1863-1905*, Sci. Soc. of Lublin, Lublin, PL

56. Radzik, P. (1997) “The Poles - the Belarussians: common stereotypes in XIX-XX c. (up to 1939)”, *Belaruski gist. aglyad* [Belarusian hist. review], Part 4, Book ½, pp. 35-60.
57. Lindner, R. (2003) *Gistoryki i Źłada: natsyyatvorchy pratses i gistarychnaya palityka Ź Belarusi XIX-XX st.* [The historians and power: nation-making process and historical policy in Belarus in XIX–XX c.], Minsk, BY
58. Zemke, H. (1936) *Der Oberbefehlshaber Ost und das Schulwesen im Verwaltungsbereich Litauen während des Weltkrieges* [Ober Ost Commander-in-Chief and school system in administrativedistrict Litva during the World War I], Junker & Dünnhaupt, Berlin, DE
59. Engelhardt, E. (1943) *Weißruthenien: Volk und Land* [Belarus: People and the country], Volk u. Reich, Berlin, DE
60. Linde, G. (1965) *Die deutsche Politik in Litauen im Ersten Weltkrieg* [German policy in Lithuania during the World War I], O. Harrassowitz, Wiesbaden, DE, XIII
61. Strazhas, A. (1993) *Deutsche Ostpolitik im Ersten Weltkrieg. Der Fall Ober Ost, 1915-1917* [German Eastern policy during the World War I. Ober Ost campaign], Harrassowitz Verl., Munich, DE
62. Michalka, W. (ed.) (1997) *Der Erste Weltkrieg. Wirkung, Wahrnehmung, Analyse* [The World War I. Consequences, comprehension, analysis], Seehamer Verlag, Weyarn, DE
63. Vakar, N. P. (1956) *Belorussia* [Belarus], Harvard Univ. Press, Cambridge, GB
64. Liulevicius, V. G. (2000) *War land on the Eastern front: culture, national identity and German occupation in World War I. Cambridge*, Cambridge Univ. Press, New York, US, VIII
65. Weeks, T. R. (1996) *Nation and state in late Imperial Russia: nationalism and Russification on the western frontier, 1863-1914*, Northern Illinois Univ. Press, DeKalb, US
66. Weeks, T. R. (2004) *From “Russian” to “Polish”: Vilna - Wilno, 1900-1925*, Nat. Council for Eurasian a. East Europ. Research, Washington, US
67. Snyder, T. (2003) *The reconstruction of nations: Poland, Ukraine, Lithuania, Belarus, 1569-1999*, Yale Univ. Press, New Heaven, London, GB
68. Gatrell, P. (2005) *Russia's First World War: economic and social history*, Pearson, Longman, Harlow, GB, XX
69. Zaprudnik, J. (2007) “Russo-Polish clashes in the state Dumas (1906-1917) over school sinthe Russian Empire’s “North-westernregion”” (Belarus). *Belarus’ i belarusy Ź prastory i chase* [Belarusand the Belarusians withinmergesandtime], zbornik da 75-godzya prof. A. Maldzisa [Symposium dedicated to Pr. A. Maldzys 75th anniversary]. International association of researches on Belarus history, Polotsky Institute, in Zaprudski S., Fjadyta A. and Shibeka Z. (ed.), Minsk, BY, pp. 355-364.

Информация об авторе

Дмитриева Ольга Петровна – канд. ист. наук, старший преподаватель кафедры делового английского языка. УО «Белорусский государственный экономический университет» (пр. Партизанский, 26, 220070, Минск, Республика Беларусь). E-mail : olja0307.d@mail.ru.

Information about the author

Dmitrieva Olga Petrovna – Ph. D. (Hist.), Senior lecturer of Business English Department. Belarus State Economic University (Partizanski Prosp., 26, 220070, Minsk, Republic of Belarus). E-mail : olja0307.d@mail.ru.

Для цитирования

Дмитриева, О. П. Проблема национальных общностей на территории Беларуси в годы Первой мировой войны в зарубежной историографии / О. П. Дмитриева // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2016. – № 4. – С. 56–67.

For citation

Dmitrieva O. P. Ethnic communities on the territory of Belarus during the World War I in foreign historiography. Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus, humanitarian series, 2016, no. 4, pp. 56-67.

МОВАЗНАЎСТВА
LINGUISTICS

УДК 811.161.3'37

Поступила в редакцию 19.04.2016

Received 19.04.2016

А. А. Ларыёнава

*Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры НАН Беларусі,
Мінск, Рэспубліка Беларусь*

**ЛІНГВІСТЫЧНЫ СТАТУС КАТЭГОРЫІ ПЭЎНАСЦІ/НЯПЭЎНАСЦІ
Ў БЕЛАРУСКАЙ МОВЕ**

Статья посвящена исследованию статуса категории определенности/неопределенности в лингвистике. Выявляется междисциплинарный характер данной категории, которая рассматривается в философии, математике, социологии и др. Дается описание разных подходов к ее исследованию: теории актуализации, грамматики текста, референции, функциональной грамматики, кванторной теории. Выявляется статус категории определенности/неопределенности, которая в артиклевых языках квалифицируется как грамматическая, а в безартиклевых – как семантическая, функционально-семантическая, понятийная, контекстуальная, референциальная.

Ключевые слова: категория определенности/неопределенности, функционально-семантическое поле, семантическая категория, определенный и неопределенный артикли, функциональная грамматика.

A. A. Laryionava

*National Academy of Sciences of Belarus, Centre for Belarusian Culture, Language and Literature Research,
Minsk, Republic of Belarus*

**THE LINGUISTIC STATUS OF THE CATEGORY OF DEFINITENESS/INDEFINITENESS
IN THE BELARUSIAN LANGUAGE**

The article describes the status of the category of definiteness/indefiniteness in linguistics. This category is interdisciplinary. It is regarded in philosophy, mathematics, sociology, etc. There are different approaches to its study: the theory of actualization, the grammar of text, the functional grammar, the quantifier theory. The status of the category of definiteness and indefiniteness is grammatical in languages with articles. And this category is semantic, functional-semantic, conceptual, contextual and referential in languages without articles.

Keywords: category of definiteness/indefiniteness, functional-semantic field, semantic category, definite and indefinite articles, functional grammar.

Катэгорыя пэўнасці/няпэўнасці мае міждысцыплінарны характар і разглядаецца рознымі навукамі. Так, у працах Л. Брылюэна даследуецца навуковая няпэўнасць у тэрмадынаміцы, статыстыцы, інфармацыі, у матэматычных тэарэмах і фізічных тэорыях, класічнай механіцы [1]. У. С. Гот, А. Д. Урсул разглядаюць катэгорыю пэўнасці/няпэўнасці ў сучаснай фізіцы, інфармацыі, тэорыі гульняў, кібернетыцы як навуцы пра кіраванне [2]. У апошнія дзесяцігоддзі з'явіўся шэраг прац, прысвечаных даследаванню феноменаў пэўнасці/няпэўнасці ў эканоміцы [3; 4], праве [5], сацыялогіі [6] і інш.

У логіцы пэўнасць разглядаецца як адна з карэнных агульначалавечых рыс правільнага мыслення: «Пэўнасць – такая якасць правільнага лагічнага мыслення, якая сведчыць пра тое, што ў разважанні ўсе думкі пры паўторы ўжываюцца ў адным і тым жа вызначаным сэнсе, у іх укладваецца адзін і той жа дакладны, выразны змест, які адпавядае прадмету, з'яве» [7, с. 412].

Падобны пункт гледжання выказваўся яшчэ Арыстоцелем: «...сапраўды, мець не адно значэнне – гэта значыць не мець аніводнага значэння; калі ж у словах няма вызначаных значэнняў, тады

згублена ўсялякая магчымасць разважаць адзін з адным, а ў рэчаіснасці – і з самім сабой» [8, с. 64]. Гэта ідэя была развіта ў працах Г. Фрэге і Б. Расела, паводле якіх адно імя павінна адпавядаць аднаму прадмету [9; 10]. Глыбокую распрацоўку праблемы пэўнасці/няпэўнасці знаходзім у працах Гегеля. Няпэўнасць для Гегеля выступае як характарыстыка зыходнага паняцця, пазбаўленага спачатку ўсялякага зместу, усялякіх адрозненняў. Менавіта з чыстага быцця пачынаецца самаразвіццё абсалютнай ідэі, якая прадстаўляецца Гегелем як чыстая няпэўнасць. Затым няпэўнасць ператвараецца ў пэўнасць у выніку станаўлення, чыстае быццё ператвараецца ў наяўнае быццё, у існую пэўнасць ці якасць [11, с. 66]. У сучаснай філасофіі катэгорыя пэўнасці разглядаецца ва ўзаемасувязі з такімі катэгорыямі, як неабходнасць і выпадковасць, магчымасць і рэчаіснасць, прычына і следства і інш.

Такім чынам, катэгорыя пэўнасці/няпэўнасці даследуецца цэлым шэрагам навук і набывае міждысцыплінарны характар. Кожная галіна ведаў дапаўняе агульную карціну прадстаўлення дадзенай катэгорыі.

У лінгвістыцы катэгорыя пэўнасці/няпэўнасці разглядаецца як у артыклевых, так і ў безартыклевых мовах у дыяхраніі і ў сінхраніі. Існуюць розныя падыходы даследавання пэўнасці/няпэўнасці: квантарная тэорыя, тэорыя актуалізацыі, граматыкі тэксту, рэферэнцыі, функцыянальнай граматыкі. У навуковай літаратуры дадзеная катэгорыя разглядаецца як граматычная, тэкстуальная, кантэкстуальная, семантычная, семантыка-граматычная, функцыянальна-семантычная.

Даследаванні пэўнасці/няпэўнасці ў артыклевых мовах. Традыцыйна паняцце *пэўнасць/няпэўнасць* разглядалася ў артыклевых мовах, дзе ёсць граматычны паказчык дадзенай катэгорыі – артыкль. Існуюць некалькі трактовак дадзенай катэгорыі. Адна з іх заснавана на прынцыпе вылучэння з мноства. Так, О. Бегагель кажа пра тое, што няпэўны артыкль вылучае прадмет з мноства роўных яму па родзе. У. Я. Проп бярэ дадзены прынцып за аснову апісання абодвух артыкляў: «Калі няпэўны артыкль пазначае прадмет на фоне мноства роўных яму, то пэўны пазначае прадмет, магчымы па-за гэтым фонам, г. зн. пазначае некаторае адзінства без атачальнага яго мноства» [12, с. 232].

Колькасны падыход прадстаўлены ў працах, прысвечаных пытанням машыннага перакладу і камп'ютарнай лінгвістыкі. І. Бранд для таго, каб усталяваць алгарытм для перакладу нямецкай артыклевой апазіцыі на рускую мову, зыходзіць з колькаснай характарыстыкі пэўнасці/няпэўнасці. Па словах аўтара, пэўны артыкль пазначае, што дадзены аб'ект існуе толькі адзін раз ці што ў дадзенай сітуацыі няма іншых падобных яму; няпэўны артыкль пазначае, што маецца на ўвазе толькі адзін аб'ект з некалькіх магчымых. Няпэўны артыкль вылучае штосьці, пэўны ж пазначае тое, што было ўжо вылучана.

Наступная трактоўка пэўнасці/няпэўнасці звязана перш за ўсё з працамі Ш. Балі і Г. Гіёма, у якіх знайшла адлюстраванне **тэорыя актуалізацыі**, ці канкрэтызацыі. Паказчыкі пэўнасці/няпэўнасці разглядаюцца як актуалізатары, якія ператвараюць адзінкі мовы ў адзінкі маўлення. Пры дапамозе актуалізатараў віртуальнае паняцце пераводзіцца ў актуальнае ў маўленні [12, с. 233].

Падобны пункт гледжання развіваюць Т. В. Строева і Л. Р. Зіндэр. Яны ўключаюць паняцце пэўнасці/няпэўнасці ў больш агульную катэгорыю суаднесенасці назоўніка: «Калі назоўнік будзе абазначаць дадзены, пэўны ў адпаведнай сітуацыі прадмет (ці з'яву), то ён будзе ўжывацца ў разрадзе пэўнай суаднесенасці. Калі назоўнік абазначае прадмет ці з'яву, якія суадносяцца ў дадзенай моўнай сітуацыі з адным, адвольна выбраным альбо любым членам шэрагу падобных прадметаў ці з'яў, то ён ужываецца ў разрадзе няпэўнай суаднесенасці» [13, с. 79].

З развіццём **граматыкі тэксту** цікавасць лінгвістаў засяроджваецца на ролі, якую адыгрывае пэўнасць/няпэўнасць у структуры тэксту. Напрыклад, Х. Вайнрых разглядае артыклі з пункта гледжання арганізацыі тэксту. Ён характарызуе няпэўны артыкль як сігнал, які накіроўвае ўвагу слухача на інфармацыю, якая ідзе за ім. Пэўны артыкль характарызуецца як сігнал, які адсылае адрасата да папярэдняй інфармацыі [14, с. 103].

В. І. Маскальская падкрэслівае, што разгляд катэгорыі пэўнасці/няпэўнасці з пазіцый граматыкі тэксту дазваляе глыбей зразумець сутнасць і прызначэнне яе ў мове. Катэгорыя пэўнасці/няпэўнасці абслугоўвае не сказ-канструкт, віртуальны сказ, а сказ-выказванне ці тэкст і з'яўляецца, такім чынам, катэгорыяй не сказа, а тэксту: «Пэўны артыкль служыць для адрасата інструкцыяй,

якая сведчыць, што гаворка ідзе менавіта пра той з прадметаў дадзенага класа, пра які ведаюць і той, хто гаворыць, і той, хто слухае. Супрацьлеглым сігналам служыць няпэўны артыкль. З дапамогай яго гаворачы дае адрасату зразумець, што ён мае на ўвазе прадмет, невядомы слухачу» [14, с. 105].

У аснове сучаснай **тэорыі рэферэнцыі** ляжаць ідэі дэнатацыі Б. Расела. П. Стросан, гаворачы пра ідэнтыфікуючую рэферэнцыю, адзначае, што калі людзі гавораць адзін з адным, то яны звычайна маюць агульны фонд ідэнтыфікуючых ведаў пра пэўныя прадметы: «Вельмі часта гаворачы ведае альбо мяркуе, што прадмет, які ён ведае, вядомы таксама і тым, хто яго слухае. На падставе гэтага ведання ён можа выказаць жаданне паведаміць аб гэтым прадмеце нейкі факт, пры гэтым ён будзе ўжываць выражэнне, якое лічыць найбольш падыходзячым, каб выразіць, пра які іменна з прадметаў, у адносінах якіх слухачы валодаюць ідэнтыфікуючымі ведамі, ён гаворыць» [14, с. 105].

Такім чынам, у артыклевых мовах даследаванні катэгорыі пэўнасці/няпэўнасці грунтуюцца, перш за ўсё, на выяўленні семантыкі і функцый пэўнага і няпэўнага артыкляў як граматычных паказчыкаў дадзенай катэгорыі. Катэгорыя пэўнасці/няпэўнасці разглядаецца даследчыкамі з пазіцый колькаснага падыходу, ці вылучэння з мноства (О. Бехагель У. Я. Проп, І. Бранд), тэорыі актуалізацыі, ці канкрэтызацыі (Ш. Балі і Г. Гіём), рэферэнцыі (В. І. Маскальская, П. Стросан), граматыкі тэксту (Х. Вайнрых).

Даследаванні пэўнасці/няпэўнасці ў безартыклевых мовах. У безартыклевых мовах спецыфічных сродкаў, якія стабільна і абавязкова выступаюць для выражэння значэнняў пэўнасці/няпэўнасці, няма. Тым не менш катэгорыя пэўнасці/няпэўнасці выяўляецца сукупнасцю разнастайных моўных сродкаў [12, с. 241].

У польскім мовазнаўстве катэгорыі пэўнасці/няпэўнасці прысвечаны цэлы шэраг прац [15–21]. Нягледзячы на шырокую распрацаванасць дадзенай тэмы, няма адзінага меркавання ў разуменні гэтай катэгорыі і сродкаў яе выражэння. Даследаванні катэгорыі пэўнасці/няпэўнасці ў польскім мовазнаўстве праводзіцца ў двух асноўных кірунках. Першы звязаны з тэорыяй рэферэнцыі П. Стросана. Дадзены кірунак прадстаўляе З. Тапаліньска. Яна засяроджвае ўвагу на намінацыянальнай групе, у рамках якой апісвае лексічныя сродкі выражэння пэўнасці/няпэўнасці. Паводле яе тэрміналогіі, катэгорыя *wyznaczości/nie-wyznaczości* ‘пэўнасці/няпэўнасці’ ўяўляе семантычную катэгорыю, якая абслугоўвае іменную групу [16].

Другі кірунак даследаванняў катэгорыі пэўнасці/няпэўнасці ў польскай мове адносіцца ў большай ступені да лагічнай квантыфікацыі, звязанай з тэорыяй дэскрыпцыі, вядомай з прац Б. Расела. Прадстаўнікамі гэтага кірунку з’яўляюцца Р. Гжэгарчыкова, В. Касеска-Ташэва.

В. Касеска-Ташэва апісвае ўзровень сказа, у якім аналізуюцца намінацыянальныя і вербальныя сродкі. Даследчык прымае семантычную аснову выражэння катэгорыі. Семантыку пэўнасці/няпэўнасці В. Касеска-Ташэва разглядае з пункта гледжання квантарнай мадэлі апісання. Яна развівае тэорыю моцных і слабых квантыфікацыяўных значэнняў, дэталёва аналізуе групу імёнаў і дзеясловаў [21, с. 29–30]. Даследчык разглядае катэгорыю пэўнасці/няпэўнасці як катэгорыю сказа, якая пазначае аб’ём інфармацыі, што змяшчаецца ў сказе: няпэўны (экзістэнцыяльны, ці агульны) альбо пэўны (адзінкавы).

У рускім мовазнаўстве катэгорыя пэўнасці/няпэўнасці разглядалася многімі даследчыкамі.

А. А. Рэфармацкі адзначае, што катэгорыя пэўнасці/няпэўнасці вельмі важная для граматыкі рамана-германскіх моў і выражаецца ў гэтых мовах з дапамогай пэўных і няпэўных артыклей, але гэта не значыць, што «рускія не могуць мець у свядомасці гэтых значэнняў, яны толькі выражаюць іх лексічна» [22, с. 259].

Адзінага меркавання наконт статусу дадзенай катэгорыі ў рускім мовазнаўстве таксама няма. Даследчыкі кваліфікуюць дадзеную катэгорыю як кантэкстную, кантэксталагічную [23, с. 16]; камунікацыйную, кантэкстуальную [24, с. 85]. Некаторыя даследчыкі выказваюць меркаванне пра тое, што пэўнасць і няпэўнасць у рускай мове з’яўляюцца самастойнымі палямі [26, с. 78] альбо мікрапалямі [26, с. 13]. Існуе вузкі падыход да разгляду катэгорыі пэўнасці/няпэўнасці. Напрыклад, Ю. Б. Смірноў абмяжоўвае сферу дзеяння пэўнасці/няпэўнасці класам канкрэтных назоўнікаў, якія абазначаюць родавыя паняцці, прычым толькі ў тых выказваннях, дзе назоўнікі выступаюць у прыватнай прадметнай суаднесенасці і ўжываюцца ў складзе іменных груп, якія

назваюцца канкрэтнымі. Даследчык лічыць, што пры шырокім падыходзе немагчыма звязаць з гэтай катэгорыяй вельмі шырокі набор сродкаў самых розных узроўняў (інтанацыя, парадак слоў, сродкі выражэння мадальнасці і г. д.). Ён лічыць, што «ад такога расшырэння гэта катэгорыя становіцца зусім аморфнай» [27, с. 8]. Аднак, як заўважае А. У. Бандарка, гэтае поле выходзіць далёка за межы групойкі палёў з прадметным ядром, бо яно цесна звязана з палямі якаснасці і колькаснасці, якія ахопліваюць як прыкметы, так і субстанцыі, а таксама дзеянні [28, с. 41].

Функцыянальны падыход да апісання катэгорыі пэўнасці/няпэўнасці ўпершыню выкарыстаў І. І. Рэўзін. Ён апісаў палявую будову пэўнасці/няпэўнасці, прадстаўляючы гэтае поле як сукупнасць лексічных і граматычных сродкаў, якія маюць, як правіла, і іншыя функцыі [29, с. 237].

Уяўляе цікавасць даследаванне І. І. Рэўзіна займенніка-артыкля ў гаворцы сяла Олтуш Брэсцкай вобласці. У рабоце даследчык, прааналізаваўшы матэрыял, які быў сабраны падчас Палескай экспедыцыі 1936 года, адзначае, што ў гаворцы маецца шмат прыкладаў ужывання займенніка *то, та* ў кантэкстах, якія нагадваюць ужыванне прэпазітыўнага артыкля ў заходне-еўрапейскіх мовах. Аднак гэты займеннік не набывае статус артыкля, бо не адпавядае ўсім патрабаванням для гэтага статусу. Так, ён можа прапускацца, хаця яго выкарыстанне амаль з'яўляецца нормай. Як правіла, займеннік выкарыстоўваецца ў прэпазіцыі, але сустракаюцца кантэксты, дзе няма дакладнай лакалізаванасці і г. д. Такім чынам, даследчык робіць вынік, што займеннік *то* ў гаворцы сяла Олтуш займае прамежкавае становішча і мае статус займенніка-артыкля [29, с. 216].

В. Гладроў разглядае пэўнасць/няпэўнасць як семантычную катэгорыю, якая адлюстроўвае ступень інфармаванасці слухача гаворачым пра названы імем аб'ект рэчаіснасці, і разам з тым як поле, якое ахоплівае разнастайныя фармальныя сродкі, што служаць для выражэння паказаных адносін. Як адзначае В. Гладроў, функцыянальна-семантычнае поле пэўнасці/няпэўнасці ўяўляе сабою «функцыянальнае ў сваёй аснове адзінства, якое ўтвараецца моўнымі адзінкамі розных узроўняў» [12, с. 241].

Пэўнасць/няпэўнасць разглядаецца таксама ў аспекце тэорыі рэферэнцыі. Н. Д. Аруцюнава вызначае паняцце рэферэнцыі як «адносіны актуалізаванага імені ці іменнай групы, уключанай у маўленне, да аб'ектаў рэчаіснасці» [30, с. 6]. А. В. Падучава вылучае тры рэферэнтныя статусы іменнай групы: пэўны, слабая пэўны і няпэўны для гаворачага. Для пэўнай іменнай групы характэрна пэўнасць аб'екта для гаворачага і для слухача. Слабая пэўнасць характарызуецца пэўнасцю толькі для гаворачага, а няпэўная – няпэўнасцю і для гаворачага, і для слухача [31, с. 87].

Пры вызначэнні пэўнасці/няпэўнасці А. Д. Шмялёў зыходзіць з паняцця *індывідуалізуючай прыкметы* – прыкметы аб'екта, які ўжо быў згаданы ў тым ці іншым выказванні, калі ён вядомы адрасату маўлення і пры тым гэты адрасат ведае, што ніхто іншы не валодае гэтай прыкметай. Згодна з гэтым А. Д. Шмялёў дае наступную трактоўку катэгорыі пэўнасці/няпэўнасці: іменная група з'яўляецца пэўнай, калі яе рэферэнт валодае «нетрывіяльнай індывідуалізуючай прыкметай». У супрацьлеглым выпадку іменная група з'яўляецца няпэўнай [32, с. 271].

У беларускім мовазнаўстве катэгорыя пэўнасці/няпэўнасці фактычна не даследавалася. У працах выкарыстоўваюцца розныя намінацыі дадзенай катэгорыі: *катэгорыя азначальнасці/незначальнасці* [33, с. 306–307, 34, с. 17] і *катэгорыя пэўнасці/няпэўнасці* [35, с. 179, 36, с. 137]. Б. А. Плотнікаў адзначае, што «...катэгорыя пэўнасці/няпэўнасці з'яўляецца граматычнай у нямецкай, англійскай, французскай мовах, дзе яна абавязкова выражаецца ў назоўнікаў пры дапамозе артыкляў, у беларускай мове не належыць да граматычнай, таму што яна не абавязкова суправаджае назоўнікі...» [35, с. 179].

В. І. Рагаўцоў заўважае, што «для славянскіх моў, за выключэннем балгарскай і македонскай, катэгорыя пэўнасці/няпэўнасці не характэрна. Ёй адпавядае паняццевае катэгорыя пэўнасці/няпэўнасці, якая перадаецца лексічна». Пры гэтым ён прыводзіць наступныя сродкі яе выражэння: словы *гэты, любы, усякі, нейкі*; а таксама *пэўна, канкрэтны* і інш. [36, с. 137].

У вучэбных дапаможніках па філасофіі пры вызначэнні катэгорыі якасці і колькасці аўтары таксама карыстаюцца тэрмінамі *пэўнасць* і *няпэўнасць*: «Якасць – гэта філасофская катэгорыя, якая вызначае неаддзеленую ад быцця аб'екта істотную *пэўнасць*, цэласнасць праз адзінства

агульных і спецыфічных уласцівасцей. Якасць – гэта ўнутраная *пэўнасць* прадмета, якая ўказвае на яго межы» [37, с. 211–212].

Я. Волкава звяртае ўвагу на тое, што тэрміны *няпэўныя/неазначальныя займеннікі і пэўныя-няпэўныя/азначальныя-неазначальныя артыклі* не ўпарадкаваны і ва ўжыванні тэрмінаэлементаў *неазначальны і няпэўны* ў складзе шматкампанентных тэрмінаў няма паслядоўнасці. Даследчык заўважае, што ў акадэмічных граматыках выкарыстоўваецца тэрмін *няпэўныя займеннікі*. Але ў школьных падручніках і дапаможніках, беларускіх граматыках замежных моў мы сустракаем тэрмін *неазначальныя*, што «высвечвае сістэмную праблему ў мовазнаўчай тэрміналогіі» [38, с. 267].

Пры вызначэнні тэрміна артыкль як граматычнага паказчыка катэгорыі пэўнасці/няпэўнасці таксама найбольш лагічным з'яўляецца выкарыстанне тэрмінаў *пэўны і няпэўны*. Згодна з данымі слоўніка лінгвістычных тэрмінаў, «артыкль – службовае слова ў некаторых мовах, якое паказвае на род, перадае значэнне пэўнасці і няпэўнасці назоўніка. Артыкль *няпэўны* ўжываецца пры назве невядомага прадмета, названага ўпершыню, калі неабходна паказаць, толькі да якога класа прадметаў ён належыць. Артыкль *пэўны* ўжываецца, калі ідзе гаворка пра назву вядомага прадмета, канкрэтнага, які выдзяляецца з класа аднародных прадметаў» [39, с. 22]. Так, мы лічым найбольш паслядоўным выкарыстанне тэрмінаў *катэгорыя пэўнасці/няпэўнасці, няпэўныя займеннікі, пэўны і няпэўны артыклі*.

Такім чынам, катэгорыя пэўнасці/няпэўнасці мае міждысцыплінарны характар. У лінгвістыцы існуе некалькі падыходаў для яе даследавання: колькасны падыход, тэорыя актуалізацыі, тэорыя граматыкі тэксту, тэорыя рэфэрэнцыі, тэорыя функцыянальнай граматыкі.

У артыклевых мовах катэгорыя пэўнасці/няпэўнасці мае граматычны статус. У безартыклевых мовах няма спецыяльнага граматычнага паказчыка для выражэння дадзенай катэгорыі. Тым не менш яна выражаецца імпліцытна з дапамогай разнастайных моўных сродкаў. Рознымі даследчыкамі катэгорыя пэўнасці/няпэўнасці разглядаецца як кантэкстная, камунікатыўная, тэкставая, рэфэрэнцыяльная, паняццёвая, семантычная, функцыянальна-семантычная.

Функцыянальна-семантычная катэгорыя пэўнасці/няпэўнасці не з'яўляецца замкнёнай структурай і выяўляецца сукупнасцю сродкаў розных ўзроўняў (акцэнтна-прасадыхных, лексічных, марфалагічных, сінтаксічных), якія служаць для выражэння семантыкі пэўнасці/няпэўнасці. Разам з тым пэўнасць/няпэўнасць уяўляе сабой функцыянальна-семантычнае поле поліцэнтрычнага тыпу, якое мае два цэнтры: акцэнтна-прасадыхны, які прадстаўлены фразавым націскам і парадкам слоў, і цэнтр займеннікавых дэтэрмінатываў, які ўключае няпэўныя і ўказальныя займеннікі. Пэрыферыю складаюць лексічныя, марфалагічныя і сінтаксічныя сродкі.

Менавіта з гэтых пазіцый, на нашу думку, павінна даследавацца катэгорыя пэўнасці/няпэўнасці і ў беларускай мове, што дазволіць найбольш дакладна вызначыць яе статус і месца сярод іншых семантычных катэгорый, а таксама даследаваць сродкі яе выражэння.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Бриллюэн, Л. Научная неопределенность и информация / Л. Бриллюэн. – М., 1966. – 271 с.
2. Готт, В. С. Определенность и неопределенность как категория научного познания / В. С. Готт, А. Д. Урсул. – М., 1971. – 64 с.
3. Сафиуллина, Р. Т. Неопределенность экономической среды и поведение экономических объектов: автореф. дис. ... канд. экон. наук : 08.00.01 / Р. Т. Сафиуллина; Ин-т экономики, управления и права. – Йошкар-Ола, 2003. – 32 с.
4. Бондаренко, Н. А. Определенность и предсказуемость как фактор стабильности гражданского законодательства РБ / Н. А. Бондаренко // Гос. регулирование экономики и повышение эффективности деятельности субъектов хозяйства: материалы 6-й науч.-практ. конф. (22–23 апр. 2010 г.): сб. ст. в 2 ч.; редкол.: С. А. Пелих [и др.]. – М., 2010. – Ч. 2. – С. 76–80.
5. Калашникова, Э. Л. Неопределенность налоговой обязанности: финансово-правовой аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.14 / Э. Л. Калашникова. – М., 2008. – 18 с.
6. Веселкова, В. Л. Определенность и неопределенность в социальном познании: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11 / В. Л. Веселкова; Мордовский гос. ун-т им. Н. П. Огарева. – Саранск, 2006. – 31 с.
7. Кондаков, Н. И. Логический словарь-справочник / Н. И. Кондаков. – М., 1975. – 720 с.
8. Аристотель. Метафизика / Аристотель. – М., 1934. – 448 с.
9. Фреге, Г. Логические исследования / Г. Фреге. – Томск, 1997. – 128 с.
10. Рассел, Б. Философия логического атомизма / Б. Рассел. – Томск, 1999. – 192 с.

11. Гегель, Г. В. Ф. Сочинения. Том V / Г. В. Ф. Гегель. – М., 1937. – 715 с.
12. Гладров, В. Семантика и выражение определенности/неопределенности / В. Гладров // Теория функциональной грамматики: Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива. Определенность/неопределенность / В. Гладров. – РАН, Ин-т лингвист. исслед.; под ред. А. В. Бондарко. – СПб., 1992. – С. 232–265.
13. Зиндер, Л. П. Современный немецкий язык : теорет. курс : учеб. для пед. ин-тов и фак. иностр. яз. / Л. П. Зиндер, Т. В. Строева. – М., 1957. – 420 с.
14. Москальская, О. И. Грамматика текста (пособие по грамматике немецкого языка для ин-тов и фак. иностр. яз.): учеб. пособие / О. И. Москальская. – М., 1981. – 183 с.
15. Grzegorzczukowa, R. Wykładniki kwantyfikacji w polskim zdaniu / R. Grzegorzczukowa // Z polskich Studiów slawistycznych. – Warszawa, 1972. – Seria 4, Językoznawstwo. – S. 13–19.
16. Topolińska, Z. Struktura słowiańskiej frazy nominalnej / Z. Topolińska // Z polskich studiów slawistycznych. – Warszawa, 1972. – Seria 4, Językoznawstwo – S. 47–54.
17. Karolak, S. O pojęciach określoności i nieokreśloności / S. Karolak // Od semantyki do gramatyki. Wybór rozpraw. – Warszawa, 2001. – S. 315–335.
18. Karolak, S. O kategorii określoności w językach rodzajnikowych i nierodajnikowych / S. Karolak // Studia Slavica. – Warszawa, 2002. – № VI. – S. 131–139.
19. Koseska-Toszewa, V. Semantyczne aspekty kategorii określoności–nieokreśloności (na materiale z języka bułgarskiego, polskiego i rosyjskiego) / V. Koseska-Toszewa. – Wrocław, 1982. – 234 s.
20. Koseska-Toszewa, V. Kategoria określoności-nieokreśloności a kwantyfikacja na gruncie języka naturalnego / V. Koseska-Toszewa // Od kodu do kodu. – Warszawa, 1986. – S. 43–51.
21. Roszko, R. Semantyczna kategoria określoności-nieokreśloności w języku litewskim: w zestawieniu z językiem polskim / R. Roszko. – Warszawa, 2004. – 370 s.
22. Реформатский, А. А. Введение в языкознание / А. А. Реформатский. – М., 1960. – 431 с.
23. Папенкова, Т. А. Текстуальное функционирование местоимений в современном русском литературном языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т. А. Папенкова; Ленингр. гос. пед. ин-т им. А. И. Герцена. – Л., 1973. – 25 с.
24. Алехина, М. И. Определенность-неопределенность предмета как контекстуальная категория / М. И. Алехина // Русский язык в школе. – 1974. – № 5. – С. 81–85.
25. Николаева, Т. М. Теория функциональной грамматики как представление языковой данности / Т. М. Николаева // Вопросы языкознания. – 1995. – № 1. – С. 68–79.
26. Ларина, О. А. Универсальное и национальное в ФС категории О/НО (в сфере имени): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / О. А. Ларина; Орловский гос. ун-т. – Орел, 2006. – 21 с.
27. Смирнов, Ю. Б. Семантика и функционирование местоименных слов со значением неопределенности в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Ю. Б. Смирнов. – Л., 1985. – 19 с.
28. Бондарко, А. В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии / А. В. Бондарко. – М., 2003. – 207 с.
29. Ревзин, И. И. Структура языка как моделирующей системы / И. И. Ревзин. – М., 1978. – 278 с.
30. Арутюнова, Н. Д. Предложение и его смысл: логико-семантические проблемы / Н. Д. Арутюнова. – М., 2007. – 382 с.
31. Падучева, Е. В. Высказывание и его соотносительность с действительностью. Референциальные аспекты семантики местоимений / Е. В. Падучева. – М., 2002. – 287 с.
32. Шмелев, А. Д. Определенность/неопределенность в аспекте теории референции / А. Д. Шмелев // Теория функциональной грамматики: Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива. Определенность/неопределенность / А. Д. Шмелев. – РАН, Ин-т лингвист. исслед.; под ред. А. В. Бондарко. – СПб., 1992. – С. 266–277.
33. Саўко, М. У. Граматычная інтэрферэнцыя ў перакладзе (на матэрыяле перакладаў аўдыё-медыяльных тэкстаў з французскай мовы на рускую) / М. У. Саўко // Молодежь в науке – 2009: приложение к журн. «Весті Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі» (Серия гуманитарных наук): в 5 ч. – 2010. – Ч. 2. – С. 297–310.
34. Кароткая граматыка англійскай мовы / М. П. Васючэнка [і інш.], пад рэд. Л. Баршчэўскага. – Мінск, 2009. – 101 с.
35. Плотнікаў, Б. А. Агульнае мовазнаўства: вучэб. дапам. для філал. фак. ВНУ / Б. А. Плотнікаў. – Мінск, 1994. – 350 с.
36. Рагаўцоў, В. І. Уводзіны ў мовазнаўства: вучэб. дапам. для студ. пед. ін-таў / В. І. Рагаўцоў. – Мінск, 1987. – 205 с.
37. Бліхарж, Р. І. Філасофія: вучэб. дапам. / Р. І. Бліхарж, Л. П. Краўчанка, М. І. Мартынаў. – Мінск, 1996. – 383 с.
38. Волкава, Я. В. Беларуская лінгвістычная тэрміналогія: праблемы фіксацыі і функцыянавання / Я. В. Волкава // Studia z Filologii Polskiej i Słowiańskiej, 49 SOW. – Warszawa, 2014. – С. 259–276.
39. Слоўнік лінгвістычных тэрмінаў / рэд. П. У. Сцяцко, М. Ф. Гуліцкі, Л. А. Антанюк. – Мінск, 1990. – 220 с.

References

1. Brillouen, L. (1966) *Nauchnaya neopredelennost' i informatsiya* [Scientific uncertainty and information], Moscow, RU
2. Gott, V. S. and Ursul, A. D. (1971) *Opredelemnost' i neopredelennost' kak kategoriya nauchnogo poznaniya* [Definite and Indefinite as a category of scientific knowledge], Moscow, RU
3. Safiullina, R. T. (2003) *Neopredelennost' ekonomicheskoi sredy i povedenie ekonomicheskikh ob'ektov: avtoref. dis. kand. ekonom. nauk* [The uncertainty of the economic environment and the behavior of objects], Yoshkar-Ola, RU

4. Bondarenko, N. A. (2010) “Definite and Indefinite as a factor in the stability of the civil legislation of Belarus” in Pelikh, S. A. (ed.) *Gos. regulirovanie ekonomiki i povysheniya effektivnosti deyatel'nosti sub"ektov khozyaistva: 6-ya nauchno-praktich. konf. Sb. st. v 2 chastyakh* [State regulation of the economy and improve the efficiency of business entities: 6th Scientific-practical. Conf (22-23 April 2010). Coll. Art. 2 parts], Minsk, BY, Part 2, pp. 76-80.
5. Kalashnikova, E. L. (2008) *Neopredelennost' nalogovoi obyazannosti: finansovo-pravovoi aspekt: avtoref. dis. kand. yur. nauk* [Indefinite of the tax obligations: financially-legal aspect], Moscow, RU
6. Veselkova, V. L. (2006) *Opredelelennost' i neopredelennost' v sotsial'nom poznanii: avtoref. dis. ... kand. filos. nauk* [Definite and Indefinite in social cognition], Saransk, RU
7. Kondakov, N. I. (1975) *Logicheskii slovar'-spravochnik* [Logical Dictionary]. Moscow, RU
8. Aristotel' (1934) *Metafizika* [Metaphysics], Moscow, RU
9. Frege, G. (1997) *Logicheskie issledovaniya* [Logical research], Tomsk, RU
10. Rassel, B. (1999) *Filosofiya logicheskogo atomizma* [Philosophy of logical atomism], Tomsk, RU
11. Gegel', G. V. F. (1937) *Sochineniya. Tom V [Works]*, Moscow, RU
12. Gladrov, V. “Semantics and expression of Definite and Indefinite” in Bondarko, A. V. (ed.) *Teoriya funktsional'noi grammatiki: Sub"ektnost'. Ob"ektnost'. Kommunikativnaya perspektiva. Opredelelennost' / neopredelennost'* [The theory of functional grammar: Subjectivity. Objectivity. Communicative perspective. Definite and Indefinite], St. Petersburg, RU, pp. 232-265.
13. Zinder, L. R. and Stroeva, T. V. (1957) *Sovremennyy nemetskii yazyk : teoret. kurs* [Modern German: theoretical course], Moscow, RU
14. Moskal'skaya, O. I. (1981) *Grammatika teksta* [Text grammar], Moscow, RU
15. Grzegorzczkova, R. (1972) “Exponents quantify in the Polish sentence”, *Z polskich Studiów slawistycznych, Series 4, Linguistics*, Warsaw, PL, pp. 13-19.
16. Topolińska, Z. (1972) “The structure of the Slavic nominal phrases” *Z polskich studiów slawistycznych, Series 4, Linguistics*, Warsaw, PL, pp. 47-54.
17. Karolak, S. (2001) “About concepts of Definite and Indefinite”, *Od semantyki do gramatyki. Wybór rozpraw*, Warsaw, PL, pp. 315-335.
18. Karolak, S. (2002) “About the category of Definite in languages with articles and without articles”, *Studia Slavica*, Warsaw, PL, no. 6, pp. 131-139.
19. Koseska-Toszewa, V. (1982) *Semantyczne aspekty kategorii określoności – nieokreśloności (na materiale z języka bułgarskiego, polskiego i rosyjskiego)* [Semantic aspects of the category Definite and Indefinite (on a material of Bulgarian, Polish and Russian)], Wrocław, PL
20. Koseska-Toszewa, V. (1986) “Category Definite and Indefinite and quantification on the basis of natural language”, *Od kodu do kodu*, Warsaw, PL, pp. 43-51.
21. Roszko, R. (2004) *Semantyczna kategoria określoności-nieokreśloności w języku litewskim: w zestawieniu z językiem polskim* [Semantic category of Definite and Indefinite in the Lithuanian: in comparison with the Polish], Warsaw, PL
22. Reformatzkii, A. A. *Vvedenie v yazykoznanie* [Introduction to linguistics], Moscow, RU
23. Papenkova, T. A. (1973) *Tekstual'noe funktsionirovanie mestoimienii v sovremennom russkom literaturnom yazyke: avtoref. dis. na soiskanie uchenoi stepeni kand. filol. nauk* [Textual pronouns functioning in the modern Russian literary language], Leningrad, RU
24. Alekhina, M. I. (1974) “Definite and Indefinite of the object as a contextual category”, *Russkiy yazyk v shkole*, no. 5, pp. 81-85.
25. Nikolaeva, T. M. (1995) “The theory of functional grammar as a representation of the linguistic reality” *Voprosy yazykoznaniiya*, no. 1, pp. 68-79.
26. Larina, O. A. (2006) *Universal'noe i natsional'noe v FS kategorii O/NO (v sfere imeni): avtoreferat na soiskanie uchenoi stepeni k-ta filol. nauk* [Universal and the National in f.-s. category of Definite and Indefinite (in the name)], Orel, RU
27. Smirnov, Y. B. (1985) *Semantika i funktsionirovanie mestoimennykh slov so znacheniem neopredelennosti v sovremennom russkom yazyke: avtoref. dis. na soiskanie uchenoy stepeni kand. filol. nauk* [Semantics and functioning of pronominal words with the meaning of the Indefinite in the modern Russian language], Leningrad, RU
28. Bondarko, A. V. (2003) *Printsipy funktsional'noi grammatiki i voprosy aspektologii* [Principles of functional grammar and questions of aspectology], Moscow, RU
29. Revzin, I. I. (1978) *Struktura yazyka kak modeliruyushchei sistemy* [The structure of language as a modeling system], Moscow, RU
30. Arutyunova, N. D. (2007) *Predlozhenie i ego smysl: logiko-semanticheskie problemy* [Sentence and its meaning: the logical-semantic problems], Moscow, RU
31. Paducheva, E. V. (2002) *Vyskazyvanie i ego sootnesennost' s deistvitel'nost'yu. Referentsial'nye aspekty semantiki mestoimienii* [Proposition and its relation to reality. Referential aspects of semantics of pronouns], Moscow, RU
32. Shmelev, A. D. (1992) “Definite and Indefinite in the aspect of the theory of reference”, *Teoriya funktsional'noi grammatiki: Sub"ektnost'. Ob"ektnost'. Kommunikativnaya perspektiva. Opredelelennost' / neopredelennost'* [The theory of functional grammar: Subjectivity. Objectivity. Communicative perspective. Definite and Indefinite], St. Petersburg, RU, pp. 266-277.
33. Saýko, M. U. (2010) “Grammatical interference in translation (based on the translation of audio-medial texts from French into Russian)”, *Molodezh' v nauke – 2009: prilozhenie k zhurnalu «Vestsi Natsyyanal'nai akademii navuk Belarusi» (Seryya humanitarnykh navuk): v 5 ch., p. 2*, pp. 297-310.
34. Barshcheýski, L. (ed.) (2009) *Karotkaya gramatyka angliiskai movy* [Brief English Grammar], Minsk, BY
35. Plotnikaý, B. A. (1994) *Agul'nae movaznaýstva* [General linguistics], Minsk, BY

36. Ragaŭtsoŭ, V. I. (1987) *Uvodziny ŭ movaznaŭstva* [Introduction to Linguistics], Minsk, BY
37. Blikharzh, R. I., Kraŭchanka, L. R. and Martynaŭ, M. I. (1996) *Filasoŭfiya* [Philosophy], Minsk, BY
38. Volkava, Y. V. (2014) “Belarusian linguistic terminology: problems of fixing and functioning” *Studia z Filologii Polskiej i Studia z Filologii Polskiej i Słowiańskiej, 49 SOW*, Warsaw, PL, pp. 259-276.
39. Stsyatsko, P. U., Gulitski M. F. and Antaniuk, L. A. (ed.) (1990) *Sloŭnik lingvistychnykh terminaŭ* [Glossary of linguistic terms], Minsk, BY

Информация об авторе

Ларионова Алена Александровна – аспирант. ГНУ «Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси» (ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail : lenlario-nova@yandex.ru.

Для цитирования

Ларыёнава, А. А. Лінгвістычны статус катэгорыі пэўнасці/няпэўнасці ў беларускай мове / А. А. Ларыёнава // Вест. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2016. – № 4. – С. 68–75.

Information about the author

Laryionava Alena Aliaksandrauna – postgraduate student. Centre for Belarusian Culture, Language and Literature Research of the National Academy of Sciences of Belarus (Surganov Str., 1, b. 2, 220072, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: lenlarionova@yandex.ru.

For citation

Laryionava A. A. The linguistic status of the category of definiteness/indefiniteness in the Belarusian language. Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus, humanitarian series, 2016, no. 4, pp. 68-75.

МАСТАЦТВАЗНАЎСТВА, ЭТНАГРАФІЯ, ФАЛЬКЛОР
ARTS, ETHNOGRAPHY AND FOLKLORE

УДК 7.01+7.038.6

Поступила в редакцию 31.05.2016

Received 31.05.2016

Т. Г. Мдивани

*Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси,
Минск, Республика Беларусь*

**АРТ-МИКСТ КАК НОВАЯ РЕАЛИЯ ИСКУССТВА ЭПОХИ ПОСТМОДЕРНИЗМА
РУБЕЖА XX – НАЧАЛА XXI ВЕКА**

Трансформация и изменение критериев эстетических оценок ряда феноменов современной культуры привели к элиминированию строгого противопоставления высокого искусства массовому, художественного творчества – ремесленничеству. Внедрение в художественную практику лазерных и пиротехнических средств, нанотехнологий и электроники расширило горизонты творческого поиска и способствовало возникновению абсолютно новых видов искусств, основанных на идее системного синтеза, – мультимедийных проектов, гипер- и интертекстов, акций. Особое место принадлежит микстам и миксам, а также своеобразным художественным композициям, именуемым «проектами». По отношению к искусству вводится уточняющее понятие «арт-микст» (арт-микст-композиция, арт-микст-проект), которое употребляется в связи со скрещением в единое целое как многообразных жанров и форм искусства, элементы которых функционируют на основании паритета, так и искусства с техникой. Постмодернистская арт-микстовая композиция предстает, как полигон для свободного творчества, где смешиваются разные стили (классика и современность), традиции (академическая и субкультурная), художественные практики (западные и восточные), а также технологии (например, электронные звуки, создаваемые цифровой техникой, и натуральные звуки, извлекаемые на аутентичных инструментах). По типу реализации и доминированию конкретного вида искусства арт-миксты делятся на концертные (например, эстрадное шоу), сценические (например, модельное дефиле, условный театр) и техногенные (аудиовизуальные) формы, аккумулируя все стадии творческого акта – от замысла до его воплощения. В границах арт-микста в Беларуси функционирует музыкально-хореографический проект. Думается, что в целом арт-микст обладает значительным художественным потенциалом и его можно рассматривать как один из сценариев развития художественной культуры современности.

Ключевые слова: постмодернизм, искусство, системный синтез, техногенность, арт-микст, музыкально-хореографический проект.

T. G. Mdivani

*National Academy of Sciences of Belarus, Centre for Belarusian Culture, Language and Literature Researches,
Minsk, Republic of Belarus*

**ART-MIX AS THE NEW REALITY OF ART IN THE ERA OF POSTMODERN OF THE TWENTIETH
AND EARLY TWENTY-FIRST CENTURY**

Transformation and change the criteria of aesthetic evolution of a number of cultural phenomena have led to the elimination of strict opposition to the mass of high art, art-handicraft. The introduction of the artistic practice of laser and pyrotechnic devices, nanotechnology and electronics has expanded the horizons of creativity and contributed to the emergence of entirely new kinds of art, based on the idea of synthesis system – multimedia projects, hyper and intertexts, shares. A special place here belongs to the mixed doubles and mix, as well as original artistic compositions called “projects”. In relation to art is introduced to clarify the concept of art-mixed (art-mixed-composition, art-mixed-project), which is used in connection with arms crossed in a single unit as a diverse genres and art forms, elements of which operate on the basis of parity, and art with appliances. Postmodern art-mixed-composition appears as a testing ground for the free creation, which mixed different styles (classic and modern), tradition (academic and subcultural), artistic practices (western and eastern) and technology (electronic sounds created by digital technology and natural sounds, recoverable on authentic instruments). According to the type of implementation and the dominance of a particular type of art art-mixed doubles divided

into concert (for example, variety show), stage (for example, model catwalk, conventional theater) and manmade (audio-visual) form, accumulating all the stages of the creative act—from the idea to its realization. Within the boundaries of the art-mixed doubles in Belarus operates a musical-choreographic project. It seems that the whole art-mixed has significant artistic potential and it can be considered as one of the scenarios of contemporary artistic culture.

Keywords: postmodernism, art, system synthesis, tekhnogennost, art-mikst, musical-choreographic project.

Введение. Художественная культура и научно-технический прогресс в эпоху постмодернизма тесно взаимосвязаны: с одной стороны, научно-технический прогресс оказывает весомое воздействие на формирование эстетических вкусов и идеалов, предлагая реципиенту красоту и удобство постоянно обновляющейся аудио- и видеопродукции, с другой – культура требует новых технологий, способных обеспечить актуальный художественный вкус. Трансформация и изменение критериев эстетических оценок ряда феноменов современной культуры привели к элиминированию строгого противопоставления высокого искусства массовому, художественного творчества – ремесленничеству. Внедрение в художественную практику лазерных и пиротехнических средств, нанотехнологий и электроники расширило горизонты творческого поиска и способствовало возникновению абсолютно новых видов искусств, основанных на идее системного синтеза, – мультимедийных проектов, гипер- и интертекстов, акций и т. п.

Основная часть. Под синтезом понимается «концентрированное сведение воедино нескольких смысловых единиц с образованием системного качества» [21, с. 192]. В приложении к искусству синтез реализуется в интегративной художественной целостности, основанной на самостоятельных «когнитивно-творческих ветвях» (жанровых или стилевых) «с развитой и только им присущей спецификой» [21, с. 192]. Интегративная художественная целостность, основанная на стилевом или жанровом синтезе, проявляет себя в двух аспектах – как ставшее (данность) и становящееся (данность как процесс). Характерная для постмодерна модификация традиционных видов искусства и его жанровых форм сопряжена с актуализацией данности как процесса, что предполагает трактовку процедуры творческого акта – собственно созидания – и как результирующего процесса (перформанс), и как формы бытования художественного произведения (акции, энвайронменты).

Особое место здесь принадлежит микстам и миксам, а также своеобразным художественным композициям, именуемым «проектами» (напомним, что слово «проект» означает предварительный план, схему объекта). При этом если интертексты и другие новые явления искусства, пришедшие с постмодернизмом, более-менее описаны в искусствоведении, то с миксами и микстами пока не все ясно. Микстовый феномен к тому же не получил и однозначного определения, хотя широко используется в арт-практиках и научной литературе. Остановимся на этих вопросах более подробно.

В словарном значении микс означает смесь (англ. *mix*), процесс смешения – микширование. Слово «микс» используется прежде всего в музыке: 1) как качество звука, основанное на смеси разных звуковоспроизводящих систем, 2) как последовательность плавно сменяющих друг друга звуковых дорожек (треков), которые в процессе перехода совпадают по темпу, размерности, длительности, сливаясь тем самым в единое звуковое целое, 3) как совмещение (т. е. смешение или параллельное сведение) нескольких звуковых дорожек (нескольких инструментов, нескольких инструментов и вокала, нескольких голосов), направленное на образование целостного звучания. Миксы составляются диджеями либо непосредственно во время проведения дискотек, в клубах (отсюда название «клубные миксы» – термин Е. Виноградова), либо в студиях («студийные миксы» – термин Е. Виноградова), с использованием специальной студийной аппаратуры и компьютеров. Если клубные миксы определяются вкусовыми пристрастиями диджея, могут меняться и интерпретироваться, будучи предназначенными только для посетителей дискотек или вечеринок, то студийные миксы – для месячных или годовых обзоров, отличаясь широкой жанровой амплитудой популярной музыки. Студийные миксы ориентированы на дальнейшее тиражирование и продажу на цифровых или аналоговых носителях [4], т. е. микс – это термин, который используется только в связи с музыкальным произведением или музыкальным звуком.

Слово «микст» (англ. *mixed*, букв. смешанный) также употребляется по отношению к музыке в связи со смешением регистров человеческого голоса (регистр певческого голоса, переходный

между грудным и головным регистрами) или тембрами инструментов [12]. В постмодернистском лексиконе значение слова «микст» гораздо шире, оно указывает на смешение разного в произвольной последовательности, на коллажное мышление. По отношению к искусству предлагается ввести уточняющее понятие «арт-микст» (арт-микст-композиция, арт-микст-проект) и употреблять его в связи со скрещением в единое целое как многообразных жанров и форм искусства, элементы которых функционируют на основании паритета, так и искусства с техникой¹. Отличительными чертами арт-микста являются: состояние паратаксиса и де-иерархизации, охватывающее основные элементы композиции; интенция к мультимедийной инсталляции и бриколлажному методу, позволяющему косвенно передать смысловую нагрузку и создать акцент на скрытом, на подтексте, а также децентрация, выступающая концепцией микстовой целостности. Арт-микст имеет различные формы, объединяя различные виды искусств на основе синтеза в неделимое единство: музыку, слово, действие, видеоряд, энвайронмент (например, «Патологические танцы» и «Свинцовые облака» В. Кузнецова), слова, драмы, кино, изобразительного ряда и звука («Архитектон» и «Пространственная композиция «Le Musée Musical» В. Воронова) и др.

В целом, постмодернистская арт-микстовая композиция предстает, как полигон для свободного творчества, где смешиваются разные стили (классика и современность), традиции (академическая и субкультурная), художественные практики (западные и восточные) а также технологии (например, электронные звуки, создаваемые цифровой техникой, и натуральные звуки, извлекаемые на аутентичных музыкальных инструментах). Структура арт-микстового феномена как актуальной формы искусства постмодерна имеет нежесткую и широкую терминологическую экспликацию. В ее основе лежит органичный синтез творческого и технического компонентов, где техника выступает не только средством воплощения художественного замысла, но и условием его осуществления и существования. Бикомпонентная основа арт-микста предполагает поливалентное взаимодействие разных видов искусств (музыки, телесной пластики, слова, драматургии и т. д.), детерминирующих пласты восприятия – звуковой, визуальный (свет, цвет, кино, и природные элементы, например, животные) и эстетический, с техническими средствами, поскольку весь процесс реализации замысла регулируется режиссером (театральным, звуко-, видео-, кино-светорежиссером), программистом, кино- и телеоператором, т. е. людьми, не имеющими творческих профессий.

В пространстве техногенного искусства, связанного с особой ролью техники в формировании эстетического уровня композиции, отдельное место принадлежит явлению «проекта», вбирающего в себя как материальный аспект художественного произведения, так и его организационно-творческую реализацию. Смысловое поле «проекта» включает в себя моменты ставшего и становящегося, соединяя в единое целое процессуальное и оформленное начала. Как репрезентант постмодерного искусства «проект» демонстрирует своеобразную музыкально-художественную целостность, в структуру которой входит процесс ее создания, завершенная материальная конструкция и процесс реализации, т. е. арт-микст-проект аккумулирует все стадии творческого акта – от замысла до его воплощения. Отметим его важнейшие черты:

нерегламентированное время, отсюда временные границы «проекта» могут быть неопределенно-вариативными;

нелимитированный исполнительский состав и, соответственно, вариативное воплощение замысла, обуславливающее множественность форм реализации;

процессуальная реализация проекта, где компьютерная система управления элементами позволяет точно попасть в любую долю фиксированной (в частности, музыкальной) составляющей;

процесс созидания включает интерактивный компонент, который обретает статус акта творчества.

Таким образом, определяющей чертой «проекта» выступают схематичность, абрисность, на основе которых формируется модель будущего произведения. Из сказанного вытекают коренные отличия «проекта» от «произведения» (которое, как известно, являет собою завершенную целостность): во-первых, в атрибуцию «проекта» входят «незавершенная» компонента – неогра-

¹ В отличие от мультимедиа, не имеющих обязательной направленности на искусство.

ниченное время; во-вторых, исполнительская вариантность, где множественность выступает детерминантой структурной незамкнутости; в-третьих, трактовка самого процесса реализации «проекта» как акта творчества. В силу введения в структуру феномена неоднозначной парадигмы и перманентной изменчивости всех его параметров (включая допущение множественности форм исполнительских решений, мобильности временных рамок творческого задания и семантической вариантности) использование термина «проект» представляется целесообразным. Этим определяется повсеместное употребление термина, вплоть до жанрового качества (критерия) Новейшей музыки и сценариев воплощения театрально-художественного замысла.

В рамках арт-микстовых реалий наблюдается множество художественных «проектов» как с доминированием какого-либо вида искусства, так и при его нейтрализации. Ныне можно говорить также и о новых формах их бытования – в виде телеверсий (например, музыкально-хореографических постановок), арт-видео-дисков, компьютерных файлов с элементами интерактивности (через SMS-сообщения или интернет), а также шоу-проектов, активно включающих изо-, видео-, свето-, цвето- и аудиоэлементы, а также хореографическую и театральную составляющую. Учитывая реальные модификации, произошедшие в постмодерном искусстве, и прежде всего в области средств художественной выразительности, жанров (жанровая мобильность), форм существования (перманентная модификация структуры, в т. ч. и временная, включающая эффект симуляции), языковой трансформации материала, вплоть до незакрепленности текста, способов бытования (аудио-видео-интернет формы, жизненная реальность – театр, площадь, улица, гоом-пространство), а также видовой ипостаси, где сочленение в некое неделимое единство элементов разных видов искусств вплоть до синтеза и амальгамы приводит к новому качеству целостности, необходимо из всей совокупности постмодернистских арт-микстов выделить «видовой» арт-микст, содержащий индикацию на какой-либо вид искусства – музыку, танец, драму, живопись, слово и т. д. Отсюда жанровое определение арт-микста дается, исходя из ведущей роли «видового» индикатора. Например, в музыкальном хэппенинге индикатором на «вид» выступает музыка, в театральном перформансе – драма, действие, в акции – интерактивное биеннале и т. д. В целом, каждую форму арт-микста следует рассматривать, во-первых, как единый текст – гипертекст, палимпсест, интертекст и т. п., направленный на реципиента, во-вторых – как целостность, априори включающую в свою структуру музыку, танец, слово, действие, звуковые, сценографические, свето-, кино-, теле- и аудиоцифровые и интерактивные программы.

По типу реализации и доминированию конкретного вида искусства арт-миксты как художественные проекты, основанные на синтезе, делятся на концертные (например, эстрадное шоу), сценические (например, модельное дефиле, условный театр) и техногенные (аудиовизуальные) формы. Так, ледовые шоу-программы И. Авербуха демонстрируют активное внедрение технико-технологического в художественно-творческую сферу. Искусство представлено эстрадным танцем, театральным мимансом, или элементарной актерской игрой, определенной сценической драматургией (завязка, показ, развитие, кульминация), музыкой (классической, эстрадной), а также такими сценографическими атрибутами, как костюм, оформление танцпола и т. п. Технологическое же обеспечивает видео- и аудиоряд, без которых представление невозможно. Тем самым искусство и цифровая техника вступают в актуальную связь, выступающую базой арт-микстовой целостности. Союз техники и искусства неизбежно сопровождается вуалированием и размыванием границ видов искусства. Например, микшированием жанровых контуров, процессуально-временной вариативностью и метафоричностью стиля отличаются постановки «Чехов. Комедия. Чайка» (Белорусский государственный молодежный театр), «Интервью с ведьмами» (Государственный кукольный театр), «Женитьба» (Могилевский областной драматический театр), «На дне» (Брестский театр драмы).

Визуальная составляющая в арт-микст-проектах позиционирует себя пространственными проекционными экранами, соединенными с видеокамерами и лазерными установками, ритмически организованной сменой цвета и картинок экрана. Их сочетание с музыкой разных стилей и направлений (классической, эстрадной) позволяет осуществлять не только равноправный синтез музыки и красочного изо/светового материала, но и достигать образного единства и художественной целостности разнофакторных элементов. Однако при художественной интерпретации

классики нередко возникает «конгломерат» визуальных фантазий, слова и действия. Весомая доля здесь принадлежит современным аудио- и визуальным технологиям (например, в спектаклях «Опиум» по Королеву, «Мастер и Маргарита» по Булгакову, «Васса Железнова» по Горькому, «Варшавская мелодия» по Зорину).

Аудиальная составляющая в арт-микст-проектах включает в себя звукоизвлечение, звукоусиление, звукооформление, звукозапись и звуковоспроизведение. Их основу составляет как автономия традиционных и новых средств выразительности (например, сложные синтезаторные пассажи, арпеджио, глассандо, эмбиенты, порожденные возможностями музыкальной электроники и компьютерной обработки звуков), так и их синтез. Новации в области звукоизвлечения связаны с созданием электроакустических (электрогитара, электроорган, электроскрипка) и электронных (синтезаторы, специализированные клавиатуры и т. п.) инструментов, в которых звук извлекается не только механическим нажатием клавиш и струн, но и с помощью лазерного сигнала. Отсюда новое качество звука, получившего название Новый звук [26].

Согласно разработкам В. А. Моряхина, в системе звукоусиления был реализован принцип когерентного сложения звуковых волн, что позволило создавать эффект расширенного звукового пространства [15]. Все это обогатило диапазон средств художественной выразительности и сыграло немаловажную роль в создании феномена интерактивности. Интерактивность сделала возможным аудиовизуальное транслирование на большие экраны (размещенные в разных местах, в том числе и за пределами места действия) как события, происходящего на сцене, в реальной жизни, так и непосредственную реакцию зрителей, притом в различных ракурсах и планах, в том числе с эффектом simultaneity [15].

Особенностью арт-микстов является включение в систему выразительных средств картинка теле- или киноэкрана, которая формируется видеорежиссером. Это явление может быть объяснено следующим образом: в театрах и концертных залах, рассчитанных на большую аудиторию, может отсутствовать прямой визуальный контакт, так как с верхних ярусов, райка, или с галерки невозможно рассмотреть лица исполнителей, и зритель обращает свой взор на большой видеопроектор или телеэкран и тем самым устанавливает с техническим средством непосредственный контакт. Следовательно, в арт-микстах экран становится и специфическим средством художественной выразительности, и своеобразным эрзац-исполнителем – актером, певцом, танцором и т. д. (например, в концертах, проходящих в садах Шонненбурга Вены, в концертных парках Берлина). Роль видеорежиссеров в таких случаях не сводится только к управлению компьютерной техникой, поскольку направлена на слушательскую аудиторию, учитывает ее интерес, но и предполагает одновременное взаимодействие с режиссером-постановщиком.

В арт-микстах с необходимостью возросла и роль светорежиссера, который создает конкретный световой сценарий, ориентируясь на художественный материал, жанр и реальные возможности осуществления эстетической идеи проекта, т. е. арт-микст-композиция имеет непосредственное отношение к техногенному искусству, в сфере которого большую роль играет знание технологических возможностей используемой техники и умелое применение этого знания при реализации художественного замысла. Под влиянием машинной техники характер художественно-творческой деятельности в сфере техногенных искусств существенно модифицировался, и, как отмечает А. Гук, творческий процесс переродился в своеобразное художественное производство [7].

Сказанное позволяет утверждать, что по масштабам репрезентации и силе вхождения в социум арт-микст выступает новым социально-культурным явлением, возникшим под воздействием урбанизирующейся современности и глобальных арт-процессов (в т.ч. и поп-культуры, направленной на развлечение), научно-технического прогресса (привлечение цифровых технологий) и потребительской психологии, ориентированной на готовый продукт, а не на созидание нового, оригинального.

Таким образом, отличительной чертой постмодерных арт-микстов является мультимедийный подход к реализации замысла и формам его трансляции. Требуя от организаторов как квалифицированных специалистов, участвующих в подготовке и осуществлении проекта, профессиональных знаний в области не только техники, но и искусства, арт-микст апеллирует к конгломерации технических и творческих профессий, которые группируются вокруг общей художественной

идеи. Отсюда центральной задачей в репертуарной стратегии и в решении всех многообразных вопросов при подготовке и осуществлении арт-микстов является подбор квалифицированных кадров. Художественные результаты новых творческих реалий в Беларуси демонстрируют фестивали «Белая Вежа», «М.@rt.контакт», «Belarus open».

Актуальной ветвью арт-микста в Беларуси выступает оригинальный музыкально-хореографический проект (МХП), который сформировался на базе музыкально-хореографического творчества. В его структуру входят танец-модерн, авангардная хореография, пантомима, эстрадный танец. Вкупе они образуют новую музыкально-театрально-хореографическую целостность, объединяющую драматическое действие, музыку, сценографию, хореографию и средства пластической выразительности (включают в себя жест, мимику, позу, движение). МХП апеллируют преимущественно к индивидуальным возможностям актера (или артиста) выражать мысли и эмоции посредством пластической техники. В свою очередь артист опирается на традиции, школы, личный опыт и канонические формы, сложившиеся в европейском музыкально-хореографическом искусстве. Главной тенденцией поиска является установление взаимосвязи между физиологическими и смысловыми чертами телесного движения, которые являются основополагающими средствами пластической выразительности актера, и эквивалентными ему параметрами целостности. Так, если характеристика смыслового аспекта телесных движений включает абстрактность, условность значения и неоднозначность, то они же являются и кореллятами внетелесных средств выразительности. Отсюда экспериментальный характер творчества, крен в сторону визуальной зрелищности, возросшая роль в реализации сценической идеи хореографа и режиссера, а также плюралистичность аудиопараметра (нередко музыка не «ставится» и не танцуется, а подбирается по ритму).

Традиционный «живой» творческий процесс выступления может совмещаться и с одновременным проигрыванием специально написанной фонограммы. Композиционной основой в таком случае служит фонограмма, а музыканты играют свои партии с элементами импровизации (например, на гастролях «Театра балета Якобсона» и «Балетного театра Бориса Эйфмана» из Санкт-Петербурга в Минске на сцене НАБТОБ РБ). В целом, МХП отмечен широкими связями с пластическим театром, где можно выделить три сферы творческих исканий: 1) пантомима – характеризуется ориентацией на сюжет, действенную пластику и отточенные по смыслу и физическому воплощению жест и позу (пластический театр и театр пантомимы); 2) хореография – характеризуется ориентацией на условный сюжет, условно-обобщенное воплощение эмоций и характеров, а также на ассоциативное, символичное танцевальное движение (коллективы современной хореографии); 3) хореопластика, основу которой составляет синтез изобразительной и неизобразительной пантомимной пластических техник и равноправное положение всех средств актерской пластической выразительности (уличный пластический театр, пластическая клоунада, пластический фрик-шоу театр, пластический реконструкторский театр, театр экспериментальной пластики, объектный театр, театр танца и т. п.).

Общей семантогенной идеей МХП Беларуси эпохи постмодернизма является вариативность сценических форм и множественность интерпретаций сценической идеи, обеспечиваемых обычно современными технологиями в виде вариативного видеоряда, вариантностью – вплоть до замены – музыкального материала, облачением в разные костюмы, а также внедрением интерактива. НТР в начале XX века привела к внедрению в музыкально-хореографические проекты таких технологий, как электронный монтаж, компьютерные спецэффекты, а также видеозапись так называемой «телеверсии» (спектаклей), создаваемой как во время представления, так и на основе заранее снятых отдельных эпизодов, вплоть до репетиций, с их последующей трансляцией и тиражированием на DVD-дисках и прочих электронных носителях. Раздвижение жанровых границ и расширение онтологии МХП до трех оснований – художественный материал, репрезентация с интерактивным элементом, техническая обработка – можно рассматривать как условие и способ его актуализации и расширения социального и художественного пространства.

Между тем жанровая система МХП многообразна, она характеризуется, как правило, отсутствием четких границ, размытостью, симбиозом исторически сложившихся жанров, которые в процессе своей эволюции трансформировались в своеобразные шоу-программы. Выдвижение на первый план хореографического прочтения музыки при ведущей роли музыкальной драматургии

в большом сюжетном балете и танцевальной драматургии – в хореографических номерах и миниатюрах (так называемый «балет на музыку», как правило, небалетную) определило формирование новой музыкально-хореографической традиции – экспериментальный балет в его разнообразных репрезентациях, который выступил альтернативой народно-сценическому танцевальному искусству и академической хореографии. К ним относятся такие неординарные сценические решения, как контактная импровизация, номер, иллюстрация, зарисовка, этюд, которые претендуют на статус новой жанровой формы. Именно здесь сформировалось современное пластическое искусство, которое отличается интенсивным поиском новых танцевальных форм и идей, новизной хореографического стиля с интенцией к синтезу искусств и трансавангарному радикализму. В видовом отношении формируются и новые экспериментальные формы музыкально-хореографического действия: уличный и карнавальный пластичный театр («Мусташ», «Т(е)=Арт», «Элементаль»), пластичный реконструкторский театр («Дыгрыз», «Полацкі звяз»), театр пластической клоунады («Артель комедиантов»).

За период формирования новой белорусской государственности появился целый ряд профессиональных и любительских коллективов, в которых главной тенденцией становится стремление к визуальности, театрализации и внешней выразительности в контексте общего поворота в сторону пластического танца и модерн-балета «на музыку». Это проявляется не только в использовании технических средств выразительности (видеопроекты, сценические эффекты, машинерия), но и в увеличении внимания к исходному материалу сценического действия – физической экспрессии и телесной практике исполнителя. Музыкальная составляющая присутствует как контекст, не более. Реализация идей МХП в Беларуси представляется своеобразным откликом на преобразования, происходящие в музыкально-хореографическом искусстве на Западе и в Японии.

Синтез разнообразных арт-практик в пластическом и содержательном аспектах придает индивидуальные черты деятельности театра «ИнЖест», «Арт7», «ТАД», духом эксперимента без конкретной жанрово-стилевой привязанности отличаются танцтеатры «Галерея», «Дэкт», а также отдельные постановки Театра Янки Купалы («Гата»), Молодежного театра, Брестского театра драмы, Государственного театра кукол в Минске. Между тем постановки экспериментальной направленности требуют не большой академической сцены, а малой, камерной, рассчитанной на небольшую аудиторию почитателей рафинированного творчества (например, «Участковые» ставились в обычной квартире, что соответствует эстетике гоом-пространства, «Опиум» – в зале Дворца искусств). Вопрос Малой сцены приобретает особую актуальность еще и в связи с растущей потребностью современного интеллектуала постичь проблемы как традиционного, так и неординарного искусства, реализующегося в рамках малых форм: камерных и малых опер, одноактного балета, контактной импровизации, номера, иллюстрации, зарисовки, этюда, которые претендуют на статус новой жанровой формы.

Заключение. В целом, арт-микст представляет сложное многогранное и многофакторное явление, многокомпонентное по своим выразительным средствам, многомерное по способам передачи информации и многоохватное по степени воздействия и восприятия. Сформировавшийся и эволюционирующий на наших глазах, он органично влился в общий процесс символизации и виртуализации мира, оказывая существенное влияние на духовный мир глобального постиндустриального общества. Думается, что арт-микст обладает значительным художественным потенциалом и его можно рассматривать как один из сценариев развития художественной культуры современности.

Список использованных источников

1. Адорно, Т. *Философия новой музыки* / Т. Адорно. – М.: ЛогоΣ XXI век, 2001. – 352 с.
2. Белоненко, А. С. *Прошлое и будущее классической музыки европейской традиции. Заметки по поводу монографии The Oxford history of Western music. Ч. 2* / А. С. Белоненко // Вестн. Санкт-Петерб. ун-та. Сер. 15. Вып. 4. – С. 109–131.
3. Беньямин, В. *Произведения искусства в эпоху их технической воспроизводимости* / В. Беньямин. – М.: Медиум, 1996 [Электронный ресурс]. – 2016. – Режим доступа: http://www.philol.msu.ru/~forlit/Pages/Biblioteka_Benjamin.htm.
4. Виноградов, Е. *Звукозапись. Про то, как улучшить звучание микса* / Е. Виноградов [Электронный ресурс]. – 2016. – Режим доступа: <http://guitar.ru/articles/sound-rec/pro-mix.html>.

5. Высоцкая, М. Музыка XX века. От авангарда к постмодернизму / М. Высоцкая, Г. Григорьева. – М.: Моск. консерватория, 2014. – 440 с.
6. Гниренко, Ю. Перформанс как явление современного отечественного искусства / Ю. Гниренко // Искусство России [Электронный ресурс]. – 2011. – Режим доступа: http://www.gif.ru/texts/txt-gnirenko-diplom/city_266/fah_348/.
7. Гук, А. А. Техника и искусство: экспликация взаимодействия в контексте развития художественно-творческой деятельности / А. А. Гук [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Научная библиотека КиберЛенинка: <http://cyberleninka.ru/article/n/tehnika-i-iskusstvo-eksplikatsiya-vzaimodeystviya-v-kontekste-razvitiya-hudozhestvenno-tvorcheskoy-deyatelnosti#ixzz48NFOAPRх>.
8. Кадцын, Л. М. Массовое музыкальное искусство XX столетия (эстрада, джаз, барды и рок в их взаимосвязи) / Л. М. Кадцын. – Екатеринбург, 2005. – 384 с.
9. Катунян, М. И. Между концертом и мультимедиа: новая исполнительская ситуация / М. И. Катунян // Муз. академия. – 2004. – № 2. – С. 84.
10. Куликова, И. С. Философия и искусство модернизма / И. С. Куликова – М.: Изд. полит. лит., 1980. – 272 с.
11. Лазаревич, А. А. Глобальное коммуникационное общество / А. А. Лазаревич. – Минск: Белорус. наука, 2008. – 350 с.
12. Микст [Электронный ресурс]. – 2016. – Режим доступа: <http://gallicismes.academic.ru/24659/микст>.
13. Максименко, М. А. Актуальность арт-практик в современном социокультурном пространстве / М. А. Максименко [Электронный ресурс]. – 2016. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/aktualnost-art-praktik-v-sovremenном-sotsiokulturnom-prostranstve>.
14. Можейко, М. А. Классика – Неклассика – Постнеклассика / М. А. Можейко // История философии: энцикл. – Минск: Книжный дом, 2002. – С. 459–463.
15. Моряхин, В. А. Синтезированный музыкально-художественный проект как явление культуры рубежа XX–XXI веков / В. А. Моряхин [Электронный ресурс]. – 2016. – Режим доступа: http://discollection.ru/article/06012009_morjahin_vladimir_anatol_evich_86496/4.
16. Нечай, О. Ф. Ракурс: О телевизионной коммуникации и эстетике / О. Ф. Нечай. – М.: Искусство, 1990. – 119 с.
17. Петров, В. О. Инструментальный театр: типология жанра / В. О. Петров // Муз. академия. – 2010. – № 3. – С. 161–166.
18. Поспелов, П. Г. Минимализм и репетитивная техника / П. Г. Поспелов // Муз. академия. – 1992. – № 4. – С. 74–82.
19. Снеговая, О. А. Глобализация как социокультурный процесс / О. А. Снеговая. – Ростов н/Д: ЮФУ, 2007. – 18 с.
20. Соколов, А. С. Музыкальная композиция XX века: диалектика творчества / А. С. Соколов. – М.: Музыка, 1992. – 230 с.
21. Сороко, Э. М. Краткий энциклопедический словарь философских терминов / Э. М. Сороко, П. В. Кикель; 2-е изд. – Минск: БГПУ им. М. Танка, 2008. – 266 с.
22. Цмыг, Г. П. Европейский хоровой концерт XVI–XX вв. / Г. П. Цмыг. – Staarbruecken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. – 308 с.
23. Холопова, В. Н. Музыка как вид искусства / В. Н. Холопова. – СПб.: Лань; М.: Планета музыки, 1990. – 320 с.
24. Холопов, Ю. Н. Изменяющееся и неизменное в эволюции музыкального мышления / Ю. Н. Холопов // Проблемы традиций и новаторства в музыке. – М.: Музыка, 1982. – С. 52–103.
25. Штокхаузен, К. Мультиформальная музыка / К. Штокхаузен; пер. С. Савенко // XX век. Зарубежная музыка. – М.: Музыка, 1995. – Вып. 1. – С. 46.
26. Штокхаузен, К. Электронная и инструментальная музыка / К. Штокхаузен; пер. С. Савенко // XX век. Зарубежная музыка. – М.: Музыка, 1995. – С. 39.
27. Hazrat, I. Kahn. Aus einem Rosengarten Indiens / I. Kahn Hazrat. – Munchen, 1954. – 225 s.
28. Daugulis, Ēvalds. Sekvense džezā // Mūzikas zinātne šodien: pastāvīgais un mainīgais. VII / Ēvalds Daugulis – Daugavpils Universitātes: Akadēmiskais apgāds ‘Saule’, 2015. – P. 189–200.
29. Loos, Helmut. «...dass in unserm Breslau wahrlich nicht die Armutan ernststrebenden Musikmenschen herrscht» / Helmut Loos // Musikgeschichte in Mittel- und Osteuropa. Heft 16 / Mittellungen der internationalen Arbeitsgemeinschaft an der Universitat Leipzig – Lpz.: Gudrun Schröder Verlag, 2015. – S. 121–132.
30. Stoianova, Ivanka. Karlheinz Stockhausen. Je suis les sons... / Ivanka Stoianova / – Éditions Beauchesne, 2014. – 355 p.

References

1. Adorno, T. (2001) *Filosofiya novoi muzyki* [Philosophy of New Music], LogoΣ XXI vek, Moscow, RU
2. Belonenko, A. S. (2015) “Past and future of the European classical music tradition. Notes on the monograph The Oxford history of Western music. Part 2” *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*, Seria 15, no. 4, pp. 109-131.
3. Ben'yamin, V. (1996) “A work of art in the Age of Mechanical Reproduction”, Medium, Moscow, RU Available at: http://www.philol.msu.ru/~forlit/Pages/Biblioteka_Benjamin.htm (Accessed 28 April 2016).
4. Vinogradov, E. “Sound Recorder. About how to improve the sound of your mix”, Available at: <http://guitar.ru/articles/sound-rec/pro-mix.html> (Accessed 28 April 2016).
5. Vysotskaya, M. and Grigor'eva, G. (2014) *Musyka XX veka. Ot avangarda k postmodernizmu* [Music of the twentieth century. From avant-garde to postmodernism], Moskovskaja konservatorija, Moscow, RU
6. Gnirenko, Y. (2011) “Performance as a phenomenon of modern Russian art” Available at: http://www.gif.ru/texts/txt-gnirenko-diplom/city_266/fah_348/ (Accessed 02 April 2011).

7. Guk, A. A. "Technology and art: the explication of interaction in the context of the development of artistic and creative activities" Available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/tehnika-i-iskusstvo-eksplikatsiya-vzaimodeystviya-v-kontekste-razvitiya-hudozhestvenno-tvorcheskoy-deyatelnosti#ixzz48NFOAPRх>. (Accessed 20 April 2016).
8. Kadtsyn, L. M. (2005) *Massovoe muzykal'noe iskusstvo XX stoletiya (estrada, dzhazz, bardy i rok v ikh vzaimosvyazi)* [The mass musical art of the twentieth century (pop music, jazz, rock and bards in their relationship)] Ekaterinburg, RU
9. Katunyan, M. I. (2004) "Between concert and multimedia: new performing situation" *Muz. Akademiya*, no. 2, p. 84.
10. Kulikova, I. S. (1980) *Filosofiya i iskusstvo modernisma* [Philosophy and art of modernism], Izd. politicheskoi literatury, Moscow, RU
11. Lazarevich, A. A. (2008) *Global'noe kommunikatsionnoe obshchestvo* [Global communication society], Belorusskaja nauka, Minsk, BY
12. "Mixed" Available at: <http://gallicismes.academic.ru/24659/микст> (Accessed 01 April 2016).
13. Maximenko, M. A. "The relevance of the art practices in the contemporary socio-cultural space" Available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/aktualnost-art-praktik-v-sovremennom-sotsiokulturnom-prostranstve> (Accessed 01 April 2016).
14. Mozheiko, M. A. (2002) "Classic - Neklassika – Postneklassika" *Istoriya filosofii: entsikl*, Knizny Dom, Minsk, BY, pp. 459-463.
15. Moryakhin, V. A. "Synthesized musical and artistic project as a phenomenon of culture abroad XX-XXI centuries" Available at: http://discollection.ru/article/06012009_morjahin_vladimir_anatol_evich_86496/4 (Accessed 10 April 2016).
16. Nechai, O. F. (1990) *Rakusy: O televisionnoi kommunikatsii i estetike* [Angles: On television communications and aesthetics], Iskusstvo, Moscow, RU
17. Petrov, V. O. (2010) "Instrumental Theatre: typology of the genre" *Muz. akademiya*, no. 3, pp. 161-166.
18. Pospelov, P. G. (1992) "Minimalism and repetitivnaya machinery" *Muz. Akademiya*, no. 4, pp. 74-82.
19. Snegovaya, O. A. (2007) *Globalizatsiya kak sotsiokul'turnyi process* [Globalization as a socio-cultural process], UFU, Rostov n/D, RU
20. Sokolov, A. S. (1992) *Muzykal'naya kompozitsiya XX veka: dialektika tvorchestva* [The musical composition of the twentieth century: the dialectic of creativity], Muzyka, Moscow, RU
21. Soroko, E. M. and Kikel', P. V. (2008) *Kratkii entsikloped. slovar' filosofskikh terminov* [Concise Encyclopedic Dictionary of philosophical terms], 2-e izd., BGPU im M. Tanka, Minsk, BY
22. Tsmys, G. P. (2011) *Evropeiskii khorovoi kontsert XVI-XX vv.* [European choral concert XVI-XX centuries.], LAP LAMBERT Academic Publishing, Staarbruecken, DE
23. Kholopova, V. N. (1990) *Muzyka kak vid iskusstva* [Music as an art form], "Lan", SPb., "Planeta muzyki", Moscow, RU
24. Kholopov, Y. N. (1982) "The changing and unchanging in the evolution of musical thinking" *Problemy traditsii i novatorstva v muzyke*, Muzyka, Moscow, RU, pp. 52-103.
25. Shtokkhauzen, K. (1995) "Multi-format music" XX vek. *Zarubezhnaya muzyka*, Muzyka, Moscow, RU, no. 1, p. 46.
26. Shtokkhauzen, K. (1995) "Electronic and instrumental music" XX vek. *Zarubeznaya muzyka*, Muzyka, Moscow, RU, no. 1, p. 39.
27. Hazrat, I. Kahn. (1954) *Aus einem Rosengarten Indiens* [From a Rose Garden India], Munich, DE
28. Daugulis, Ēvalds. (2015) "Some like sequence" *Mūzikas zinātne šodien: pastāvīgai sunmainīgais. VII*, Daugulis – Daugavpils Universitātes: Akadēmiskaispēģāds 'Saule', LV, 1 pp. 189-200.
29. Loos, Helmut. (2015) "That in our Wrocław certainly not poverty to seriously aspiring music people prevails" *Musikgeschichte in Mittel- und Osteuropa. Heft 16*. Mittellungen der internationalen Arbeitsgemeinschaft an der Universität Leipzig, Gudrun Schröder Verlag, Lpz., DE, pp. 121-132.
30. Stoyanova, Ivanka. (2014) *Karlheinz Stockhausen. Je suis les sons...*, Editions Beauchesne, BG ISBN 978-2-7010-2027-3.

Информация об авторе

Мдивани Татьяна Герасимовна – д-р искусствоведения, проф., ведущий сотрудник. ГНУ «Центр исследования белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси» (ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail : 333mt777@gmail.com.

Information about the author

Mdivani Tatsiana Gerasimovna – D. Sc. (Art Crit.), Professor, Leading researcher. Centre for Belarusian Culture, Language and Literature Research of the National Academy of Sciences of Belarus (Surganov Str., 1, b. 2, 220072, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: 333mt777@gmail.com

Для цитирования

Мдивани, Т. Г. Арт-микст как новая реальность искусства эпохи постмодернизма рубежа XX – начала XXI века / Т. Г. Мдивани // Вєс. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2016. – № 4. – С. 76–84.

For citation

Mdivani T. G. Art-mix as the new reality of art post-modern in the era of the twentieth and early twenty-first century. Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus, humanitarian series, 2016, no. 4, pp. 76-84.

ЛИТЕРАТУРАЗНАЎСТВА
LITERATURE STUDIES

УДК 82.0 «19»:7.01

Поступила в редакцию 29.06.2016
Received 29.06.2016

Т. В. Данилович

*Белорусский государственный педагогический университет им. Максима Танка,
Минск, Республика Беларусь*

**ТЕОРИЯ ЧИСТОГО ИСКУССТВА
В ВОСПРИЯТИИ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ КОНЦА 1980-х гг.**

Анализируются ответы советских писателей на вопрос анкеты альманаха «Поэзия» (1989, вып. 5) об актуальности теории чистого искусства в конце XX в. Последняя активно отстаивалась представителями артистической школы критики середины XIX в. (П. Анненковым, В. Боткиным, А. Дружининым и др.), а в советской литературоведческой науке на протяжении многих лет интерпретировалась как чужеродная художественным принципам и идеалам многонациональной литературы СССР.

Специфика рецепции «искусства для искусства» участниками анкетирования (Е. Евтушенко, Д. Самойловым, А. Кушнером, А. Казинцевым, В. Леоновичем, В. Коробовым, Л. Васильевой и др.) рассматривается в статье в сопоставлении с восприятием этой теории в русской эстетической критике середины XIX в. и советском литературоведении. Выявляется многообразие точек зрения в писательской среде рубежа 1980–1990-х гг. на сущность теории чистого искусства и степень ее актуальности для литературного творчества и общественной жизни. Отмечается наличие среди анкетированных писателей как противников, так и сторонников «искусства для искусства». Раскрываются черты преемственности и новые смысловые обертоны в осмыслении феномена чистого искусства участниками опроса.

Ключевые слова: чистое искусство, эстетический утилитаризм, художник и общество, постановка гражданских и нравственных проблем в литературе, творческая свобода.

T. V. Danilovich

Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank, Minsk, Republic of Belarus

THEORY OF PURE ART IN THE PERCEPTION OF SOVIET WRITERS END OF 1980

Responses of Soviet writers (Yevgeny Yevtushenko, David Samoilov, Alexander Kushner, Alexander Kazintsev, Vladimir Leonovich, Vladimir Korobov, Larisa Vasileva and others) to the question of the anthology “Poetry” (1989, vol. 5) about the relevance of the Pure Art theory in the end of the twentieth century have been analyzed in the article. Interpretation of the “art for art” by survey participants have been considered in relation to the perception of this theory in the Russian aesthetic criticism mid-nineteenth century and Soviet literary criticism. The diversity of points of view among the writers at the turn of the 1980s – 1990s on the essence of the Pure Art theory and its significance have been revealed.

Keywords: pure art, aesthetic utilitarianism, the artist and society, production of civil and moral issues in literature, creative freedom.

Суждения о теории чистого искусства часто становятся важной составляющей размышлений о специфике художественного творчества, тенденциях и перспективах развития литературы в целом. И это не случайно в силу обращенности «искусства для искусства» к пониманию самой сути творчества и роли художника в обществе. Очевидно поэтому в анкете «Художник и общество», предложенной советским писателям альманахом «Поэзия» (1989, вып. 54), в числе вопросов о литературе оказывается следующий: «Если взглянуть сегодня с высоты горьких уроков XX века на связь «общество – художник», не покажутся ли нам пророческими или, во всяком случае, **спасительными** призывы к «чистому искусству», к «искусству для искусства»?» [1, с. 25]. В ответах большинства участников опроса раскрывается их представление о сущности теории чистого

искусства. Особенности ее интерпретации анкетированными писателями можно отчетливее ощутить, сопоставляя их суждения, например, с пониманием «искусства для искусства» в русской эстетической критике середины XIX в., советской литературоведческой науке.

В дискурсе представителей «артистической» школы критики область «искусства для искусства» оказывается гораздо шире традиционного содержания этого понятия. В их видении чистое искусство не накладывает табу на художественное изображение действительности во всем ее многообразии, оно лишь сторонится «грубого реализма, обязанного служить целям практическим, сегодняшним, насущным» [2, с. 157]. В противовес творчеству «поэтов-дидактиков, служителей элемента преходящего» [3, с. 149] синонимом «искусства для искусства» у В. Боткина становится «свободное творчество», у А. Дружинина – понятие «вечное искусство», т. е. ставшее классикой, прошедшее испытание временем.

Среди основных отличительных признаков осмысления теории чистого искусства в советских словарях и энциклопедиях [4–7] можно обозначить следующие: восприятие в качестве основополагающего принципа «искусства для искусства» установки на ограждение художественного творчества от озвучивания вопросов тех областей человеческой жизни, которые посягают на автономию литературы; рассмотрение политики в качестве главной табуированной для чистого искусства сферы общественного сознания; утверждение мысли о негативном влиянии теории «искусства для искусства» на развитие литературы; акцентирование неактуальности концепции чистого искусства в советском обществе; противопоставление чистому искусству эстетических установок советской литературы.

В сравнении с обозначенными интерпретация «искусства для искусства» писателями-участниками анкетирования отличается отсутствием единства трактовки этой теории и отношения к ней. Среди анкетированных оказываются и те, кто отождествляет чистоту искусства с ограждением творчества от определенных тем, и те, кто понимает ее как отстаивание творческой свободы, отсутствие давления на художника извне. Одни выступают против «искусства для искусства», другие высказываются в его защиту. Численно преобладают первые. В духе советской литературоведческой науки они связывают концепцию чистого искусства с ограждением творчества от общественно-политической проблематики, однако при этом не приводят в качестве альтернативы чистому искусству эстетические установки советской литературы. В ответах некоторых анкетированных подчеркивается, что чистое искусство – недопустимый антигуманный жест, оставляющий без внимания нуждающихся в помощи художника. «Апология чистого искусства от лица тех, кто палец о палец не ударил, чтобы встать на защиту униженных и оскорбленных, в лучшем случае – лень. Но и лень – это вид такого предательства, как равнодушие», – пишет Е. Евтушенко [1, с. 28]. В его понимании ностальгия по чистому искусству «не только нравственно позволительна, но даже и естественна» лишь «из уст неравнодушных, самосжигающих себя сочувствием, муками гражданской совести» [1, с. 28].

По убеждению А. Казинцева, художник «приходит в мир говорить» и «слушать – боль народа, надежду народа» [1, с. 26]. Выбор в качестве творческой установки «искусства для искусства» А. Казинцев считает удобной позицией, создающей писателю в сложные времена своего рода «охранную грамоту»: «...в тридцатые годы кое-кого из бывших «лефов» спасло как раз «чистое искусство» – кому опасен постаревший Алексей Крученых, моливший свою словотворческую чепуху» [1, с. 26]. Претензию писателя к приверженцам чистого искусства можно воспринимать как веяние культурной жизни советского общества конца 1980-х гг., когда появление «возвращенной литературы», обнародование ранее не известных страниц истории вызвали повышенный интерес читателя к гражданскому облику писателя, его поведению в ситуации активного вмешательства власти в литературную жизнь. А. Казинцев говорит о выборе творческой личности в пользу чистого искусства как своего рода конформизме, при этом упуская из виду крамольность в советском обществе на протяжении большей части истории его существования всего того, что рассматривалось властью как проявление чистого искусства (одна из ярких иллюстраций этого – постановление ЦК ВКП(б) «О журналах “Звезда” и “Ленинград”», принятое 14 августа 1946 г.).

Если А. Казинцев рассматривает чистое искусство как способ выживания художника в сложные времена, то Г. Калужный, продолжая традицию советских литературоведов, отмечает разру-

шительные последствия чистого искусства для самих сторонников этой теории: «Именно отрыв интеллигенции от народа накануне революции, уход в чистое искусство стоил ей жизни» [1, с. 31].

Наряду с участниками опроса, которые придерживаются мысли о неправомерности обращения к чистому искусству, не оспаривая вероятность его существования, среди опрошенных оказываются и писатели-противники чистого искусства, убежденные в невозможности реализации этой теории на практике. Отождествляя «искусство для искусства» с отстраненностью художника от внешнего мира, они уверены в органической неспособности искусства быть вне живой жизни.

Как «филологическое недоразумение» характеризует чистое искусство В. Леонович: «Оглядываюсь кругом: ну кто ближе к «чистому искусству»? Белла Ахмадулина? Открываю «Избранное» – стихи последних лет. Да это воплощенная милость! («Милости хочу, а не жертвы» – нужда Иисуса Христа, а не цитата из Б. А.). Олицетворенное участие в судьбе всего живого, человека и всякой твари, благо сострадания, распространенное на все и вся...» [1, с. 43].

В. Леоновичу вторит В. Коробов, который, характеризуя «искусство для искусства» как фальшивое понятие, утверждает: «...“чистое искусство” просто-напросто не существует и не может существовать, потому что творит любое произведение *живой* человек, который что-то всегда любит, а что-то ненавидит. И даже тогда, когда мы смотрим на выставке живописи пейзажи, мы все-таки отличаем их от цветных фотографий тех же мест. Даже орнаменты знающие люди воспринимают куда богаче, чем просто декоративное украшательство, радующее глаз» [1, с. 31].

Суждения анкетированных писателей об иллюзорности идеи чистого искусства оказываются продолжением одной из традиций понимания «искусства для искусства», укоренившейся в русской культуре. В литературной критике XIX в. ее отстаивает В. Г. Белинский: «...мысль о каком-то чистом, отрешенном искусстве, живущем в своей собственной сфере ... есть мысль отвлеченная, мечтательная. Такого искусства никогда и нигде не бывало» [8]. Эта точка зрения имеет место и в советской литературоведческой науке. Так, В. Д. Сквозников, автор словарной статьи об «искусстве для искусства», пишет: «Провозглашение к.-л. худож. факта “чистым иск-вом” оказывается, как правило, сознательной или невольной мистификацией, часто прикрытием консервативной и иной непопулярной в данный момент тенденции...» [7, с. 194].

В отличие от тех советских литературоведов, которые в пику чистому искусству превозносят тенденциозность советского искусства, анкетированные писатели-противники «искусства для искусства» критикуют и ангажированное искусство. Эта двунаправленность критики отчетливо проявляется в суждениях А. Казинцева, который пишет: «Именно в свете горького опыта XX века очевидна абсурдность и безнравственность призывов к “чистому искусству”. Другое дело, что тот же опыт показывает опасность и “нечистого”, вымазанного машинным маслом, “искусства – жизнестроения”. Лефовские и пролеткультовские теоретики, так же как и рапповцы, и конструктивисты, разделяют – я убежден – вину перед поэзией. Разделяют потому, что власти духовной им показалось мало (как художники они и не могли иметь большого духовного влияния на народ). Они возжаждали власти мирской. Сами пали “в борьбе роковой”, но сколько погубили прежде!» [1, с. 26–27].

В числе ответивших на вопросы анкеты в альманахе оказываются и писатели, которые, не принимая теорию чистого искусства, предлагают в качестве альтернативы собственный вариант смыслового наполнения этого понятия. «“Чистота” искусства определяется не его отгороженностью от жизни, а чистотой намерений художника»¹, – утверждает В. Кочетов [1, с. 36]. Сходным образом понятие *чистое искусство* интерпретирует и Д. Самойлов: «Искусство должно быть чистым нравственно. Видимо, это и есть чистое искусство. И оно спасет во все времена»² [1, с. 27]. Если в советском литературоведении чистому искусству чаще противопоставляется граждански

¹ Близкие ассоциации понятие *чистое искусство* вызывает и у П. Валери, который однако иначе понимает суть этой теории: «Термин “чистая поэзия” тем неудобен, что он связывается в уме с понятием нравственной чистоты, о которой нет здесь и речи, поскольку в идее чистой поэзии я вижу, напротив, идею сугубо аналитическую. <...> Вместо чистой поэзии, возможно, было бы правильнее говорить о поэзии абсолютной, которую в этом случае надлежало бы разуметь как некий поиск эффектов, обусловленных отношениями слов или, лучше сказать, отношениями их резонансов, – что, в сущности, предполагает исследование всей сферы чувствительности, управляемой речью» [9].

² Поэт подчеркивает, что разграничивает нравственное содержание произведения и нравственные качества его создателей: «...не надо путать искусство и судьбу его творцов» [1, с. 27].

ориентированная литература, то в данном случае альтернативой оказывается идея искусства как источника нравственных ценностей.

Всплески популярности теории чистого искусства авторы одних словарных статей объясняют социальными причинами¹, других – собственно художественными². Анкетированные писатели всю «вину» за популярность теории «искусства для искусства» возлагают исключительно на эстетический утилитаризм в разных его вариациях: прагматизация искусства либо вследствие приспособленчества художника, либо искреннего гражданского порыва. Так, писатель В. Леонович в призывах к чистому искусству видит «рефлекс от беспомощности или услужливости талантов в нечеловеческие времена» [1, с. 43]. В. Коробов критикует эстетический утилитаризм, продиктованный внутренними убеждениями художника. Отмечая, что общество часто подталкивает художника к решению внехудожественных задач, В. Коробов пишет: «По давней привычке мы одобряем это и приветствуем, хотя давно пора понять и другое: остается от художника его творение, та область, где нет ему равных, где он один такой» [1, с. 31]. Аналогичный ход мысли встречается в работах приверженцев чистого искусства из числа представителей артистической школы русской критики. А. Дружинин пишет: «То, что сегодня было ново, смело и плодотворно, – завтра старо и неприменимо и, что еще грустнее, не нужно обществу! Горе поэту, променявшему вечную цель на цель временную...» [2, с. 150]. В. Коробов критикует теорию чистого искусства, но по сути эта критика лишь той вариации чистого искусства, в основе которой – ограждение тематики искусства от внехудожественных проблем. То, что он утверждает, совпадает с эстетическими взглядами сторонников «искусства для искусства», не отождествляющих идею автономии искусства с тематическими ограничениями. Самовосприятие В. Коробова в качестве противника чистого искусства возникает из-за того, что представления писателя о сути чистого искусства основываются на традиционном понимании этой теории, существовавшем в советском литературоведении. Сходным образом можно охарактеризовать и позицию А. Кушнера. Он не причисляет себя к сторонникам чистого искусства³, понимая его как ограждение литературы от внешнего мира: «Искусство живет всеми человеческими интересами, и политика, например, занимала в сознании Тютчева такое большое место, что в 1848 году друзья опасались за его рассудок, – так горячо и болезненно воспринял он события, связанные с революциями на Западе» [1, с. 40]. При этом А. Кушнер, подобно апологетам чистого искусства, отмечает, что «искусство обращается к своим специфическим средствам, что оно умирает, когда от него требуют «откликов», «воспевания», «разоблачения», «воспитательного значения» и т. д., а оно идет навстречу этим требованиям; искусство вырождается, когда забывает, что оно живет по своим законам, что для него, как сказано у Пушкина, «условий нет» [1, с. 40].

Таким образом, в случае с В. Коробовым и А. Кушнером можно говорить о неосознаваемой самими писателями приверженности идеям чистого искусства. Наряду с этим среди анкетированных оказываются художники слова, осознанно защищающие идеалы чистого искусства. Причем эти писатели по-разному интерпретируют саму идею чистоты искусства. Так, С. Мнацкян понимает «искусство для искусства» в традиционном ключе, как противоположность формулы «необходимость общественного служения» [1, с. 47]. Стремление художника к чистоте искусства, с точки зрения этого участника опроса, не является крамолой, однако обречено на непонимание со стороны социума: «Вспомни: нельзя жить в обществе и быть свободным от него. Во всяком случае, общество этого не прощает. Отсюда такая ненависть обывателя и бюрократа к тому, что

¹ В «Философской энциклопедии» (1962) отмечается: «В истории иск-ва «склонность художников и людей, живо интересующихся художественным творчеством, к искусству для искусства возникает на почве безнадежного разлада их с окружающей их общественной средой» (Плеханов Г. В. Литература и эстетика, т. 1, 1958, с. 144). Поскольку разлад этот воспринимается как непреодолимый, это ведет к отказу иск-ва от всякой активной борьбы за преобразование действительности» [5, с. 332].

² В «Краткой литературной энциклопедии» (1966) читаем: «Часто концепции «И. д. и.» являются реакцией на повышенный «утилитаризм» отд. школ и направлений или на попытки подчинения иск-ва политич. власти или социальной доктрине» [7, с. 193].

³ Причем в восприятии А. Кушнера понятие *чистое искусство* («искусство для искусства») означает художественные явления, локализующиеся в конкретных исторических рамках: «Рассматриваемые вне исторического контекста, вне борьбы революционных демократов, с писателями либерального направления, эти формулировки теряют свой смысл» [1, с. 40].

названо искусством для искусства. А ведь, как справедливо писала М. Цветаева, “стихи от стихов рождаются...”» [1, с. 47].

В отличие от большинства анкетированных Н. Панченко не отождествляет «искусство для искусства» с идеей дистанцированности литературы от социальной действительности. В интерпретации писателя чистое искусство – «это искусство, свободное от конъюнктурности и не изменившее своему назначению служить Истине» [1, с. 32]. В силу широкого понимания чистого искусства к его проявлениям он причисляет «библейские пророчества, диалоги Платона, романы-трагедии Достоевского» [1, с. 32]. Такое видение чистоты литературы сходно с тем смыслом, который вкладывают в нее сторонники артистической школы критики XIX в., называющие в качестве образцов чистого искусства творения Гомера, Шекспира, Гете, Пушкина, Гоголя. Причем представители русской эстетической критики середины XIX в. отмечают способность произведений, созданных без нацеленности писателя на решение средствами искусства внехудожественных задач, влиять на жизнь общества. В. Боткин пишет: «У нас и в прозе, и в стихах сочиняли, чем должен быть поэт; особенно любят изображать его карателем общественных пороков, исправителем нравов, проводником так называемых современных идей. Мнение совершенно противоречащее и сущности поэзии, и основным началам поэтического творчества. Правда, что всем этим может быть поэт, но только тогда, когда не думает о поучении и исправлении, когда не задает себе задачи проводить те или другие отвлеченные идеи; именно потому, что поэт под одеждою временного имеет в виду только вечные свойства души человеческой» [3, с. 207]. Сходной точки зрения придерживается и Н. Панченко, приводя примеры социальной значимости тех произведений, которые он относит к чистому искусству.

Наряду с противниками и защитниками «искусства для искусства» среди опрошенных альманахом оказывается и выразитель нейтрального отношения к этой теории – Л. Васильева. Не критикуя чистое искусство, она отмечает факт его непопулярности среди писателей своего поколения и молодых авторов: «Думаю, таковые мотивы свойственны некоторым художникам моего поколения, ныне здравствующим. Меньшинству. Большинство волновалось общественными проблемами».

Что же касается тех, кто идет за нами, – они вряд ли удовлетворятся идеями “чистого искусства”. <...> Молодые поколения сегодня в массе повернуты к самим себе» [1, с. 53]. В то время как в советском литературоведении указание на неактуальность чистого искусства сопровождалось принижением последнего в сравнении с творческими ориентирами литературных деятелей СССР, у Л. Васильевой отсутствует иерархическое восприятие обеих эстетических установок.

Отраженное в ответах анкетированных многообразие точек зрения на сущность теории «искусства для искусства» и разное отношение к ней свидетельствуют о том, что укоренившееся в отечественной литературоведческой науке представление о чистом искусстве утрачивает для ряда советских писателей конца 1980-х гг. статус канонического и уступает место деидеологизированному восприятию этого феномена.

Список использованных источников

1. Наша анкета. Художник и общество // Поэзия. – 1989. – Вып. 54. – С. 24–54.
2. Дружинин, А. В. Литературная критика / А. В. Дружинин. – М.: Сов. Россия, 1983. – 384 с.
3. Боткин, В. П. Литературная критика; Публицистика; Письма / В. П. Боткин. – М.: Сов. Россия, 1984. – 320 с.
4. «Искусство для искусства» / Большая советская энциклопедия: в 51 т. – М.: Большая сов. энцикл., 1953. – Т. 18. – С. 510–511.
5. Пажитнов, Л., Шрагин, Б. «Искусство для искусства» / Л. Пажитнов, Б. Шрагин // Философская энциклопедия: в 5 т. – М.: Сов. энцикл., 1962. – Т. 2. – С. 332–334.
6. Сквозников, В. Д. «Искусство для искусства» / В. Д. Сквозников // Литературный энциклопедический словарь. – М.: Сов. энцикл., 1987. – С. 133.
7. Сквозников, В. Д. «Искусство для искусства» / В. Д. Сквозников // Краткая литературная энциклопедия: в 9 т. – М.: Сов. энцикл., 1966. – Т. 3. – С. 193–197.
8. Белинский, В. Г. Взгляд на русскую литературу 1847 / В. Г. Белинский [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://az.lib.ru/b/belinskij_w_g/text_1847.shtml. – Дата доступа: 23.04.2016.
9. Валери, П. Чистая поэзия / П. Валери [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://forlit.philol.msu.ru/lib-ru/valery1-ru>. – Дата доступа: 20.04.2016.

References

1. (1989) "Our profile. Artist and Society", *Poeziya*, no. 54, pp. 24-54.
2. Druzhinin, A. V. (1983) *Literaturnaya kritika* [Literary Criticism; Publicism; Letters], Sov. Rossiya, Moscow, RU
3. Botkin, V. P. (1984) *Literaturnaya kritika; Publitsistika; Pis'ma* [Literary Criticism; Publicism; Letters], Sov. Rossiia, Moscow, RU
4. (1953) "Art for art", *Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya* [Great Soviet Encyclopedia], Sov. encyclopedia, Moscow, RU, vol. 18, pp. 510-511.
5. Pazhitnov, L. and Shragin, B. (1962) "Art for art", *Filosofskaya entsiklopediya* [Philosophical encyclopedia], Sov. encyclopedia, Moscow, RU, vol. 2, pp. 332-334.
6. Skvoznikov, V. D. (1987) "Art for art", *Literaturnyi entsiklopedicheski slovar'* [Literary encyclopedic dictionary], Sov. encyclopedia, Moscow, RU, p. 133.
7. Skvoznikov, V. D. (1966) "Art for art", *Kratkaya literaturnaya entsiklopediya* [Short Literary Encyclopedia], Sov. encyclopedia, Moscow, RU, vol. 3, pp. 193-197.
8. Belinskii, V. G. (2013) "Look at Russian Literature in 1847", Available at: http://az.lib.ru/b/belinskij_w_g/text_1847.shtml. (Accessed 23 April 2016).
9. Valeri, P. "Pure poetry" Available at: <http://forlit.philol.msu.ru/lib-ru/valery1-ru>. (Accessed 20 April 2016).

Информация об авторе

Данилович Татьяна Валерьевна – канд. филол. наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы. УО «Белорусский государственный педагогический университет им. Максима Танка» (ул. Советская, 18, 220030, Минск, Республика Беларусь). E-mail: tanya.tada@mail.ru.

Для цитирования

Данилович, Т. В. Теория чистого искусства в восприятии советских писателей конца 1980-х гг. / Т. В. Данилович // Вест. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2016. – № 4. – С. 85–90.

Information about the author

Danilovich Tatiana Valeryevna – Ph. D. (Philol.), Associate professor of Russian and foreign literature's. Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank (Sovetskaya Str., 18, 220030, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: tanya.tada@mail.ru.

For citation

Danilovich T. V. Theory of pure art in the perception of soviet writers end of 1980. Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus, humanitarian series, 2016, no. 4, pp. 85-90.

В. Л. Герцев*Институт журналистики Белорусского государственного университета,
Минск, Республика Беларусь***ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ВЕЧЕРНИХ ГАЗЕТ БЕЛАРУСИ**

В последние два десятилетия вечерние газеты в нашей стране переживают количественно-качественный рост. Однако теоретическое осмысление их положения в системе периодической печати Республики Беларусь до настоящего момента оставалось нерешенной научной проблемой. Статья посвящена типологическому анализу современной вечерней прессы Беларуси. Следует отметить, что эта разновидность периодических изданий мало изучена. Защищенная в 1970-х гг. диссертация В. Н. Ворониной (МГУ) «Становление советской вечерней газеты как типа издания (1918–1925 гг.)» – пожалуй, единственный обстоятельный труд на постсоветском пространстве по данной теме. Вечерняя пресса Республики Беларусь исследуется впервые.

При выполнении типологического анализа автор статьи опирается на методологические разработки известных российских исследователей в области журналистики А. Аكوпова и В. Тулупова. В методологическую основу анализа положен принцип системности: обосновывается, что рассмотрение лишь совокупности типологических признаков (но не одного из них) является залогом объективности исследования.

Доказывается, что белорусские вечерние газеты сохранились как тип, несмотря на то, что утратили свой типформирующий признак – время выхода. Выявлены черты сходства и отличия между современными белорусскими вечерними газетами и таким перспективным типом изданий, как квалоид.

Данное исследование – первая попытка выработать оптимальные стратегии развития отечественной вечерней прессы. На основе типологического анализа предлагаются три концепции развития вечерних газет. Результаты исследования могут найти применение в практике не только белорусских, но и зарубежных редакций.

Ключевые слова: вечерние газеты, типология, конкуренция, квалоид, стратегия развития.

V. L. Gertsev*Institute of journalism, Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus***THE TYPOLOGICAL TRANSFORMATION OF THE BELARUSIAN EVENING NEWSPAPERS**

The article is devoted to the study of the position of the modern evening press in the system of mass media of the Republic of Belarus. The evening press of Belarus is investigated for the first time. The reasons and the consequences of the typological transformation of evening newspapers are analyzed.

The analysis is based on methodological workings out of well-known Russian researchers in the field of journalism – A. Akopov and V. Tulupov. It is proved, that the Belarusian evening newspapers have remained as a type in spite of the fact that they have lost the generating feature – the time of printing. The similarity and the difference between modern Belarusian evening newspapers and such a perspective type of editions as qualoid are revealed.

The author offers the concepts of the development of the Belarusian evening press. The results of research may find application in practice both the Belarusian and foreign editions.

Keywords: evening newspapers, typology, competition, qualoid, development strategy.

Теоретическое осмысление местоположения вечерних газет в системе СМИ Республики Беларусь – нерешенный научный вопрос. Проблема отсутствия основательных научных исследований, посвященных вечерней прессе, актуальна и для всего постсоветского пространства.

Исследователь Н. В. Тумилович, рассматривая основные типологические характеристики современной региональной прессы Беларуси, поднимает вопрос обоснованности выделения в системе СМИ нашей республики такого типа, как вечерняя пресса: «В число региональных изданий входят также городские, подавляющее число которых – газеты областных центров, относящиеся к так называемой вечерней прессе (хотя в Беларуси вечерняя пресса фактически не соответствует основным типологическим характеристикам, в частности, времени выхода номера и качественной составляющей, наличию аналитических публикаций, подводящих итоги дня)» [1, с. 66].

Действительно, вечерние газеты Беларуси, как, впрочем, и многих других стран, утратили свой типоформирующий признак – время выхода. Причины данного явления, по нашему убеждению, следует искать не в изменившихся предпочтениях аудитории. Утрата прежней оперативности произошла задолго до того, как приобрели популярность альтернативные каналы распространения информации: интернет, FM-радиостанции, кабельное и спутниковое телевидение. Для редакций газет отказ от вечерних выпусков был шагом вынужденным, обусловленным распадом СССР, последовавшими экономическими трудностями и сложностями системы распространения. Установленные почтой повышенные расценки на доставку газет в вечернее время, несоизмеримые с финансовыми возможностями редакций, заставили отказаться от вечернего освещения событий текущего дня. Газета «Вечерний Минск» после перехода на утренний выход в печать некоторое время издавала вечерний выпуск, который распространялся в розницу в столице и городах-спутниках.

«На состояние современной типологии прессы оказали влияние экономические трудности. Разрушение системы городской доставки и распространения печати практически убило вечернюю прессу. Газеты, которые носят название вечерних, распространяются в основном в розницу и издаются в течение дня. В этом плане типологическое отличие “Московского комсомольца” от “Вечерней Москвы” трудно обнаружить. “Московский комсомолец”, по существу, продается как вечерняя газета, и уже в 7–8 часов вечера ее можно купить на станциях метро и в других местах у распространителей», – пишет профессор МГУ Я. Засурский [2, с. 9–10].

Если использовать время выхода в свет в качестве единственного критерия при типологическом анализе изданий, то, безусловно, данный вывод невозможно оспорить. Известный специалист в создании современной методологии типологического анализа А. Акопов научно обосновал десять типоформирующих признаков специального журнала, которые, на наш взгляд, можно применять при анализе типологии газет (издающий орган, цели и задачи, читательская аудитория, авторский состав, внутренняя структура, жанры, оформление, периодичность, объем, тираж). «Возможно, – пишет автор, – найдутся и другие признаки, которые можно считать типологическими для специального журнала. Однако, не являясь исчерпывающим, перечень из десяти представленных типологических признаков является достаточным. Ни один из перечисленных признаков, взятый изолированно от других, не может претендовать на роль «достаточного», т. е. полностью описывающего тип периодического издания. Но совокупность десяти признаков дает полное представление о типе журнала, структуре этого типа, всех компонентах, характеризующих тип издания» [3, с. 51]. Рассматривая теоретический и практический аспекты типологии, ученые и в современных исследованиях неизбежно приходят к требованию системности как залогом объективности типологического анализа (см., например, статью В. Тулупова [4, с. 42]).

В. Воронина, изучая становление советской вечерней газеты как типа издания (1918–1925 гг.), выявила ряд характеристик, позволивших обосновать выделение вечерней прессы в системе печати. К таковым, помимо времени выхода, она отнесла массовый характер издания и неоднородность его аудитории; информационную насыщенность номера; живость, образность языка, место выхода – город, в котором вечерняя газета выполняла задачи дополнительного источника информации; углубленное и детализированное отражение сфер городского хозяйства и досуга, культурной жизни; организаторскую роль издания в городском быту; наличие приложений, в том числе рекламных [5, с. 12–15]. Анализ того, в какой мере эти свойства присущи современным вечерним газетам Беларуси, позволит решить вопрос выделения их в отдельный тип. Наряду с решением научной проблемы, данное исследование имеет и прикладное значение, ведь адекватное действительности описание типа позволяет выработать оптимальную стратегию его развития, создать модель экономически успешного издания.

Вечерняя газета по природе своей городская. Первые на белорусской земле вечерние газеты издавались в начале XX века в таких экономически и культурно развитых центрах, как Витебск, Минск, Гродно, Бобруйск. Издающиеся во всех областных центрах республики и Бобруйске вечерние газеты представляют собой городские издания, хотя и позиционируют себя по-разному. Некоторые, как, например, «Вечерний Брест», пытаются расширить читательскую аудиторию за счет жителей области и относят свое издание к региональным (употребляя это слово в значении, которое в научной литературе обозначается точным термином «межрегиональные газеты»). По объему

и структуре номера такие издания приближаются к областным, хотя отнести к таковым их все же нельзя хотя бы ввиду доминирования материалов, освещающих жизнь областного центра.

Социально-демографическая неоднородность читательской аудитории обусловила массовый характер вечерней газеты [5, с. 13]. Изменение времени ее доставки, периодичности выхода не могло кардинально повлиять на данную характеристику. Исследование социально-демографических характеристик регулярной аудитории прессы показало, что у «Вечернего Минска» постсоветского периода высокий процент читателей в возрасте 20–24 лет – 17%, тогда как у газет «Рэспубліка», «Советская Белоруссия», «Звезда» данный показатель колеблется от 5,0 до 9,5%. В то же время относительно невысок у вечерней газеты процент читателей 55 лет и старше – 8,5%. В сравниваемых изданиях процент старшей аудитории – от 13,5 до 43,9%. Таким образом, у «Вечернего Минска», по сравнению с республиканскими газетами, шире охват различных возрастных категорий читателей.

Подобная неоднородность состава аудитории наблюдается и по роду деятельности читателей, причем, в сравнении с республиканскими изданиями, высок процент квалифицированных и подсобных рабочих – 33% (22,3% у «Рэспублікі», 19,3% – у «Советской Белоруссии», 14,7 у «Народной газеты», 31,3 – у «Звезды») [6, с. 44–45].

Неоднородность аудитории – следствие не только городского характера вечерних газет, но и доступности, живости, образности языка «вечерки», которые ранее способствовали преодолению «барьера» физической и психологической усталости читателя [5, с. 13–14]. Сегодня эти исторически сложившиеся черты модели издания данного типа являются одним из залогов популярности «вечерки» у жителей города, независимо от их возраста и образовательного уровня. Журналисты вечерних газет, как правило, не злоупотребляют в выступлениях отглагольными существительными, инфинитивом, пассивными оборотами, языковыми штампами. Лексика вечерней газеты отличается: на полосе широко используются слова не только публицистического, но и разговорного стиля. Например: «Очередная маета» [7], «Клевое дело» [8]. Для анализа были сознательно выбраны названия рубрик. Если в текстах, особенно художественно-публицистических жанров, разговорный стиль может эпизодично использоваться, допустим, для передачи особенностей речи героя, то появление разговорного стиля в рубриках выразительно демонстрируют стремление редактора приблизить язык газеты к бытовому языку народа.

Отличает большинство вечерних газет Беларуси от региональных изданий иных типов и небольшой объем публикаций, независимо от их жанровой принадлежности. Следствием этого является высокая информационная насыщенность каждого номера. В «Вечернем Гродно» на одной полосе может располагаться до 10 новостных материалов. Информационная насыщенность каждого номера данного издания, по нашему убеждению, сыграла не последнюю роль в том, что основанная в 2000 г. газета стремительно завоевывает тираж. В январе 2012 г. по завершении подписной кампании на полугодие у газеты, имевшей к тому моменту 25-тысячную читательскую аудиторию, прибавилось 820 подписчиков. В январе 2015 года тираж составил 20 850 экземпляров, что на фоне постоянно растущей конкуренции со стороны индустрии досуга неплохой результат.

В редакции «Вечернего Минска» существует неписаное правило – запрет на объемные материалы, которые публикуются на страницах другой городской газеты «Минский курьер», также входящей в состав УП «Агентство «Минск-Новости». Это ограничение продиктовано и резервацией части полосы под рекламу, обилие которой в советской журналистике считалось особенностью вечерних изданий.

Сегодня, когда для печатных СМИ реклама – второй (а у кого и первый) источник дохода, говорить о ней как об особенности типа вечернего издания некорректно. Тем не менее у всех вечерних газет Беларуси явно просматривается исторически передаваемая наследственная черта модели вечерней газеты. «Вечерний Могилев» представляет собой рекламно-информационное издание (первая полоса целиком занята рекламными модулями). В 2011 г. было заявлено об учреждении аналогичной газеты в Орше. Вечерние газеты других белорусских городов имеют рекламные приложения.

Любопытен эксперимент «Вечернего Минска». Газета, в выходных данных характеризующаяся как «общеполитическая, рекламная», с вхождением в состав УП «Агентство «Минск-Новости»,

постепенно сократив периодичность выхода, резко увеличила тираж, который был в пределах 10 тысяч, до более чем 100 тысяч экземпляров. Большая часть тиража ныне бесплатно распространяется в метро, меньшая – по подписке. Увеличившийся приток поступлений от публикации рекламы не только компенсирует затраты на печать большего тиража. Эксперимент позволил перевести газету на полноцветную печать.

Новация для белорусского медиарынка сопровождалась пиар-акциями в столичном метро. Бесплатная раздача номеров издания с целью расширения круга аудитории используется западными газетами, в том числе вечерними, однако далеко не всегда дает положительный результат. Вне всяких сомнений, эксперимент оправдан произошедшими изменениями в издании. Но чтобы эффект не оказался кратковременным, руководству УП «Агентство «Минск-Новости», на наш взгляд, стоит предусмотреть меры стимулирования читателей к оформлению подписки. Недостаток данной бизнес-модели заключается в том, что она приучает читателей к безвозмездному получению информации. Использование бизнес-модели может привести к тому, что издание переместится в категорию бесплатно распространяемых газет. Это означает не только потерю источника дохода от подписки, но может также вызвать отток рекламодателей (подписчики – регулярная аудитория, тогда как у бесплатного издания она преимущественно нерегулярная, соответственно, эффект воздействия от рекламы у бесплатно распространяемых газет гарантирован в меньшей степени).

Углубленное и детализированное отражение сфер городского хозяйства и досуга, культурной жизни города было непременным признаком модели данного типа, сформированной опытом «Вечерней Москвы». В многочисленных инициативах этой газеты по улучшению обслуживания и быта горожан ярко проявлялась ее организаторская роль. До сих пор преемственность ощущается в содержательной модели газеты «Вечерний Минск», коллектив которой опирался на опыт ведущего в СССР вечернего издания. Сферы, вне которых немыслима жизнь горожанина, составляют основу содержательной модели и остальных современных белорусских вечерних газет.

Время выхода и связанная с этим специфика восприятия читателем информации сформировали характерные черты вечернего издания. Типоформирующий признак оказал заметное влияние на формирование устойчивой модели газеты, и типологические характеристики не исчезли с утратой прежнего цикла выхода в свет.

Типы газет «чувствительны к диалектике жизни», – пишет один из исследователей типологии современной прессы В. Тулупов. Он отмечает: «Изменилась социально-экономическая ситуация – меняется и значение типологических критериев: какие-то становятся ведущими, какие-то утрачивают лидирующее положение» [4, с. 40].

Вместе с утратой ведущего положения такого критерия, как время выхода, вечерние газеты утратили и положение дополнительного источника информации в городе, чем объясняется, например, попытка «Вечернего Бреста» завоевать читательскую аудиторию провинции. Тем не менее сохранился ряд характеристик, которые позволяют выделить вечерние газеты Беларуси в отдельный тип издания.

«Тип периодического издания не подобен элементу естественной классификации – постоянно в своем физическом виде (поскольку опирается на «чистые основания, например, на удельный вес и валентность») – он многофакторен. Лишь рассматривая типоформирующие признаки в системе, анализируя их, учитывая внутренние связи, время от времени меняющиеся, можно описать тип, а затем создать научную модель конкретной газеты – базу для независимого, экономически успешного СМИ», – подчеркивает В. Тулупов [4, с. 43].

Позволим себе вопрос подбора более точной дефиниции к данному типу изданий оставить открытым для дискуссии. Гораздо существеннее, на наш взгляд, найти или хотя бы предпринять попытки поиска оптимальных путей развития рассматриваемого типа периодики.

В свете решения данной проблемы весьма ценным нам представляется проведенное А. Притковым исследование, в ходе которого было выявлено сходство вечерней газеты советского периода и такого нового для постсоветского медиаландшафта типа, как квалоид [9, с. 139–146].

Тип квалоида (термин образован от английских слов *quality* и *tabloid*, что в дословном переводе означает «качественный таблоид») базируется на принципе сочетания свойств качественной и развлекательной прессы, чем выделялась в системе советской печати группа вечерних газет.

«В странах Северной Европы таблоидизация идет «снизу»: массовые таблоиды, имея максимальные тиражи и характерный стиль оформления, стремятся к повышению качества содержания. Так возникает квалоид – особый тип массовой вечерней газеты, сочетающей стиль таблоидов с освещением широкой панорамы мировых событий, анализ серьезных вопросов внешней и внутренней политики с простым и доходчивым языком изложения. Как считает профессор К. Норденстренг (Финляндия), квалоиды входят в набор обязательного чтения даже любого интеллектуала на Севере Европы», – так объясняет появление нового типа изданий профессор МГУ Е. Вартанова [2, с. 144].

А. Прытков выделяет ряд других признаков, общих для квалоидов и вечерних газет: доступный язык публикаций, большое количество рекламы и иллюстраций, акцент на городских новостях, использование элементов инфотейнмента, диффузия жанров [9, с. 19]. Белорусские вечерние газеты отвечают названным критериям. Проникновение элементов репортажа в другие, в том числе аналитические жанры, которое можно заметить на страницах газеты «Вечерний Брест», происходит ввиду информационной природы вечерних газет. Сокращение периодичности выхода ведет к трансформации этого свойства, стимулирует, катализирует диффузию жанров: большой перерыв между выходами номеров газеты заставляет журналиста аналитически осмысливать действительность, а приемы репортажного изложения фактов компенсируют нехватку этого жанра «в чистом виде».

Схожи квалоиды и вечерние газеты, по А. Прыткову, и в проявлении внимания к конкретным людям в публикациях, активной работе с читательской аудиторией. Основу большинства материалов в изданиях обоих типов составляют обращения читателей [9, с. 19]. Белорусские вечерние газеты в полной мере используют современные средства коммуникации для диалога с аудиторией. «Вечерний Брест» размещает наряду с подписью журналиста под наиболее злободневными материалами электронный адрес автора, регулярно публикует подборку читательских комментариев, взятых на сайте, под рубрикой «Интернет отКЛИК». Аналогично поступает «Вечерний Бобруйск», редакция размещает в газете с подборкой «Читатели обсуждают» количество читательских комментариев, поступивших за неделю.

В газетах «Вечерний Гродно» и «Вечерний Могилев» публикуются SMS читателей. Сообщения содержат чаще всего вопросы утилитарного содержания («Когда отремонтируют улицу?»), наблюдения, критические замечания читателей («Когда городские автомастерские будут выдавать чеки?»; «На улице N отключают электричество без предупреждения. Кто ответит за испорченную технику?»).

«Вечерний Гродно» активно ищет новые формы взаимодействия с аудиторией. Распространение мобильных телефонов со встроенной фотокамерой вызвало к жизни рубрику «Сам себе журналист». Редакция предложила читателям фотографировать то, что покажется им интересным и высылать снимки с помощью MMS на редакционный телефон с указанием того, что произошло, где и когда.

Остается востребованной и классическая рубрика «Вече «Вечерки», которую ввел в белорусскую газетную практику «Вечерний Минск». Читатели могут позвонить дежурному журналисту по пятницам или же сообщить о волнующих их проблемах в любое время суток, используя SMS. Традиция восходит к «Справочному бюро», рубрике, ставшей в свое время ноу-хау «Вечерней Москвы». Подобная рубрика «Алло, «Вечерка» присутствует в основанной в 2000 г. газете «Вечерний Бобруйск», что доказывает ее действенность и востребованность по нынешний день.

Квалоид является перспективным бизнес-направлением на газетном рынке, отмечает А. Прытков (к данному типу исследователь относит и современную «Вечернюю Москву») [9, с. 21]. Вот почему сегодня будут востребованы исследования многолетнего опыта вечерних газет, в отечественной истории журналистики единственный прообраз и предтеча современных квалоидов постсоветских стран.

Таким образом, можно предложить концепцию квалоида в качестве одной из стратегий развития вечерней прессы Беларуси. Несмотря на выявленное нами соответствие между квалоидами и вечерними газетами Беларуси, отождествлять их все же нельзя. Белорусские вечерние газеты (ярким примером может служить «Вечерний Брест»), следуя отечественной традиции публицистики, приветствуют аналитичность, в то время как материалы квалоидов зачастую далеки от таких критериев качественной журналистики, как аналитичность, плюрализм и глубина разработки тем [9, с. 20]. В квалоидах чаще всего не находят должного отражения темы экономики, культуры и спорта. Некоторое сходство с квалоидами исходя из данной характеристики можно

обнаружить у газет «Новый Вечерний Гомель», «Вечерний Могилев», однако у газет «Вечерний Гродно», «Вечерний Брест», имеющих постоянные спортивные рубрики, такое сходство явно отсутствует. «Вечерний Брест» – издание аналитическое, не обходит стороной экономические явления, да и отклики на большинство культурных событий областного центра, будь то выставка или концерт, не позволяют упрекнуть издания в недостаточном освещении данной тематики. Как видим, эволюционирование вечерних газет в сторону квалоида нуждается в критическом подходе. Далеко не все из зарубежной практики квалоидов приемлемо для отечественной читательской аудитории. Так, повышенный интерес к теме смерти, непристойная лексика не приветствуются читателем.

Может развиваться белорусская вечерняя пресса и в русле традиционного представления о данном типе издания. В Китае, например, вечерняя пресса переживает количественно-качественный рост. Однако широкое распространение современных технологий, ускоривших распространение информации, вынуждает пересмотреть это представление. Относительно длительные печать газеты и распространение неизбежно ставят ее в неравные условия конкуренции в оперативности с электронными СМИ. Основным преимуществом вечерней газеты перед утренней всегда была ее оперативность, возможность опубликовать в свежем номере новости текущего дня. С сокращением периодичности, утратой такого типоформирующего признака, как время выхода, вечерние газеты лишаются этого преимущества.

Впрочем, чтобы преодолеть препятствие в виде длительного типографского производства, распространения, искать нестандартные решения приходилось и журналистам вечерних газет. Приведем пример, рассказанный С. Сверкуновым, продолжительное время возглавлявшим газету «Вечерний Минск». О приезде в Минск известного космонавта стало известно вечером, накануне прибытия в столицу нашей республики поезда. Поезд прибывал в 8.20, в 12.00 номер газеты сдавался в печать. Даже если поезд придет вовремя, минимум полчаса заняло бы интервью, его необходимо было еще написать журналисту, машинистке – набрать. Следует учесть, что на тот момент, когда не было настольных издательских систем, более трудоемкие процессы проявки фото, типографского набора и верстки занимали значительное время. Репортер и фотокорреспондент ночью добрались на автомобиле до Борисова, где сели в вагон со знаменитостью. К удивлению многочисленных журналистов, которые утром встречали поезд в Минске, первым из вагона вышел не космонавт, а репортер «вечерки» с уже написанным материалом. Тираж номера был мгновенно продан.

О многих предстоящих событиях известно заранее, у журналиста достаточно времени собрать информацию и написать текст, чтобы он вышел в свет одновременно с событием или даже раньше. Такой прием преодоления технологического барьера в оперативности прессы приводится в книге А. Мирошниченко «Когда умрут газеты» [11, с. 100]. Широко использовался данный прием в 1970-х гг. в «Вечерней Москве», когда ее редактором являлся С. Индурский, который немало сделал для выработки модели вечерней газеты и по праву гордился клишированной рубрикой «Сегодня», под которой печатались новостные заметки.

Опыт современной «Вечерней Москвы» доказывает, что возможности оперативного печатного выпуска новостей даже в мегаполисе не исчерпаны и он конкурентоспособен. На то есть свои причины. Во-первых, часть читателей не владеют навыками пользования компьютером, поэтому новости в интернете им недоступны. Другая часть читателей владеет компьютером, однако читают новости в газете в силу сформированной привычки. Некоторые читатели ценят преимущества чтения с бумаги. Во-вторых, не секрет, что тексты в интернете уступают печатным. Нередко на сайтах публикуются неточные данные, что недопустимо в газете. Ограничение газетной площади требует более жесткого отбора фактов. В-третьих, в газете новости подаются обстоятельнее. С. Сверкунов, хотя и признает, что сегодня блоггеру достаточно минуты, чтобы при помощи смартфона обнародовать сообщение, считает новость неотъемлемой составляющей структуры современной газеты. Конкурентное преимущество газеты, по мнению эксперта, – в творческой форме подачи новости. Можно подать новость сухим телеграфным стилем, отделив факты от мнений, как принято западной школой журналистики, а можно – с личным комментарием, публицистично, как предписывает отечественный идеал журналистики.

Сегодня создается впечатление, что новости в различных изданиях одни и те же, поскольку их источниками служат сообщения пресс-служб, информационных агентств, ведомств. Особенно

это характерно для веб-СМИ: техническая легкость копирования и переформулирования одной и той же информации способствуют ререйтингу, но не журналистскому творчеству, тогда как в традициях вечерних газет – поиск собственных новостей, в том числе с опорой на помощь читательской аудитории, и в этом заключается еще одно их преимущество.

Наконец, читателей интересуют не только такие события, как взрывы, войны, ДТП, т. е. новости чрезвычайного характера, требующие экстренного распространения, но и те, которые ежедневно происходят рядом с читателем, например, открытие новой школы, строительство дома. В поиске таких нужных читателям новостей заключен потенциал печатных СМИ, особенно региональных.

В Беларуси эксперимент создания вечерней газеты, выходящей минимум 4 раза в неделю, имеет шанс на успех хотя бы потому, что такое издание в своем роде для отечественного медиaproстранства уникально. Главная проблема – в распространении тиража. С учетом того, что тиражи в последние годы постоянно снижаются, учредителю придется рассчитывать лишь на розничные продажи либо создавать собственную систему доставки.

Однако если мыслить на перспективу, следует учитывать интересы молодых читателей, которые предпочитают проводить свободное время за компьютером. Проблему оперативной доставки новостей как нельзя лучше решило бы новостное приложение к вечерней газете в виде сайта, рассылки по электронной почте либо программы в смартфоне. Отличие такого приложения от существующих – в четко обозначенной ежевечерней периодичности обновления содержания, за исключением новостей чрезвычайного, сенсационного характера. Существующий принцип обновления интернет-ресурсов при всех его достоинствах имеет и недостатки. В погоне за скоростью передачи информации часто теряется качество: читателю вместо информационного продукта поступает необработанное сырье. Периодичность обновления ресурса внесла бы упорядоченность в его функционирование, сделала более удобным для читателей, оптимизировала бы использование трудовых ресурсов редакционного коллектива. Непрерывное обновление сайта, отсутствие темпоральной дистанции между любым событием и его отражением – идеал: на практике же большинство работающих читателей вынуждено следовать ритму восьмичасового трудового дня, в течение которого время для ознакомления с актуальной новостной картиной ничтожно. Возможность детально ознакомиться с событиями дня у подавляющего большинства городского трудоспособного населения имеется только после 5–6 часов вечера.

Еще одно принципиальное отличие от существующих аналогов – приложение должно содержать только новости (краткие новостные заметки, фото и видео) и дополнять, а не дублировать газету. Комментарии к событиям, их оценка, репортажная подача, материалы аналитических и художественно-публицистических жанров – все это должно быть только в газете. Сайты, которые сегодня представляют онлайн-копию газеты, способствуют оттоку той части аудитории, которая при отсутствии альтернативы выписывала бы издание и приносила доход.

Принцип бесплатного распространения информации интернет-ресурсами разрушает традиционную экономическую модель СМИ, не предлагая взамен собственной альтернативы. В отличие от аудитории веб-ресурсов, аудитория печатных СМИ принимает необходимость платить за информацию как должное. Данный фактор необходимо использовать. Затраты на выпуск электронного новостного приложения как дополнительной услуги можно заложить в стоимость подписки. Современные технологии предоставляют широкие возможности для розничной реализации электронного новостного продукта. Особенно перспективна, на наш взгляд, мобильная связь. Ее абоненты лояльно относятся к необходимости внесения платы за пользование дополнительными сервисами, их легко идентифицировать, доступ к информации можно осуществлять посредством отправки читателем SMS, за что определенная сумма списывалась бы с его телефонного счета.

Эксперименты с выпуском вечернего издания, новостного электронного приложения к газете идеально вписываются в финансово-организационную модель, известную как медиахолдинг, позволяют учесть предпочтения различных категорий читателей и дают им возможность получать информацию в наиболее удобной форме. Предлагаемые концепции развития вечерних изданий Беларуси не взаимоисключают друг друга, могут использоваться в сочетании, пополняться новыми моделями, позволяющими улучшить работу вечерней прессы.

Список использованных источников

1. Тумилович, Н. В. Основные типологические характеристики современной региональной прессы Беларуси / Н. В. Тумилович // Вестн. БДУ. Сер. 4: Филология. Журналистика. Педагогика. – 2013. – № 1. – С. 63–68.
2. Система средств массовой информации России : учеб. пособие / Я. Н. Засурский и [др.]; под ред. Я. Н. Засурского. – М. : Аспект пресс : Изд-во Моск. ун-та, 2001. – 259 с.
3. Акопов, А. И. Методика типологического исследования периодических изданий / отв. ред. М. Т. Мезенцев. – Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1985. – 95 с.
4. Тулупов, В. В. Теоретический и практический аспекты типологии печатных периодических изданий / В. В. Тулупов // Альманах / Фак. журн. ВГУ. – Воронеж, 2007. – Вып. 3–4 (66–67) : Акценты. Новое в массовой коммуникации. – С. 36–44.
5. Воронина, В. Н. Становление советской вечерней газеты как типа издания (1918–1925 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.10 / В. Н. Воронина ; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. – М., 1973. – 24 с.
6. Дубовік, С. В. Сацыяльны патэнцыял беларускай перыёдыкі / С. В. Дубовік; Ін-т сац.-паліт. даслед. пры Адміністрацыі Прэзідэнта Рэсп. Беларусь. – Мінск : ІСПД, 2000. – 189 с.
7. Павловский, Б. Вернутся ли строители на Строительную? / Б. Павловский // Вечерний Брест. – 2014. – 28 нояб. – С. 4.
8. Мошик, С. Теория волшебства / С. Мошик // Вечерний Брест. – 2014. – 28 нояб. – С. 7.
9. Прытков, А. В. Квалюид в системе современной российской прессы: типологический аспект : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.10 / А. В. Прытков. – Воронеж, 2014. – 240 с.
10. Вартанова, Е. Л. Медиаэкономика зарубежных стран : учеб. пособие / Е. Л. Вартанова. – М. : Аспект пресс, 2003. – 334 с.
11. Мирошниченко, А. А. Когда умрут газеты / А. А. Мирошниченко. – М. : Книжный мир, 2011. – 222 с.

References

1. Tumilovich, N. V. (2013) "The main typological characteristics of the modern regional press of Belarus", *Vesnik BDU. Ser. 4, Filologiya. Zhurnalistyka. Pedagogika* [Bulletin of BSU. Ser. 4, Philology. Journalism. Pedagogics], no. 1, pp. 63-68.
2. Zasurskii, Ya. N. (ed.) (2001) *Sistema sredstv massovoi informatsii Rossii*, [The system of mass media of Russia], Aspekt press, Izd-vo Mosk. un-ta, Moscow, RU
3. Akopov, A. I. (1985) *Metodika tipologicheskogo issledovaniya periodicheskikh izdaniy* [Methods of a typological research of periodicals], Izd-vo Irkut. un-ta, Irkutsk, RU
4. Tulupov, V. V. (2007) "Theoretical and practical aspects of a typology of printing periodicals", *Aktsenty. Novoe v massovoi kommunikatsii* [Accents. New in mass communication], Voronezh, RU, no. 3-4 (66-67), p. 36-44.
5. Voronina, V. N. (1973) *Stanovlenie sovetskoi vechernei gazety kak tipa izdaniya (1918-1925 gg.)*. *Avtoref. dis. kand. ist. nauk* [The formation of the Soviet evening newspaper as a type of edition (1918-1925). Cand. hist. sci. abstract of diss.]. Moscow, RU
6. Dubovik, S. V. (2000) *Satsyyal'ny patentsyyal belaruskai peryedyki* [Social potential of the Belarusian periodical press]. ISPD, Minsk, BY
7. Pavlovskii, B. (2014) "Will the builders return to Stroitelnaia street?", *Vechernii Brest* [Evening Brest], November, 28, p. 4.
8. Moshchik, S. (2014) "Theory of magic", *Vechernii Brest* [Evening Brest], November, 28, p. 7.
9. Prytkov, A. V. (2014) *Kvaloid v sisteme sovremennoi rossiiskoi pressy: tipologicheskii aspekt : dis. kand. fil. nauk* [Qualoid in the system of the modern Russian press: a typological aspect. Cand. phil. sci. diss.]. Voronezh, RU
10. Vartanova, E. L. (2003) *Mediaekonomika zarubezhnykh stran* [Media economy of foreign countries]. Aspekt press, Moscow, RU
11. Miroshnichenko, A. A. (2011) *Kogda umrut gazety* [When newspapers will die]. Knizhnyi mir, Moscow, RU

Информация об авторе

Герцев Виталий Леонидович – аспирант. УО «Институт журналистики Белорусского государственного университета» (ул. Кальварийская, 9, 220004, Минск, Республика Беларусь). E-mail : vg20089@yandex.ru.

Information about the author

Hertsau Vitali Leonidovich – postgraduate student. Institute of Journalism of the Belarusian State University (Kal'variiskaya Str., 9, 220004, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: vg20089@yandex.ru.

Для цитирования

Герцев, В. Л. Типологическая трансформация вечерних газет Беларуси / В. Л. Герцев // Вест. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2016. – № 4. – С. 91–98.

For citation

Gertsev V. L. The typological transformation of the Belarusian evening newspapers. Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus, humanitarian series, 2016, no. 4, pp. 91-98.

ПРАВА

LAW

УДК 321.001

Поступила в редакцию 24.05.2016

Received 24.05.2016

Ж. И. Овсепян

*Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону,
Российская Федерация*

**ОСНОВНЫЕ НАУЧНЫЕ КОНЦЕПЦИИ СУВЕРЕНИТЕТА:
КЛАССИЧЕСКИЕ УЧЕНИЯ И РАЗВИТИЕ СОВРЕМЕННОГО ПРАВООПОНИМАНИЯ**

Представлены обзоры и характеристики особенностей методологий исследования суверенитета в классической литературе; подробно рассматриваются основные классические философско-правовые и теоретико-правовые научные концепции суверенитета (теории суверенитета абсолютного государства, демократические теории суверенитета, теории государственного представительства народного суверенитета, теория разделенного «по вертикали» суверенитета, теории государственного суверенитета как суверенитета целого, учение о формально-юридическом понимании суверенитета). Анализируются особенности методологии научного исследования суверенитета в современной российской науке (рассмотрение суверенитета, с одной стороны, как составной части теории федерализма, с другой – как составной части учения об общественном строе). Обосновывается авторская концепция суверенитета как естественного публичного права на основе следующих признаков: суверенитет идентифицируется со свойством статусов субъектов публичных правоотношений, суверенитет проявляется в представительной и непосредственной демократии, суверенитет – это состояние статуса субъекта власти, суверенитет характеризуется как определенное состояние отношений верховного господства, суверенитет может быть определен как свойство, не отчуждаемое от источника власти, по своему происхождению теория суверенитета является теорией отрицательной, так как ее целью служит определение статуса государства путем отрицания любой другой равновеликой государству социальной власти и ряда иных.

Ключевые слова: суверенитет государства, суверенитет права, суверенитет народа, научные теории суверенитета, естественное публичное право.

Z. I. Ovsepyan

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

**BASIC SCIENTIFIC CONCEPTS OF SOVEREIGNTY:
THE CLASSICAL DOCTRINE AND THE DEVELOPMENT OF MODERN LEGAL CONSCIOUSNESS**

The article is dedicated to basic scientific concept of essence of sovereignty. In this article in detail is held analysis of philosophical and legal theoretical concept of sovereignty. Submitted overview following concepts of sovereignty: theory sovereignty of absolute state, democratic theory of sovereignty, theory representation folk sovereignty, teaching about formally legal understanding of sovereignty and others. Author analyses features understanding of sovereignty in modern russian legal science. Justified the author's concept of sovereignty as a natural public law on basis number of characteristics of sovereignty (sovereignty belongs subjects of public legal relations, carriers of sovereignty are subjects of authority, source authority can exist without sovereignty and others).

Keywords: state sovereignty, sovereignty of law, sovereignty of the people, the scientific theory of sovereignty, natural public law.

В современном (первое 20-летие XXI в.) мире в западных странах, да и в российском обществе, в том числе некоторыми представителями российского юридического сообщества, до недавнего времени (до европейского миграционного кризиса) высказывалось скептическое отношение к тематике суверенитета как к устаревшей конструкции, не соответствующей периоду глобализации. Однако масштабный миграционный кризис в Европе, связанный с наплывом сотен тысяч беженцев

и нелегальных мигрантов в Европейский союз (ЕС) из стран Северной Африки, Ближнего Востока и Южной Азии, расширение сети и активизация деятельности международных террористических организаций – как следствие ослабления государственности в Ливии, Ираке, Сирии, Северной Африке – заставляют переосмыслить прежние представления о соотношении международной и национально-государственной составляющих в мироустройстве нового периода. Становится очевидным сохраняющееся значение сильного, суверенного государства для гарантирования основных прав и свобод, в том числе важнейших из прав – права на жизнь, права на достоинство и др.; значение национальных институтов государственной власти, в том числе силовых структур; значение государственных границ и института гражданства, значимость национального права. Все это подтверждает, что глобализация не отменяет государства и государственные суверенитеты, соответственно, сохраняется актуальность теоретических, философских, политологических, исторических, юридических и иных научных исследований государства и суверенитета как свойства его силы. Вместе с тем актуальность исследований темы «суверенитет» связана не только с событиями нового времени, а имеет перманентный характер. Интересно отметить, что столетие назад (в начале XX в. – т. е. в период, предшествовавший глобализации) один из классиков российской юриспруденции Б. А. Кистяковский, применительно к практике России, также отмечал скептическое отношение ряда авторов к постановке вопроса об исследованиях теории суверенитета, соотношения государственной власти и суверенитета в то время. Обратим внимание, как современно замечание Б.А. Кистяковского о скептиках: они отрицали «научную правомерность понятия «суверенитет» и доказывали, «что оно должно быть изгнано из современной (начало XX в. – Ж. О.) науки государственного права, так как оно является пережитком государственных форм прошлого. Однако это устранение центрального объекта спора только видоизменяет саму проблему, но несколько не продвигает ее решения вперед» [1, с. 244]. Представляется, что столетие сомнений – это и аргумент против современного (начала XXI в.) скептицизма, и аргумент актуальности, и методология обращения к исследованию тематики суверенитета, предпринятому в настоящей статье. Современное правопонимание невозможно без обращения к классическим истокам, авторские систематизация и осмысление сути которых изложены далее.

Основные классические философско-правовые и теоретико-правовые научные концепции суверенитета. Категория «суверенитет» неразрывно связана с категорией «власть»: нет суверенитета вне или помимо власти и властеотношений, хотя может быть власть без такого свойства, как суверенитет. Этимологически понятие «суверенитет» происходит от латинского слова «supraneitas» (от «supra» – выше) и в буквальном смысле «обозначает то свойство власти, в силу которой она является “высшей”, – ее верховенство» [2, с. 279; 3, 596]. Является ли суверенитет свойством единоличной власти государственно-организованного общества? Только ли государства (государственной власти) либо также негосударственных сообществ людей или корпораций? Возможно ли идентифицировать суверенитет с субъективным правом либо это только публично-правовая категория? Достаточно ли ограничиваться только тезисом, что: Индивиду принадлежит свобода, а суверенитет – Государству?

В Европе, где в Средние века возникло учение о суверенитете, ответы на соответствующие вопросы давались и даются по-разному. Вместе с тем длительная, эволюционная история становления суверенитетов свидетельствует о естественной природе права суверенитета и модификации представлений, их «вызревании» в процессе государственно-правового развития общества. С учетом естественной (эволюционной) природы происхождения международно-правового института суверенитета решение современных проблем международной практики предполагает, помимо прочего, и обращение к истокам становления учения о суверенитете в контексте развития философских учений и общественно-политической практики.

В истории научно-исследовательской и практической актуальности вопросов суверенитета и сомнений относительно их актуальности можно отметить различные периоды.

1. Теории суверенитета абсолютного государства. Учение о суверенитете возникло в Европе в Средние века. Как следует из работ Г. Еллинека, Ф. Ф. Кокошкина (других авторов, изданных еще в конце XIX – начале XX в.), И. Д. Левина (60-е гг. XX столетия), в XIV–XV вв. в Европе воз-

ники три силы, которые стали оспаривать самостоятельность государства: христианская церковь, претендовавшая в тот период на большее политическое значение, чем государство; Священная Римская империя (созданная германскими королями), претендовавшая на идентификацию ее со «всемирным государством»; феодальная власть периода феодальной раздробленности. В соответствии с утвердившимися в науке представлениями, первоначально учение о суверенитете являлось политическим оружием государственной власти с указанными, соперничающими с ней общественными силами и было направлено на обеспечение процессов создания в Европе централизованных государств [4, с. 164–165; 5, с. 426]. Соответственно, первые исследования суверенитета связаны с его определением как неотъемлемого свойства государственной власти. В философской литературе различаются два понятия суверенитета: средневековое и понятие суверенитета эпохи Модерна. Так, М. М. Федорова отмечает, что «средневековое понятие суверенитета (встречающееся в политико-юридическом дискурсе уже в XIII в.) было связано главным образом с личностью правителя: суверен тот, кто не знает над собой никакой высшей власти. При этом оно применялось для характеристики властных полномочий как сеньоров, так и короля. Средневековому политическому мышлению была еще неведома публичная власть, обладающая монополией на господство над определенной территорией и, следовательно, монополией на подчинение подданных. Однако несмотря на то, что внутренняя противоречивость понятия «суверенитет» осознавалась средневековыми законооведами, противоречие это было разрешено только Современностью» [6, с. 137]. Различие средневекового и современного (периода с XVI в.) понятий суверенитета отражает существование системы, характеризующейся множеством центров решения, существование децентрализованного политического порядка в отличие от централизующей функции этого понятия эпохи Модерна. Суверенитет средневекового правителя сводился практически лишь к одному измерению – это был король-судья. Он был свободен лишь в принятии судебного решения в последней инстанции; во внутривластных делах он был связан обязательствами перед вассалами, во внешнеполитических – политическим могуществом Церкви. Король современного государства как воплощение государственного суверенитета был уже не только и не столько судьей, сколько законодателем и творцом политических и юридических норм [6, с. 138]. Так, в XVI в., во времена выхода человечества из средневековья, формирования централизованных государств (что достигалось за счет учреждения абсолютных монархий), в европейских странах была вызвана к жизни теория французского юриста Жана Бодена, согласно которой суверенитет безраздельно принадлежит королю. Особенность современного понятия суверенитета, отличающая его от средневекового, заключающаяся в тесной связи понятия суверенитета с нормативной функцией, для Ж. Бодена связана с правом монарха издавать законы, которые ассоциируются с первой, важнейшей функцией монарха, определяющей все прочие его полномочия. В духе идей, сформулированных Ж. Боденом и Т. Гоббсом, выдержано известное изречение, которое легенда приписывает французскому королю Людовику XIV (1638–1715 гг.), заявившему: «Государство – это я» [2, с. 733].

2. Демократические теории суверенитета. В XVII–XVIII вв., в период первых буржуазно-демократических революций и со времен появления конституционных государств, наряду с исследованием признаков суверенитета как неотъемлемого свойства государственной власти, был поставлен вопрос: является ли свойство принадлежности государственной власти единственным признаком суверенитета? Принадлежность государственной власти стала рассматриваться не только как одно из свойств суверенитета, в науке конституционного права стали различаться и ныне различаются, наряду с понятием «суверенитет государственной власти», следующие понятия: «государственный суверенитет», «суверенитет народа», «суверенитет нации». Создаются демократические теории суверенитета (Дж. Локк, Ж. Ж. Руссо), согласно которым источником и носителем суверенитета объявлялся народ как носитель «всеобщей воли». Народный суверенитет характеризуется как «конечный базис всякой государственной власти» [5, с. 443–444]. Демократические теории народного суверенитета периода XVII–XVIII вв., наряду с прогрессивными положениями, содержали и избыточно радикальные идеи о способах достижения (обеспечения) народом своего суверенитета. Известно, что соответственно идеям Локка и Руссо в Декларации независимости США 1776 г., принятой в период борьбы за независимость Североамериканских

Соединенных Штатов Америки против английского короля Георга III, и Конституции Франции 1793 г. закреплялось, соответственно, право народа на сопротивление угнетению, на восстание и др. В Декларации независимости США предусмотрено: «когда какая-либо форма правительства становится гибельной для... цели» обеспечения прав граждан, «то народ вправе изменить или уничтожить ее и учредить новое правительство, основанное на таких принципах и такой организации власти, какие, по мнению этого народа, всего более могут способствовать его безопасности и счастью» [7, с. 177]. Соответствующие идеи воспроизводятся порой и в Конституциях, принятых почти два столетия спустя. Так, в Основном Законе ФРГ 1949 г., в связи с его изменениями и дополнениями в 1968 г. закреплено, что: «Все немцы имеют право оказывать сопротивление всякому, кто попытается устранить» демократический социальный строй государства, «если иные средства не могут быть использованы» [8, с. 587]. Однако это единичные в мировой практике модели правового регулирования способов достижения (обеспечения) народом своего суверенитета.

3. Теории государственного представительства народного суверенитета. Составной частью учений о народном суверенитете являются научные теории и практика государственного представительства народного суверенитета. В ранних демократических теориях, по заключению известного российского исследователя теории суверенитета И. Д. Левина, «верховенство парламента, означающее, прежде всего, независимость от народа, становится догмой английского права, сформулированной Де-Лольмом в крылатой фразе о всемогуществе английского парламента: парламент все может – он не может лишь превратить мужчину в женщину и наоборот» [9, с. 21]. Мировая практика знает примеры не только прогрессивного, но и деспотического воплощения идеи народного суверенитета, в том числе в контексте его реализации через формы представительства – например, в якобинской Конституции 1793 г. во Франции. В современной практике демократических государств мира и современных научных теориях подтверждается роль парламентов как форм представительства народного суверенитета, хранителей демократии. Вместе с тем со времен перехода к всеобщему избирательному праву «хранителями» народовластия и формами представительства народного суверенитета выступают, по нашему мнению, и иные выборные органы публичной власти – прежде всего главы государств, замещающие свои должности на основе территориальных выборов избирателями.

4. Теория разделенного «по вертикали» суверенитета. В XVIII в., в связи с образованием Североамериканских Соединенных Штатов, в период движения к большему усовершенствованию этого Союза и, очевидно, для того, чтобы не вызвать оппозицию со стороны штатов (субъектов Федерации) к процессам большей консолидации, в научной доктрине подвергся обсуждению такой аспект в характеристике суверенитета государственной власти, как возможность ее деления между Федерацией и составными частями Федерации – штатами. В этом контексте со временем сложилось целое направление в исследовании суверенитета государственной власти. В частности, была создана теория разделенного «по вертикали» суверенитета [10, с. 33–34]. С тех пор не только в США, но и в европейских странах исследования суверенитета на определенное время оказались сосредоточены вокруг следующих вопросов: о принадлежности суверенитета Союзу либо членам этого Союза или о делимости (неделимости) суверенитета в федеративном государстве, об ограниченном и полном суверенитетах и др. Таким образом, со времени учреждения первых сложносоставных государств, исследования суверенитета преимущественно идентифицируются с теорией федерализма. По заключению одного из классиков российской науки Б. А. Кистяковского, сделанному им в начале XX столетия, научные исследования в заданном формате (в увязке с системой принципов федерализма) в XIX в. «были направлены в первую очередь и главным образом на анализ и точное определение понятия суверенитета» [1, с. 244]. По его оценкам, на начало XX в. «в этой части произведенную научную работу можно считать совершенно законченной и увенчавшейся полным успехом. Суверенитет теперь окончательно определен как высшая власть, юридико-догматическое понятие, которое не допускает никаких степеней и никаких делений. Понятия ограниченного суверенитета, уменьшенного суверенитета, полусуверенитета или делимости суверенитета сплошь противоречивы; а потому они непригодны для научного объяснения государственно-правовых явлений» [1, с. 244]. Однако этот прогноз

оказался преждевременным: в 90-х гг. XX в. в канун и после распада СССР и ослабления российской государственности (федеральной государственной власти) эта тема, которую Б. А. Кистяковский объявил закрытой еще в начале XX столетия, вновь стала остро дискуссионной. Пик активности дискуссий о признании теорий ограниченного суверенитета, уменьшенного суверенитета, полусуверенитета или делимости суверенитета республик в составе РФ был пройден в России уже на рубеже столетий – с 2000 г. в связи с началом процессов укрепления федеральной власти.

5. Теории государственного суверенитета как суверенитета целого. С конца XIX – начала XX в. в германской и российской науках государствоведения выдвигается концепция наиболее широкого представления о понятии суверенитет, при этом распространенной становится критика и монархических, и демократических теорий суверенитета. На волне этой критики наметилось третье направление в исследовании суверенитета, синтезирующее и модифицирующее оба предыдущих и всецело стоящее на позициях государственного суверенитета. Теории, соотносимые с третьим направлением в учениях о суверенитете, очевидно, можно именовать таким образом: «теории государственного суверенитета как суверенитета целого» или как «полноформатная» государствоведческая теория суверенитета. У истоков этих теорий – учение Гегеля о государственном суверенитете, согласно которому необходимо признать понятие «юридическая личность государства». В отличие от Гегеля его последователи (германская юридическая школа П. Лабанда – Г. Еллинека) считают, что государство – это не мировой разум, а «юридическое лицо, действующее через свои элементы (органы)». К элементам государства, согласно древнейшим теориям о государстве, относят три: население, территорию, власть. Все эти элементы рассматриваются как неразрывно связанные части (органы) государства. Как пишет Г. Еллинек, «отдельные элементы государства взаимно обуславливают друг друга и поэтому выделить один из них возможно только гипотетически, так как каждый из элементов предполагает все другие». Следовательно, суверенитет надо связывать с государством как единым целым, как единой юридической личностью, а не с отдельными его элементами (органами)». По мнению Г. Еллинека, при всем различии монархической и демократической теорий суверенитета, с государствоведческих (а не политических) позиций они стоят в одном ряду, поскольку каждая из них отождествляет суверенитет только с одним из элементов (органов) государства (монархом, парламентом или народом). В результате в процессе практической реализации соответствующих учений о суверенитете возникает «перекос», дисгармония во всей конструкции власти. Идея государственного суверенитета искажается: он выступает как воплощение личного суверенитета либо корпоративного (социального) суверенитета парламента или какой-то группы (слоя) людей. Поэтому монархические и демократические учения о суверенитете, разработанные в XIV–XVII вв., по заключению Еллинека, являются недостаточными для выяснения суверенитета государства. Еллинек замечал, что «даже в учении Гоббса, имевшем столь большое влияние, суверенитет государства совершенно поглощается суверенитетом князя... Не только абсолютный властитель Гоббса, но и наделенный деспотической властью парламент Блэкстона и, наконец, обладающий неотчуждаемой властью народ Руссо – относятся к одному и тому же циклу идей» [5, с. 450].

По нашему мнению, при оценках с позиций классических подходов к определению государства как единства трех элементов: территории, населения, власти, в этой триаде элементов государственную (публичную) власть можно считать системообразующим элементом. Народ, органы государства (глава государства, парламент), территорию государства объединяет то общее, что все они так или иначе связаны с государственной властью: являются либо источниками и (или) субъектами государственной власти (народ, органы государственной власти), либо объектами государственной власти (территория). Таким образом, государственная власть выполняет роль системообразующей «несущей» конструкции в системе государства, поэтому суверенитет должен быть приписан свойствам государственной власти. Вместе с тем суверенитет как свойство государственной власти дедуцируется на государство в целом, становится воплощением государства в целом, приобретает характер государственного суверенитета.

6. Учение о формально-юридическом понимании суверенитета. Важной частью рассматриваемой «полноформатной» государствоведческой (государственно-правовой) теории суверенитета

является учение о формально-юридическом его понимании. Согласно формально-юридическим подходам, суверенитет – это правовое всемогущество государства, но предполагающее способность государства к правовому самоограничению. Суверенное государство – это государство, способное к осуществлению свободного, учредительного конституционно-правового регулирования своего статуса, к самостоятельному установлению своих правовых границ. Авторами-теоретиками этого направления являются: в Германии начала XX в. – Краббе [11, с. 31, 47, 245], в России – государствоведы дореволюционного (социалистическая революция 1917 г.) периода: Ф. Ф. Кокошкин, П. И. Елистратов, Н. И. Палиенко и др.; в Австрии – венская государственно-правовая школа в лице Г. Х. Кельзена (1881–1974), других авторов. Ф. Ф. Кокошкин, П. И. Елистратов, в частности, обосновали идею «суверенитета права, верховенства безличных норм права» [9, с. 38]. Ф. Ф. Кокошкин, констатируя, что верховная власть ограничена правом, писал: «Над суверенной властью, действительно, не стоит никакой другой высшей власти, никакого лица, но над нею стоят безличные нормы права. Как и всякая другая власть, она основана на праве и ограничена правом. Но из всех, устанавливаемых правом, властей суверенная власть есть высшая» [4, с. 173]. Таким образом, речь, по сути, идет о провозглашении суверенитета права [9, с. 30].

Развивая германскую юридическую теорию, венский профессор Х. Кельзен пришел к заключению, что суверенитет государства – это свойство правопорядка. Х. Кельзен считал, что суверенитет не принадлежит ни нации, ни народу, ни даже государству. Он писал: «Только праву принадлежит суверенитет». В этой связи, в частности, по мнению Кельзена, «государство... как личность есть через познание права олицетворенное (персонифицированное) право» [12, с. 39]. Х. Кельзен сформулировал концепцию, согласно которой государство – это правопорядок, суверенитет государства – это свойство правопорядка, заключающееся в его «невыводимости» из другого правопорядка. В соответствии с учением Кельзена, «если данная норма не может быть выведена из какой-либо выше ее стоящей, если источник ее значимости заложен в ней самой, то она принадлежит к наивысшему, а следовательно, суверенному правопорядку» [9, с. 38–39].

7. Особенности методологии научных исследований теории суверенитета в современной российской науке. Особенность научных исследований теории суверенитета в российской науке с 60-х гг. XX столетия заключается в том, что они сформированы в двух контекстах: с одной стороны, как составная часть теории федерализма (научные концепции недопустимости национальной дискриминации, учения о национальном самоопределении в РФ через создание национально-культурных автономий, теории об ограниченном суверенитете республик в составе РФ); с другой – как составная часть учения об общественном строе (общественно-политическом строе, основах конституционного строя), согласно которым суверенитет идентифицируется с фундаментальным принципом конституционного строя государства и со всеми активными субъектами политики, являющимися составными подразделениями механизма осуществления государственной власти. Так, по определению профессора В. А. Ржевского, данному им еще в 60-х гг. XX в., общественно-политический строй как институт государственного (конституционного) права, как система основополагающих принципов политического, экономического и социального устройства общества является воплощением суверенитета народа [13–15]. Конструкция «общественный строй» (общественно-политический строй, основы конституционного строя) – это более широкий формат исследования, российский аналог (модификация) западной классической концепции триединой сути государства (как соединения таких минимальных признаков, как территория, население, власть). В его создании можно проследить и «след» марксовой теории «общественно-экономической формации».

В новейшей российской юридической литературе отдельными авторами высказывается наиболее широкая точка зрения относительно методологии научного исследования суверенитета (отождествляемого с государственным суверенитетом): «что государственный суверенитет является ключевой, несущей конструкцией конституционного права, закрепление и раскрытие которой – одна из главных задач данной отрасли права в целом», что это та идея, «которая пронизывает большинство конституционно-правовых норм, входящих в различные конституционно-правовые институты и даже подотрасли». Указывается, что «государственный суверенитет можно охарактеризовать как конституционно-правовой принцип, который формально закреплен лишь в ч. 1 ст. 4 Конституции РФ, однако фактически реализован в нормах, структурно входящих в состав мно-

гих институтов конституционного права (федеративного устройства, наименования государства, гражданства, общественных объединений, органов государственной власти и др.)» [16; 17, с. 19].

Суть еще одной методологической позиции, которая была сформулирована и в юридической науке советского периода, и все более утверждается в новейшей российской юридической литературе, заключается в следующем: «содержание принципа суверенитета исключает одновременное существование нескольких суверенных властей в одном государстве»; «суверенитет един, он не может быть разделен между народом, нацией и государством, это различные стороны одного и того же социально-политического и конституционно-правового явления»; «при этом именно суверенитет народа лежит в основе государственного суверенитета» [18, с. 341].

8. Концепция суверенитета как естественного публичного права. С позиций истории происхождения суверенитета и в контексте «наработок», представленных в различных теориях суверенитета, классических и современных научных исследованиях, эволюции цивилизаций, с позиций системного осмысления, есть основания для вывода, что возможен такой аспект в характеристике суверенитета, как его исследование в качестве сложносоставного субъективного права. Актуальными являются исследования признаков суверенитета как естественного права, принадлежащего государству в целом (как сложносоставному образованию, в единстве его элементов), как естественного права государства, т.е. права, имеющего публичное происхождение.

В государствоведческой и правовой науках разных стран и времен выделялись (выделяются в настоящее время) различный набор (перечень) признаков (свойств) суверенитета. Суммируя имеющиеся воззрения, можно дать следующие определения суверенитета.

1. В юриспруденции суверенитет идентифицируется со свойством статусов определенной категории субъектов конституционно-правовых и международно-правовых отношений, которые не могут быть специальными субъектами частно-правовых отношений, а являются преимущественно либо исключительно субъектами публичного права. В российской науке советского периода распространенной являлась идентификация суверенитета со статусами трех категорий субъектов, т.е. осуществлялось деление суверенитета на три вида: народный, национальный и государственный [19, с. 28]. Как указывалось, в научной литературе постсоветского периода все более поддерживается противоположная позиция, что следует говорить о различных аспектах *государственного суверенитета* как единого целого (в контексте Гегельянской концепции, получившей развитие в трудах Г. Еллинек, – государства как юридического лица) [18].

Согласно классической европейской концепции, «происхождение теории суверенитета надо искать в государстве, а суть народного суверенитета необходимо искать в установлении объема и границ единоличной (в историческом контексте – монархической. – Ж. О.) власти» [5, с. 444].

2. Суверенитет проявляется в различных, но взаимосвязанных формах, прежде всего представительной и непосредственной демократии.

3. Суверенитет – это состояние статуса соответствующего субъекта (института) власти, характеризующееся достижением им наибольших высот – верховенства в системах экономической (монополизация крупной собственности) и политической (государственной) власти в обществе. Как отмечал еще Ж. Боден, основатель анализируемой теории, суверенитет всегда означает превосходную степень в сфере обладания властью и в способности ее осуществления. По мнению В. С. Шевцова, верховенство является комплексным, сложносоставным свойством (понятием) государственной власти, в котором находит свое взаимное сочетание и согласование ряд суверенных свойств государственной власти. Суверенитет государственной власти включает все иные ее свойства (признаки), такие как единство, полновластие, неограниченность, самостоятельность и независимость [20, с. 31, 32]. Однако достижение высот, верховенство в иных системах жизнедеятельности общества (допустим, в экономической системе – монополизация крупной собственности и др.) свойств суверенитета не создает, но может создать основу для оппонирования государственному суверенитету.

В классической немецкой литературе, да и многими российскими специалистами, высказываются, однако, и иные мнения о соотношении верховенства и других признаков государственной власти. Так, еще Г. Еллинек замечал, что верховенство проявляется как приоритет государственной власти во внутренних отношениях, по сравнению с другими, входящими в состав государства

лицами. Между тем независимость как признак государственной власти «проявляется преимущественно вовне, в отношениях суверенного государства с другими державами» [5, с. 457].

4. Суверенитет характеризуется как определенное состояние отношений верховного господства – подчинения, право верховной государственной власти. Суверенитет – есть монополия, концентрация властного принуждения. Как писал Г. Еллинек, господствующая власть – это власть, не терпящая сопротивления: «Властвовать – значит повелевать безусловно и быть в состоянии принуждать к исполнению. От всякой власти подчиненный может уклониться, но только не от власти господствующей» [5, с. 415].

5. Суверенитет является постоянным качеством его субъекта (источника, носителя); суверенитет – это состояние, не ограниченное во времени. В свое время Ж. Боден указывал, что «временный правитель – не обладатель суверенитета, а лишь хранитель власти» [9, с. 19].

6. Суверенитет может быть определен как свойство, неотъемлемое, неотчуждаемое от источника власти.

7. Суверенитет предполагает свободу воли и самоопределения субъекта, являющегося источником и носителем суверенитета, а также деликтоспособность субъекта – носителя суверенитета, его способность нести ответственность перед источником верховной государственной власти. В то же время суверенитет означает полную ответственность субъекта – источника верховной государственной власти перед кем бы то ни было.

8. В числе отличительных признаков суверенитета называется полновластие, не ограниченность во власти субъекта, являющегося источником и носителем суверенитета. Суверенитет может быть определен как приоритет (монополия) во власти субъекта, являющегося, соответственно, носителем (источником) верховной власти.

9. Неотъемлемым показателем суверенитета государства (государственной власти) является независимость и самостоятельность государства (государственной власти) как субъекта (форм – воплощения) народного (классового в условиях авторитарных обществ) суверенитета. Как писали еще классики советского государственного права, суверенитет государства (государственной власти) проявляется в двух качествах: самостоятельности (но не независимости) внутри данной страны и независимости на международной арене [19, с. 29].

10. В «списке» признаков суверенитета указывается его неделимость, единство суверенитета. Однако есть и научные теории делимости суверенитета государства (государственной власти).

11. Суверенитет по своему историческому происхождению «есть представление политическое, лишь впоследствии превратившееся в правовое» [19, с. 421].

12. Суверенитет неразрывно связан с вопросом о соотношении государства и права. Со времени появления конституций суверенитет связан не с абсолютной, неограниченной властью государства (не ограниченной правом), а выступает как свойство правового государства [5, с. 463]. Неограниченность государственной власти надо понимать как неограниченность законодательной деятельности государства; как право государства осуществлять управление обществом через издание общеобязательных правовых актов, которые, помимо прочего, ограничивают и саму государственную власть. Как писал в свое время Г. Еллинек, «суверенитет есть не безграничность, а способность юридически не связанной внешними силами государственной власти к исключительному самоопределению, а потому и самоограничению путем установления правопорядка, на основе которого деятельность государства только и приобретает подлежащий правовой квалификации характер. Суверенитет... то свойство государственной власти, в силу которого она обладает исключительной способностью к правовому самоопределению и самообязыванию» [5, с. 463]. Г. Еллинек также отмечал, что «суверенитет означает невозможность быть юридически ограниченным, вопреки собственной воле, какой-либо другой властью государственного или негосударственного характера» [5, с. 463].

Таким образом, согласно учению Г. Еллинека, государство суверенно, поскольку имеет неограниченную правовую власть устанавливать правопорядок в обществе и определять свою компетенцию. Причем и эта неограниченность по ряду причин условна, поскольку, в частности, «всякое право делается таковым только благодаря тому, что обязывает» не только общество, которому адресовано, но и саму государственную власть, формирующую позитивное право [5, с. 464, 465].

И. Д. Левин в середине XX века также отмечал, что «суверенитет заключается не в нарушении права, а в свободном установлении своего права» [9, с. 135].

13. По своему происхождению теория суверенитета является «теорией отрицательной, целью которой служит самоутверждение государства» путем отрицания любой другой равновеликой государству социальной власти [4, с. 449]. Ф. Ф. Кокошкин, вслед за Г. Еллинеком, писал: «Понятие суверенитет... чисто отрицательное – суверенная власть есть независимая власть; над ней не стоит никакой другой власти» [4, 173].

14. Понятию «суверенитет» еще со времен Бодена и Гоббса и по состоянию на начало XXI века приписывается не только отрицательное, но и так называемое «положительное содержание». Под положительным содержанием суверенитета понимаются «суверенные права государства» либо иные представления. В частности, путем перечисления отдельных ее прав определял содержание суверенной власти Ж. Боден. К правам суверенитета Ж. Боден относил от пяти до восьми (по подсчетам разных исследователей его творчества) прав: право законодательства, право объявлять войну и заключать мир, право назначения высших должностных лиц, право верховной юрисдикции (суда в последней инстанции), право помилования, право решать вопросы жизни и смерти, право чеканить монету, взимать налоги и некоторые другие. При таком подходе «понятие суверенитет явно принимает наступательный характер, становится активной политической идеей» [5, с. 446–447]. Позднее попытки дать понятию суверенитета положительное содержание предпринимал и Локк в своей характеристике четырех властей, которые он различал в государстве – законодательной, исполнительной, федеративной власти и прерогативы (власть монарха) [5, с. 448].

В российской юриспруденции высказаны разные мнения по вопросу о том, что следует вкладывать в понятие «положительное содержание» суверенитета. Так, согласно одной позиции, суверенные права следует идентифицировать с компетенцией органов и должностных лиц государства; либо с тем, что «суверенные права составляют не всю компетенцию, а лишь ее ядро» [21, с. 40]. В соответствии с другой концепцией, к суверенным правам государства в условиях его федеративного устройства следует отнести «предметы суверенного ведения» этого государства» [21, с. 41–49; 14, с. 59–62]. Некоторые авторы считают, что суверенитет государства (и государственной власти) «реализуется через осуществление функций этого государства», имеет непосредственную связь с функциями государства [20, с. 41].

15. Укажем, что эта категория имеет определенную структуру. В структуре суверенитета следует различать: субъект, объект и суверенные права, составляющие содержание суверенитета.

16. Как отмечал Г. Еллинек, «весь процесс исторического развития современного государства из средневекового был внутренне связан с прогрессирующим познанием суверенитета» [5, с. 456]. При этом на всем протяжении мировой исторической практики идея суверенитета остается значимой в том числе и в ее понимании, которое справедливо усмотрел в этой идее основатель учения о суверенитете Ж. Боден: она была и остается «единственным средством установления (и сохранения. – Ж. О.) единства государства, спасения его от раздирающих междоусобиц» [5, с. 140, 141]. Однако если «исторически теория суверенитета склоняет к абсолютизму, к идее суверенной власти» [5, с. 140, 141], то позднее учение о суверенитете оказалось востребованным в контексте достижения целей и задач конституционных государств. Нормы о суверенитете составляют quintessence конституционного регулирования уже со времени появления первых буржуазно-демократических конституций, поскольку принятие первых в мировой практике конституций связано с целью установления народного суверенитета, народовластия, передачей высшей (учредительной) власти народу и органам народного представительства – парламентам, осуществляющим принятие законов как нормативных актов, превосходящих по их юридической силе и опережающих по времени принятия правовые акты глав государств и исполнительной власти. Вместе с тем цель сохранения единства государства и в новых условиях – признания народного суверенитета и прекращения абсолютной (суверенной) власти монарха – явилась причиной, вызвавшей к жизни конституцию как основной закон государства – юридическую форму закрепления (нормативно-правового обеспечения) единства государства в условиях провозглашения новой конструкции власти, основанной на принципах народного суверенитета и «разделения властей». Цель сохранения единства государства, на наш взгляд, и в современных условиях лежит в основе

формуліравання в конституцыях норм о суверенітэце, разлічных яго аспектах. Ідея суверенітэта складае прадмет ісклучітельнага канстытуцыйнага (лібо спецыяльных актаў, імаючых канстытуцыйна-прававую прыроду – дэкларацый, харціяў) рэгуліравання. В сілу таго, што палажэння о народным суверенітэце і дзяржаўным суверенітэце складаюць сутнасць характэрыстыкі канстытуцый как віда істочніка (формы) права, прадстаўляюць сабой відоабразаючыя паказатэлі, адлічаючы канстытуцыю ад іных нарматывных актаў, саотвэтствуючыя нармы в савремених канстытуцыях явяляюцца іх абязатальнымі элемэнтамі. Аднак працэсы глабалізацыі дэлаюць актуальнай разрабатку новай канцэпцыі канстытуцыйнага рэгуліравання дзяржаўных суверенітэтаў, котрая бы абеспечыла рэальную незавісімость дзяржаўства і народны суверенітэт в условіях шырокамасштабных міжнародных інтэграцыйных працэсах.

17. Шырокую паддэржку, в том чысле на высокал офіцыялном урвнэ, імаеа адредленіе суверенітэта как свободы. Так, Прэзідэнтам Російскай Федэрацыі В. В. Пуціным в яго выступлэнні 2 октября 2015 г. на 70-й сэссіі Генэральнай Ассамблэі ООН был дан такога рода авет о дэфініцыі панятыя «суверенітэт»: «Что такое дзяржаўственный суверенітэт, о котром здэсь уже коллэгі гаворылі? Это прэждэ вэсего впрос свободы, свободного выбора своэй судьбы для каждого челоуека, для народа, для дзяржаўства» [22].

Спісок іспользаваных істочніках

1. Кістыяковскій, Б. А. Філасофія і сацыялогія права / Б. А. Кістыяковскій. – СПб.: РХГІ, 1999. – 800 с.
2. Советскій энцыклопэдычэскі слоуарь / гл. ред. А. М. Прохоров. – Изд-е 2-е. – М.: Сов. энцыкл., 1983. – 1599 с.
3. Большой юридический слоуарь / под ред. А. Я. Сухарева, В. Е. Крутских. – М.: ИНФРА-М., 2001. – 704 с.
4. Кокошкін, Ф. Ф. Лекцыі по общему дзяржаўственному праву / Ф. Ф. Кокошкін. – М.: Зерцало, 2004. – 312 с.
5. Еллінек, Г. Общее учение о дзяржаўстве / Г. Еллінек. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004. – 752 с.
6. Федорова, М. М. Суверенітэт как політыко-філасофская категория современности / М. М. Федорова // Демократія как політыко-філасофская категория современности (многочобразіе історычэского опыта). – М.: Ідея-Пресс, 2010. – 236 с.
7. Хрестоматія по всеобщей історыі дзяржаўства і права : учеб. пособие / под ред. З. М. Черніловскаго ; сост. В. Н. Садыков. – М.: Гардарыка, 1996. – 413 с.
8. Конституцыі дзяржаўств Европы : в 3 т. – Т. 1 / под ред. Л. А. Окунькова. – М.: Норма, 2001. – 824 с.
9. Левін, І. Д. Суверенітэт / І. Д. Левін. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003. – 375 с.
10. Тэпс, Д. Концэптуальныя асновы фэдэралізма / Д. Тэпс. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2002. – 204 с.
11. Krabbe, H. Die Lehre der Rechtssouverenitat. Beitrag zur Staatslehre / H. Krabbe – Groningen, 1906. – 254 s.
12. Гурвіч, Г. С. Народ, народны суверенітэт і народное прадстаўіцельство в советской сістэме / Г. С. Гурвіч // Сов. дзяржаўство і право. – 1958. – № 12. – С. 38–47.
13. Фарбер, І. Е. Вопросы теорыі советского канстытуцыйнага права / І. Е. Фарбер, В. А. Ржэвскій. – Саратов : Прыволж. кн. изд-во, 1967. – 19 с.
14. Ржэвскій, В. А. Общественно-політычэскі строй СССР как воплощенье суверенітэта советского народа / В. А. Ржэвскій, В. А. Рянжін, В. А. Сывов. – Ростов н/Д : Изд-во Рост. ун-та, 1974. – 132 с.
15. Степанов, І. М. Советская дзяржаўственная власть / І. М. Степанов. – М.: Наука, 1979. – 148 с.
16. Горюнов, В. В. Суверенітэт Російскай Федэрацыі : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / В. В. Горюнов. – Екатеринбург, 2007. – 237 л.
17. Дамдінов, Б. Д. Дзяржаўственный суверенітэт в сістэме прынцыпов фэдэратыўнаго устроўства Росії: некотрые праблемы теорыі і практыкі / Б. Д. Дамдінов // Сібірскій юрид. вестн. – 2003. – №4. – С. 15–19.
18. Эбзеев, Б. С. Челоуек, народ, дзяржаўство в канстытуцыйном строе Російскай Федэрацыі / Б. С. Эбзеев. – М.: Юрид. літ., 2005. – 576 с.
19. Сущность советского дзяржаўственного права : учеб. пособие / С. М. Равін [и др.] ; отв. ред.: С. И. Русінова. – Ленинград : Изд-во Ленингр. ун-та, 1963. – 86 с.
20. Шевцов, В. С. Суверенітэт Советского дзяржаўства / В. С. Шевцов. – М.: Юрид. літ., 1972. – 264 с.
21. Шафір, М. А. Компетэнцыя СССР і соўзной рэспублікі / М. А. Шаріф. – М.: Наука, 1968. – 227 с.
22. Путин, В. В. Выступление на 70-й сэссіі ООН, 2 октября 2015г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=7G47oJANA8>. – Дата доступа: 07.07.2016.

References

1. Kistyakovskii, B. A. (1999) *Filosofiya i sotsiologiya prava* [Philosophy and sociology of law], RHSI, SPb, RU
2. (1983) *Sovetskii entsiklopedicheskii slovar'* [Soviet encyclopedic dictionary], Soviet dictionary, Moscow, RU
3. (2001) *Bol'shoi yuridicheskii slovar'* [Big legal dictionary], INFRA-M, Moscow, RU
4. Kokoshkin, F. F. (2004) *Lektsii po obshchemu gosudarstvennomu pravu* [Lectures on general public law], Zepcalo Publ., Moscow, RU

5. Ellinek, G. (2004) *Obshchee uchenie o gosudarstve* [General teaching about state], LC Press, SPb., RU
6. Fedorova, M. M. (2010) *Suverenitet kak politiko-filosofskaya kategoriya sovremennosti* [Sovereignty as political philosophical category of modern times], Idea-Press, Moscow, RU
7. (1996) *Khrestomatiya po vseobshchei istorii gosudarstva i prava* [Reader on universal history state and law], Gardarica, Moscow, RU
8. (2001) *Constitutsii gosudarstv Evropy* [Constitution state Europe], Norma, Moscow, RU
9. Levin, I. D. (2003) *Suverenitet* [Sovereignty], LC Press, SPb., RU
10. Teps, D. (2002) *Conceptual'nye osnovy federalizma* [Conceptual basics of federalism], LC Press, SPb., RU
11. Krabbe, H. (1906) *Die Lehre der Rechtssouverenitat. Beitrag zur Staatslehre* [The teaching of Rechtssouverenitat. Contribution to political theory], Groningen, DE
12. Gurvich, G.S. (1958) "People, people's sovereignty and folk representation in soviet system" *Sovetskoe gosudarstvo i pravo* [Soviet state and right], 1958, no. 12, pp. 38-47.
13. Farber, I. E. and Rzhetskii, V. A. (1967) *Voprosy teorii sovetskogo konstitutsionnogo prava* [Questions of theory soviet constitution law], PBP, Saratov, RU
14. Rzhetskii, V. A., Ryzanin, V. A. and Sivov, V. A. (1974) *Obshchestvenno-politicheskii stroi SSSR kak voploshchenie suvereniteta sovetskogo naroda* [Public political formation USSR as translate sovereignty soviet people], RU Publ., Rostov-on-Don, RU
15. Stepanov, I. M. (1979) *Sovetskaya gosudarstvennaya vlast'* [Soviet state power], Science, Moscow, RU
16. Goryunov, V. V. (2007) *Suverenitet Rossiiskoi Federatsii. Diss. kand. yur. nauk.* [Sovereignty of Russian Federation. Dr. phys. diss.], Yekaterinburg, RU
17. Damdinov, B.D. (2003) "State sovereignty in system principles federated formation of Russia: some problem theory and practice", *Sibirskij yuridicheskij vestnik* [Siberia legal bulletin], no. 4, pp. 15-19.
18. Ebzeev, B. S. (2005) *Chelovek, narod, gosudarstvo v konstitutsionnom stroe Rossiiskoi Federatsii* [Man, people, state in constitutional formation of Russian Federation], Law lit., Moscow, RU
19. Rusinova, S. I. (ed.) (1963) *Sushchnost' sovetskogo gosudarstvennogo prava* [Essence soviet public law], LU Publ., Leningrad, RU
20. Shevtsov, B. S. (1972) *Suverenitet sovetskogo gosudarstva* [Sovereignty soviet state], Law lit., Moscow, RU
21. Sharif, M. A. (1968) *Competentsiya SSSR i soyuznoi respubliki* [Competence USSR and soviet republic], Law lit., Moscow, RU
22. Putin, V. V. "Appearance on 70 session of UN" Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=7G47oJJANA8> (accessed 7 July 2016).

Информация об авторе

Овсепян Жанна Иосифовна – д-р юрид. наук, проф., зав. кафедрой государственного (конституционного) права юрид. факультета. УО «Южный федеральный университет» (ул. большая садовая, 105/42, 344006, Ростов-на-Дону, российская федерация). e-mail: Ovsepyan-G-I@yandex.ru.

Information about the author

Ovsepyan Jeanne Iosifovna – D. Sc. (Law), Professor, Head of the Department of state (constitutional) law. Southern Federal University (M. Gorkogo Str., 88, 344002, Rostov-on-Don, Russian Federation). E-mail: Ovsepyan-G-I@yandex.ru.

Для цитирования

Овсепян, Ж. И. Основные научные концепции суверенитета: классические учения и развитие современного правовопонимания / Ж. И. Овсепян // Вес. Нац. акад. наук Беларуси. Сер. гуманіт. навук. – 2016. – № 4. – С. 99–109.

For citation

Ovsepyan Z. I. Basic scientific concepts of sovereignty: the classical doctrine and the development of modern legal consciousness. Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus, humanitarian series, 2016, no. 4, pp. 99-109.

ЭКАНОМІКА
ECONOMICS

УДК 332.135

Поступила в редакцию 28.06.2016
Received 28.06.2016

Т. С. Вергинская

Институт экономики НАН Беларуси, Минск, Республика Беларусь

**РАЗМЕЩЕНИЕ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ СИЛ
КАК ИНСТРУМЕНТ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ РЕГИОНОВ**

Обосновываются необходимость и возможность ориентации на принцип устойчивого развития интеграционной политики Евразийского экономического союза (ЕАЭС), что отвечает новым тенденциям мирового порядка и может в перспективе укрепить международные позиции евразийской интеграции.

Показано, что в механизме экономической интеграции регион может стать ключевым субъектом внешнеэкономических связей, который по своему положению в системе национальной и региональной экономики более всего заинтересован продвигать идеи устойчивого развития.

Сформулированы исходные концептуальные положения обеспечения устойчивого развития регионов в механизме экономической интеграции в ЕАЭС. Это – адаптация политики устойчивого развития к местным особенностям и расширение международного сотрудничества регионов: включение не только экономической, но экологической и социальной сфер; сопряжение интеграционной и региональной политики стран-участниц ЕАЭС. Помимо этого, устойчивое развитие экономической интеграции связывается с ростом многообразия субъектов этих отношений и усилением ее общественной составляющей.

Предложена общая схема механизма управления интеграционными связями регионов стран-членов ЕАЭС с учетом императива устойчивого развития, которая включает три вектора, в числе которых относительно новое направление – взаимоуязванная политика в области размещения производительных сил стран-участниц евразийской интеграции.

В частности, показаны направления модернизации факторов размещения, которые происходят в настоящее время под влиянием рыночных сил, новых технологических укладов, активного вхождения в мировой рынок стран и регионов. Определены наиболее значимые размещенческие факторы применительно к экономическим и социальным объектам, реализующим интеграционные связи на региональном уровне. Сделан вывод о двух ведущих формах размещения производительных сил, основанных на инновационной парадигме и принципе устойчивого развития, которые наиболее адекватны развитию интеграционных связей регионов. Это – территории (зоны) с высоким уровнем концентрации инновационной деятельности и международные кластерные структуры.

Ключевые слова: Евразийский экономический союз, интеграция, кластеры, механизм, размещение производительных сил, регион, политика размещения, факторы размещения, устойчивое развитие.

T. S. Viartsinskaya

National Academy of Sciences of Belarus, Institute of Economics, Minsk, Republic of Belarus

**PLACEMENT OF PRODUCTIVE FORCES AS THE INSTRUMENT OF ENSURING
OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF ECONOMICAL INTEGRATION ON THE REGIONAL LEVEL**

Need and possibility of orientation to the principle of a sustainable development of integration policy of the Euroasian economic union (EEU) is proved in article. It answers on new tendencies of a world order and can strengthen the international positions of the Euroasian integration in the long term.

It is shown that in the mechanism of economic integration the region can become the key subject of foreign economic relations. Region is most of all interested to advance ideas of a sustainable development base on the position on the system of national and regional economy.

Starting conceptual positions of providing the sustainable development of regions on the mechanism of economic integration in EEU are formulated. It is adaptation of policy of a sustainable development to local features and expansion of the international cooperation of regions: inclusion not only economic, but ecological and social spheres; interface of integration

and regional policy of member countries of EEU. In addition, the sustainable development of economic integration is connected with the growth of variety of subjects of these relations and strengthening of its public component.

The general scheme of the mechanism of management of integration communications of regions-countries-member of EEU is suggested, taking into account an imperative of a sustainable development which includes three vectors, among which rather new direction interconnected policy in the field of placement of productive forces of member countries of the Euroasian integration.

In particular, the directions of modernization of factors of placement which occur under the influence of market forces, new technological ways, active entry into the world market of the countries and regions now are shown. The most significant placement factors in relation to the economic and social objects realizing integration communications at the regional level are defined. The conclusion is drawn on two leading forms of placement of the productive forces based on an innovative paradigm and the principle of a sustainable development which are most adequate to development of integration communications of regions. These are territories (zone) with the high level of concentration of innovative activity and the international cluster structures.

Keywords: Euroasian economic union, integration, clusters, mechanism, placement of productive forces, region, policy of placement, placement factors, sustainable development.

Постановка проблемы. Сегодня мировая повестка экономического развития стран и регионов в качестве одного из важнейших императивов включает принцип устойчивого развития. Как известно, под *устойчивым развитием* понимается развитие, которое соответствует потребностям нынешнего поколения без ущерба для возможности будущих поколений удовлетворять их собственные потребности и выбирать свой образ жизни. Такой подход определяет необходимость взаимоувязанного развития экономической, социальной и экологической сфер.

Эта идея, впервые сформулированная в Декларации в Рио-де-Жанейро в июне 1992 года, сегодня получает дальнейшее развитие. Так, в резолюции, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 25 сентября 2015 года «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года», рассматриваемая концепция получила еще более детальное уточнение в формулировке 17 целей и 169 задач в области устойчивого развития. Поставленные задачи носят комплексный характер и обеспечивают сбалансированность всех трех компонентов устойчивого развития: экономического, социального и экологического [1].

Логическим продолжением развития данной концепции должно стать применение отдельных принципов устойчивого развития применительно к международным экономическим связям. И это направление уже получило определенное развитие как в теории, так и на практике.

Например, Европейская экономическая комиссия ООН (ЕЭК ООН) процесс интеграции и международное сотрудничество в своей практической работе рассматривает с позиций принципа устойчивого развития [2]. В разработанной Национальной стратегии устойчивого развития Республики Беларусь до 2030 года (НСУР-30) внешнеэкономическая политика страны также определяется в терминах устойчивого развития [3; 4].

На наш взгляд, перспективы, устойчивость и жизнеспособность формируемого регионального объединения Евразийский экономический союз (ЕАЭС) во многом будут зависеть от того, насколько этот интеграционный проект будет отвечать новым вызовам и мировым тенденциям развития.

В частности, возможность обеспечить приверженность цели содействия экологически безопасному и устойчивому развитию экономической интеграции в рамках формирования ЕАЭС обусловлена следующими условиями.

Во-первых, в настоящее время страны-члены ЕАЭС отстают от развитых стран по показателям, отражающим устойчивое развитие. Поэтому решение этой задачи на совместной, коллективной основе представляется важной целью создания ЕАЭС.

Во-вторых, ориентация на принципы устойчивого развития отвечает интересам населения, расширяет тем самым социальную базу интеграции и способствует появлению ее новых сторонников.

В-третьих, практическая реализация концепции экономической интеграции на принципах устойчивого развития потенциально способна во многом учесть негативный опыт существующих региональных группировок и предложить новые механизмы преодоления ряда проблем и узких мест интеграционной политики, с которыми столкнулись страны-члены других региональных объединений. Например, в ЕС это – усиление неравенств, дифференциация социально-экономического развития регионов под воздействием внешнеэкономического фактора и др.

Такой подход актуализирует проблему разработки теоретической и практической основы дальнейшего формирования и функционирования ЕАЭС с учетом необходимости его устойчивого

развития. В этой связи важными научными задачами являются разработка принципов устойчивого развития применительно к интеграционным связям, обоснование выделения управленческого уровня, на котором они могут быть с наибольшей результативностью реализованы, выявление ключевых инструментов и способов обеспечения устойчивого развития в структуре механизма управления экономической интеграцией.

В настоящей статье в рамках обозначенных научных задач в качестве гипотезы выдвигаются два положения. Первое – ключевым звеном в новой парадигме экономической интеграции в рамках ЕАЭС выступает региональный уровень. Второе положение определяет инструмент размещения производительных сил как один из возможных способов обеспечения устойчивого развития международной экономической интеграции, который в настоящее время практически не используется.

Концептуальная основа обеспечения устойчивого развития интеграционных связей на региональном уровне. В реализации концепции устойчивого развития интеграционных связей, по мнению автора, *региональный (субнациональный) уровень* должен выступить определяющим звеном. Это связано с тем, что регион является тем субъектом интеграционных отношений, где цели устойчивого развития наиболее адекватны его положению как в системе управления национальной экономикой, так и региональным объединением, в данном случае ЕАЭС.

Для обоснования этого положения прежде всего следует отметить ряд общих особенностей региона как субъекта интеграционных отношений.

Регион в лице органов регионального (местного) управления и самоуправления как потенциальный участник мирохозяйственных связей занимает *промежуточное место* между межгосударственным, национальным уровнями управления и субъектами хозяйствования различных форм собственности.

Как известно, национальные органы управления являются доминирующими в регулировании внешнеэкономических связей (ВЭС) и долгое время они рассматривались как единственный участник, для которого определена международная правосубъектность. Независимо от возможной степени территориальной децентрализации управления ВЭС, практикуемой в той или иной стране, а также объема полномочий наднациональных органов управления, если такие имеются, *регион как субъект управления внешнеэкономическими связями* всегда выполняет *подчиненную и дополняющую роль*. При этом он не только не может реализовывать свои функции без участия вышестоящих уровней управления, поскольку требует создания соответствующего правового «поля» и осуществляет *внешнеэкономическую деятельность ассоциированного характера по отношению к нижестоящему уровню*.

Ее смысл заключается в том, что внешнеэкономические связи на региональном (местном) уровне реализуются через «коллективное» участие в ВЭС региональных (местных) органов власти и субъектов хозяйствования.

Поэтому регион более всего заинтересован в создании *соответствующей региональной среды внешнеэкономической деятельности*, выражая интересы как производителей, так и потребителей, находящихся на территории, а также региональных (местных) органов власти. Ассоциированный характер участия во внешнеэкономической деятельности предполагает также, что регион заинтересован в росте числа участников интеграционных отношений.

Следовательно, потенциально в орбиту внешнеэкономических интересов регионального уровня управления могут включаться экономические, экологические, социальные аспекты регионального развития, что составляет триаду устойчивого развития.

Между тем главная особенность региона в контексте его внешнеэкономической деятельности вытекает из того, что он является сложным, многоаспектным и многофункциональным экономическим образованием. Речь идет о том, что, во-первых, регион – это подсистема национальной экономики. Во-вторых, активно вступая во внешнеэкономические связи, регион может рассматриваться как подсистема международной экономики как в глобальном, так и блоковом измерении. В-третьих, регион может быть представлен как социальная общность населения, проживающая на определенной территории и объединенная общими социально-экономическими условиями воспроизводства. Эта идея, впервые сформулированная в работах А. Г. Гранберга, позволяет шире представить спектр возникающих на региональном уровне интересов развития внешнеэкономических связей [5].

В контексте устойчивого развития наиболее важным является тот факт, что региональный (субнациональный) уровень (для Беларуси – это органы местного управления и самоуправления областного и районного уровней) выражает интересы проживающих в соответствующих территориальных границах местных сообществ. Таким образом, с позиций регионального и местного сообществ ***внешнеэкономическая деятельность региона должна быть связана с социальной направленностью и учетом экологических интересов населения.***

Это значит, что регион даже в большей мере, чем национальный уровень, заинтересован в использовании внешнеэкономических связей как способа решения многих социально-экономических и экологических проблем территории (увеличение занятости, уровня доходов населения, комплексное социально-экономическое развитие) или, напротив, предотвращения возможных негативных последствий для территории внешнеэкономической деятельности (чрезмерная конкуренция, нарушение экологического равновесия). В этой части региональные внешнеэкономические интересы отвечают императивам устойчивого развития.

Для регионального уровня характерна цель, не свойственная другим участникам внешнеэкономических связей, которая связана с обеспечением ***«пространственной интегрированности» экономики региона.*** Например, национальный уровень в экономическом аспекте призван расширять интеграционные связи с другими странами, обеспечивая макроэкономические параметры функционирования экономики, прежде всего экономический рост и повышение благосостояния страны. Субъекты хозяйствования определяют свои цели, ориентируясь на получение прибыли от внешнеэкономических связей. И, пожалуй, лишь региональные и местные власти, развивая международное экономическое сотрудничество, нацелены на изменение экономического пространства регионов, усиление его экономической насыщенности и связанности [6; 7].

Разработка механизма участия регионального уровня в интеграционной политике ЕАЭС с учетом императива устойчивого развития требует новой методологии. Речь идет о формировании системной междисциплинарной методологической основы исследования интеграционных связей на региональном уровне, которая базируется на синтезе понятий и методов мировой экономики, с одной стороны, и региональной экономики и экономической географии – с другой [8–12].

В качестве некоторых исходных позиций нового методологического подхода можно предложить следующие ***концептуальные положения обеспечения устойчивого развития регионов в механизме экономической интеграции в рамках ЕАЭС.***

1. Формирование интеграционных связей регионов на принципах устойчивого развития предполагает рост многообразия экономических субъектов этих отношений, включая поощрение многосторонних проектов. Тем самым обеспечивается реализация различных интересов, запускаются механизмы саморазвития и саморегуляции, усиливается конкурентное начало, в интеграционный процесс включается территория как относительно целостное социально-экономическое образование.

2. В отличие от других форм интеграции международное экономическое взаимодействие регионов на принципах устойчивого развития базируется на ***сильной общественной составляющей.*** Речь идет о включении местного сообщества в интеграцию через международную деятельность неправительственных организаций, реализацию соответствующих местных инициатив, развитие побратимских связей между городами.

3. Развитие интеграции на уровне регионов ***обеспечивает триаду устойчивого развития: экономика + социальная сфера + экология.*** Это реализуется несколькими способами: во-первых, в интеграционные связи включаются экологическая и социальная сферы, главным образом через реализацию соответствующих проектов. Во-вторых, международное экономическое сотрудничество в обязательном порядке включает учет сопровождающих его территориально ориентированных социальных и экологических эффектов.

4. Для регионального уровня экономической интеграции с учетом принципов устойчивого развития важным становится целевая взаимосвязь и сопряжение ***интеграционной политики с региональной политикой стран-участниц ЕАЭС.*** Региональные неравенства выступают, с одной стороны, в виде предпосылки, стимула для экономического взаимодействия, с другой – как последствия экономической интеграции, проявляемые на уровне регионов. В первом случае –

это различия в обеспеченности ресурсами, уровне цен, структуре экономик регионов, в другом – неравенства в уровне доходов, занятости, доступа к социальным услугам и др.

5. *Экономическая интеграция регионов предполагает дифференцированный подход* как по скорости, так и движущим силам взаимодействия. Это связано с имеющимися существенными различиями регионов по их интеграционному потенциалу.

6. Наконец, наряду с реализацией региональных интересов интеграционная политика на региональном уровне обеспечивает *адаптацию национальной политики в области устойчивого развития к местным особенностям и специфике*.

Общая концептуальная схема устойчивого развития интеграционных связей регионов стран-членов ЕАЭС представлена на рисунке. В качестве ключевых векторов механизма реализации рассматриваются три направления:

первое – формы и методы управления межрегиональными и приграничными связями на трех уровнях: межгосударственном, национальном, региональном;

второе – подходы к обеспечению скоординированности и согласованности национальных региональных политик государств-участниц ЕАЭС;

третье – скоординированная политика размещения на уровне регионов стран-партнеров.

Первые два направления подробно изложены автором в работе [13]. Основным исследовательским фокусом настоящей работы являются проблемы размещения экономических и социальных объектов в контексте интеграционной политики регионов стран-членов ЕАЭС.

Размещение производительных сил – инструмент экономической интеграции на региональном уровне в ЕАЭС. Следует признать, что в современных условиях политика размещения как составная часть национальной региональной политики Беларуси отошла на второй план. Старые схемы размещения, которые были ориентированы на условия плановой экономики и жесткое распределение ресурсов между отраслями и регионами, уже не вписываются в новые реалии, где активно начинают действовать рыночные мотивы и новые факторы размещения. Однако эти новые требования к размещению экономических и социальных объектов до сих пор не включены в систему государственного регулирования на национальном и региональном уровнях.

В итоге в масштабах страны и регионов формируются новые диспропорции, стали происходить недоиспользование потенциала отдельных территорий и в целом искажение экономического пространства с точки зрения возможностей его эффективного использования.

К сожалению, этот инструмент оказался практически забытым в структуре механизма экономической интеграции стран-членов ЕАЭС. Поэтому создание и размещение совместных производств и иных интегрированных структур происходит несогласованно и нескоординированно, что приводит к дублированию экономической деятельности, неоправданной конкуренции между участниками региональных соглашений и в целом к нерациональным решениям в области использования пространственного ресурса [14].

В научном плане для решения этой проблемы прежде всего должны быть получены ответы на ряд вопросов: какое влияние на модификацию факторов размещения производств оказали развитие рыночных отношений, новый международный контекст, а также тенденции структурных сдвигов и новых технологических укладов; какие из размещенческих факторов более всего ощутимы для совместных интегрированных структур, какие формы размещения производительных сил наиболее адекватны международным производственно-экономическим связям?

Во-первых, развитие рыночных отношений сопровождается гибкостью деятельности предприятий, включающей изменение направлений работы, выбора поставщиков и т. п. Поэтому основным инструментом реализации политики размещения становится *инфраструктурное обустройство территории* (для иностранных инвесторов – создание площадок, обустроенных инфраструктурой и др.).

Во-вторых, значимая роль начинает принадлежать *нематериальным факторам*. Речь идет прежде всего о культурных условиях как *неосязаемых активах территории* – ее имидже, местной идентичности, а также культурных и человеческих ресурсах как накопленном потенциале навыков, умений местных жителей, их образовательном уровне.

В-третьих, совершенствование размещения производительных сил должно учитывать новые *тенденции структурных сдвигов*: опережающее развитие наукоемких, высокотехнологичных произ-

Концептуальная схема обеспечения устойчивого развития интеграционных связей регионов стран-членов ЕАЭС
 Conceptual scheme of providing a sustainable development of integration links of regions of the member countries of EEU

водств, формирование высокопроизводительного сектора «зеленой экономики», базирующейся на энергосбережении, внедрении экологически чистых технологий, возобновляемых и альтернативных источниках энергии, эффективных технологиях переработки отходов.

В-четвертых, приоритетное инновационное развитие, необходимость внедрения новых технологий и обеспечения интенсивной коммуникации между хозяйствующими субъектами за счет постоянного спонтанного генерирования нового знания и инноваций сопряжены с появлением новых элементов размещения производительных сил, новых форм территориальной концентрации экономических активов, новых способов взаимодействия между агентами и достижения синергии.

В-пятых, еще один аспект трансформации политики размещения связан с процессом адаптации пространственной структуры промышленности (ее децентрализация, рассредоточение) к новому малому и среднему размеру и новым формам взаимодействия: сетевые формы коммуникаций [15].

В-шестых, реализация белорусской социально ориентированной модели экономики требует учета человеческого фактора. Другими словами, человек является ведущим элементом, главной производительной силой. Поэтому размещение новых производств должно осуществляться с учетом совершенствования системы расселения, усиления роли человеческого потенциала территорий, ориентации на уровень образования и, соответственно, на места концентрации высокообразованных трудовых ресурсов, а также близость к местам проживания [16].

Какие факторы размещения в дополнение к указанным выше условиям локализации производств можно определить как наиболее значимые применительно к экономическим и социальным объектам, реализующим интеграционные связи на региональном уровне?

Первое: те **региональные факторы и региональная среда**, которые выступают предпосылками развития **внешнеэкономической деятельности** в конкретных территориальных рамках. Здесь первостепенное значение имеют следующие условия: бизнес-среда, уровень интеллектуального капитала и инновационный потенциал территории, наличие сетевого взаимодействия между субъектами; уровень образования и мобильность трудовых ресурсов, их восприимчивость к инновациям, различным культурным традициям хозяйственной деятельности и менеджмента.

Второе: **тип населенного пункта**: городское или сельское поселение, тип города, наличие агломерации; особенность структуры **экономики региона**.

Третье: наличие **конкурентных преимуществ территории**, значимых в международном масштабе и, соответственно, уровень и направления **международной специализации** региона.

Четвертое: **условия выхода** на внешние рынки стран-партнеров, а также третьих стран (размер зарубежного рынка, условия **логистики и сокращения экономического пространства** на базе инноваций, включая цифровые технологии).

Отталкиваясь от предложенных выше положений, в первом приближении могут быть сформулированы принципы размещения производительных сил в контексте механизма формирования регионального экономического объединения, в том числе на региональном уровне.

Во-первых, **принцип устойчивого развития**, означающий достижение не только экономических, но социальных и экологических эффектов.

Во-вторых, **принцип концентрации**, связанный с ориентацией на зоны и узлы сосредоточения экономической деятельности, что обеспечивает повышение конкурентоспособности региона. Именно крупные города и территории, находящиеся в зоне их влияния, рассматриваются как площадки новых форм территориальной организации экономической деятельности.

В-третьих, **эффект распространения внешнеэкономических связей**, который базируется, с одной стороны, на факторе дифференциации пространства для развития международных связей, в основе которой разница интеграционных потенциалов территории. С другой стороны, этот принцип предполагает экономическую насыщенность пространства, позволяющую создавать **международные сети**, участниками которых могут быть представители различных секторов (бизнеса, государственного и общественного сектора).

В-четвертых, **принцип соответствия**, включающий соответствие размещаемых объектов экономической интеграции международной специализации региона, а также пространственную соразмерность объектов формам международных экономических связей.

В-пятых, **принцип отсутствия жесткой привязки** к границам административно-территориальных единиц, возможность выхода за их пределы административно-территориальной единицы, формирования новых зон или территорий международной активности.

В качестве двух ведущих форм размещения производительных сил, основанных на инновационной парадигме и принципе устойчивого развития, которые в наибольшей мере адекватны развитию и воплощению интеграционных связей регионов, можно выделить следующие.

1. **Различные типы территорий с высоким уровнем концентрации инновационной деятельности**. Это – индустриальные парки, инновационные долины, наукограды, интеллектуальные платформы научно-технологических парков. На уровне этих структур важно развитие международного инновационного сотрудничества регионов, создание на совместной основе новой высокотехнологичной и конкурентоспособной на мировых рынках продукции.

Эти территории могут стать площадками для освоения новых мобильных и гибких производств как цифровые фабрики. Они способны сформировать новую систему производств с высокой степенью внешней адаптивности, в том числе к мобильным по времени пространственным условиям размещения и быть восприимчивыми к технологическим новшествам, отвечать интересам всех агентов рынка, включая резидентов различных стран.

2. **Кластерные структуры**, формируемые на совместной основе и объединяющие не только ключевые производства, в соответствии с направлениями международной специализацией ре-

гионов, но и инфраструктурные объекты, предприятия малого и среднего бизнеса, в том числе в сфере деловых услуг, а при необходимости общественные структуры. Это позволит обеспечить более высокую эффективность производства, получать максимальную прибыль при рациональном использовании местного природно-ресурсного потенциала, сохранении и улучшении экологических условий жизни населения во всех регионах.

Сформулированные подходы должны быть включены в теоретическую базу, во-первых, прогнозирования и стратегического планирования в виде условий согласования комплексных схем территориальной организации стран-участниц интеграционного объединения, а также региональных стратегий устойчивого развития, во-вторых, разработки и реализации скоординированной промышленной политики ЕАЭС.

Заключение. Предложенный концептуальный подход к развитию интеграционных связей регионов стран-членов ЕАЭС в соответствии с принципами устойчивого развития базируется на новой методологии. В ее основе лежит геопространственная парадигма, в рамках которой пространство, с одной стороны, и внешнеэкономические связи – с другой, рассматриваются взаимосвязанно. Что дает такой методологический прием?

Во-первых, появляется возможность взглянуть на экономическую интеграцию как процесс, неравномерно распространяемый в пространстве в виде интеграционных узлов или зон наибольшей интенсивности экономического взаимодействия стран и регионов, которые должны в политике ЕАЭС выступать приоритетными направлениями и точками роста экономической интеграции.

Во-вторых, новая методология позволяет четко определить место и роль региона в экономической интеграции, особенность целей и управленческих задач органов местной власти.

В-третьих, расширяются методы управления интеграционными связями: включаются инструменты, которые традиционно использовались при регулировании регионального развития. В данном случае речь идет о факторах и формах размещения производительных сил.

В-четвертых, в реализации долгосрочной стратегии развития и функционирования ЕАЭС значимость приобретают социальные и экологические аспекты интеграции.

В то же время следует признать, что неизбежны риски и ограничения для реализации предложенной концептуальной основы интеграции. Прежде всего, это – стереотипы восприятия устойчивого развития как концепции будущего, а в современных условиях главными ориентирами в глобальных стратегиях стран и объединений выступают конкурентная борьба за ресурсы, конкурентоспособность производителей, вступление в ВТО. Кроме этого, продолжают существовать различия стран в степени инкорпорирования в национальные стратегии принципов устойчивого развития. Размещение производительных сил как инструмент интеграции требует дополнительно разработки механизма согласования и увязки градостроительных планов и стратегий социально-экономического развития, поскольку в настоящее время эти два вида планирования осуществляются в постсоветских странах отдельно. И, наконец, практическая реализация любого нового подхода сопряжена с дополнительными издержками, поскольку требует уточнения законодательства и разработки дополнительных приемов применения.

Список использованных источников

1. Официальный сайт Представительства ООН в Республике Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.un.by/ru/publications/SDGs. – Дата доступа: 17.04.2016.
2. Организационная структура секретариата Европейской экономической комиссии. Официальный сайт ЕЭК ООН [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N08/404/43/PDF/N0840443.pdf?OpenElement>. – Дата доступа: 2.02.2016.
3. О разработке Национальной стратегии устойчивого развития Республики Беларусь на период до 2030 года / Официальный сайт Министерства экономики Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://economy.gov.by/ru/actual-news/strongo-razrabotke-natsionalnoj-strategii-ustojchivogo-razvitija-respubliki-belarus-na-period-do-2030-godastrong_i_0000003143.html. – Дата доступа: 21.03.2016.
4. Национальная стратегия устойчивого развития и размещения производительных сил Республики Беларусь на период до 2020 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://un.by/pdf/OON_sMall_Rus.pdf. – Дата доступа: 03.03.2016.
5. Гранберг, А. Г. Основы региональной экономики: учеб. для вузов / А. Г. Гранберг. – М.: ГУ ВШЭ, 2006. – 495 с.
6. Вертинская, Т. С. Концептуальная модель механизма управления внешнеэкономическими связями на региональном уровне в Республике Беларусь / Т. С. Вертинская; под ред. В. С. Фатеева. – Минск: Белорус. наука, 2006. – 267 с.

7. Инновационное развитие регионов Беларуси и Украины на основе кластерной сетевой формы / Н. Г. Берченко [и др.]; науч. ред. В. П. Соловьев, Т. С. Вертинская; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т экономики. – Минск: Беларус. навука, 2015. – 391 с.

8. Волков, Л. В. Опыт междисциплинарного исследования российского пространства (о книге «Фундаментальные проблемы пространственного развития Российской Федерации: междисциплинарный синтез») / Л. В. Волков // Пространственная экономика. – 2014. – № 3. – С. 168–173 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://spatial-economics.com/en/arkhiv-nomerov/2014/44-2014-3/557-2014-10-01-05-44-52>. – Дата доступа: 03.03.2016.

9. Минакир, П. А. Общественное развитие: междисциплинарные взаимодействия пространственных проекций / П. А. Минакир, А. Н. Демьяненко // Пространственная экономика. – 2011. – № 4. – С. 124–134 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://spatial-economics.com/en/2011-year/315-staty-04-2011>. – Дата доступа: 03.03.2016.

10. Минакир, П. А. Пространство и регионы / П. А. Минакир // Регионалистика. – 2014. – Т. 1, № 1. – С. 6–7 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://regionalistica.org/images/2014-01.pdf#page=6>. – Дата доступа: 03.03.2016.

11. Трейвиш, А. И. Время и пространство российской модернизации: некоторые уроки истории и географии / А. И. Трейвиш // Регионалистика. – 2015. – Т. 2, № 1. – С. 23–41 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://regionalistica.org/images/2015-01.pdf>. – Дата доступа: 02.02.2016.

References

1. Official website of the UN office in the Republic of Belarus. Available at: www.un.by/ru/publications/SDGs (accessed 17 April 2016).

2. “Organization structure of the Secretariat of the economic Commission for Europe. Official website of the UNECE”, Available at: <http://documents/ddsny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N08/404/43/PDF/N0840443.pdf?OpenElement> (accessed 02 February 2016).

3. “About the elaboration of the National sustainable development strategy of the Republic of Belarus for the period till 2030 / Official website of the Ministry of economy of the Republic of Belarus”, Available at: http://economy.gov.by/ru/actual-news/strongo-razrabotke-natsionalnoj-strategii-ustojchivogo-razvitiya-respubliki-belarus-na-period-do-2030-godastrong_i_0000003143.html (accessed 21 March 2016).

4. “National strategy for sustainable development and placing of productive forces of the Republic of Belarus for the period until 2020”, Available at: http://un.by/pdf/OON_sMall_Rus.pdf (accessed 3 March 2016).

5. Granberg, A.G. (2006) *Osnovy' regional'noi ekonomiki: uchebnik dlya vuzov* [Fundamentals of regional economy: the textbook for higher education institutions], SE HSE, Moscow, RU

6. Vertinskaya, T. S. (2006) *Kontseptual'naya model' mekhanizma upravleniya vneshneekonomicheskimi svyazyami na regional'nom urovne v Respublike Belarus': monogr* [Conceptual model of the mechanism of management of foreign economic ties at the regional level in Republic of Belarus: monograph], in Fateev, V. S. (ed.), Belorussian science, Minsk, BY

7. Berchenko, N. G. (2015) *Innovatsionnoe razvitie regionov Belarusi i Ukrainy na osnove klasternoi setevoi formy* [Innovative development of regions of Belarus and Ukraine on the basis of a cluster network], in Solov'ev, V. P. and Vertinskaya, T. S. (ed.), NAS, Institute of economics, Belorussian science, Minsk, BY

8. Volkov, L. V. (2014) “Experience of interdisciplinary research of the Russian space (about the book “Fundamental problems of spatial development of the Russian Federation: interdisciplinary synthesis”)”, *Prostranstvennaya ekonomika* [Spatial economics], no. 3, pp. 168–173. Available at: <http://spatial-economics.com/en/arkhiv-nomerov/2014/44-2014-3/557-2014-10-01-05-44-52> (accessed 03 March 2016).

9. Minakir, P. A. and Dem'yanenko, A. N. (2011) “Social development: interdisciplinary interactions of spatial projections”, *Prostranstvennaya ekonomika* [Spatial economics], no. 4, pp. 124–134. Available at: <http://spatial-economics.com/en/2011-year/315-staty-04-2011> (accessed 03 March 2016).

10. Minakir, P. A. (2014) “Space and regions”, *Regionalistika* [Regionalistics], vol. 1, no. 1, pp. 6–7. Available at: <http://regionalistica.org/images/2014-01.pdf#page=6> (accessed 03 March 2016).

11. Treivish, A. I. (2015) “Time and space of the Russian modernization: some lessons of history and geography”, *Regionalistika* [Regionalistics], vol. 2, no. 1, pp. 23–41. Available at: <http://regionalistica.org/images/2015-01.pdf> (accessed 2 February 2016).

Информация об авторе

Вертинская Татьяна Сергеевна – канд. экон. наук, зав. Отделом мировой экономики и внешнеэкономических исследований. ГНУ «Институт экономики НАН Беларуси» (ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail: vert.region@economics.basnet.by.

Information about the author

Viartinskaya Tatsiana Sergeevna – Ph. D. (Econ.), Chief of Department of World Economy and Foreign Economic Trade. Institute of economics of the National Academy of Sciences of Belarus (Surganov Str., 1, b. 2, 220072, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: vert.region@economics.basnet.by

Для цитирования

Вертинская, Т. С. Размещение производительных сил как инструмент экономической интеграции регионов / Т. С. Вертинская // Вест. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2016. – № 4. – С. 110–118.

For citation

Viartinskaya, T. S. Placement of productive forces as the instrument of ensuring of sustainable development of economical integration on the regional level. Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus, humanitarian series, 2016, no. 4, pp. 110–118.

РЭЦЭНЗІІ
REVIEWS

Поступила в редакцию 31.05.2016

Received 31.05.2016

М. П. Касцюк

Інстытут гісторыі НАН Беларусі, Мінск, Рэспубліка Беларусь

УВАГА ДА САМЫХ СТАРАЖЫТНЫХ ЭПОХ

Манаграфічная праца¹ доктара гістарычных навук, дацэнта В.А. Пілецкага ўяўляе сабою арыгінальнае даследаванне па многіх аспектах. Гэта і надзвычай старажытны перыяд, і аб'ект даследавання, і яго прадмет, і тыя падыходы, што выкарыстоўвае аўтар, і характарыстыкі, якія ў ім маюцца, і назіранні па многіх сюжэтах тэмы і інш. Для вырашэння заяўленых задач аўтар, у прыватнасці, паставіў перад сабою мэту даць характарыстыку зараджэння і станаўлення працэсу перадачы грамадскага досведу новым пакаленням у тыя далёкія часы.

Звяртае на сябе ўвагу храналагічны падыход аўтара да гістарычнага працэсу. Гэта нават не перыяд, як ён называе, а цэлы шэраг эпох з працэсу станаўлення найстаражытнейшага чалавека на тэрыторыі Беларусі. У кнізе гэта вымяраецца адлегласцю ад таго часу, калі тут з'явілася першая чалавекападобная істота, а гэта 100–40 тысячагоддзяў да нашай эры і да распаўсюджання хрысціянства.

Аўтара цікавіць працэс выхавання і адукацыі падростаючых пакаленняў на ўсіх тых этапах, якія папярэднічалі з'яўленню школы як новай, раней невядомай гістарычнай структуры ў выхаванні і адукацыі дзяцей. Нельга не звярнуць увагу, што ў рэцэнзуемай кнізе пададзена спецыфіка форм, метадаў, зместу выхаваўча-адукацыйнага працэсу, прасочваецца імкненне сфармуляваць асноўныя рысы пэўных стадыяў гістарычнай эвалюцыі ў выхаваўча-адукацыйным працэсе.

Цікава, што манаграфічнае даследаванне змяшчае грунтоўны гістарыяграфічны аналіз па выбранай для вывучэння тэме. У прыведзенай бібліяграфіі пададзены каля 1000 найменняў айчыннай і замежнай літаратуры і крыніц як непасрэдна па прадмеце даследавання, так і тых выданняў, што ў той ці іншай ступені характарызуюць яго з розных пунктаў гледжання.

Акрамя гістарыяграфіі, у працы прысутнічае і аналіз крыніцазнаўчай базы па самых розных напрамках гуманітарных ведаў, але якія скіраваны на прадмет даследавання. Іх спецыфіка таксама вызначаецца тымі амаль дагістарычнымі эпохамі, якія падае аўтар у сваім выданні. Характэрна, што гэтыя крыніцы нават не толькі археалагічныя, а ў значнай ступені ўскосныя, але яны дапамагаюць адцягнуць тыя ці іншыя рысы прадмета даследавання. Да таго ж патрэбна мець на ўвазе, што розны і ўнікальны дакументальны матэрыял на тэрыторыі Беларусі, як і ў іншых рэгіёнах, перыядычна знішчаўся ў выніку такой аб'ектыўнай з'явы, як абледзяненні, што прыводзілі да змывання тагачасных культурных пластоў. Гістарыяграфіі і аналізу крыніц у кнізе адведзена 1-ая глава.

У 2-й главе «Выхаваўча-адукацыйны працэс як кірунак дзейнасці чалавецтва» аўтар прааналізаваў спецыфіку выхаваўча-адукацыйнага працэсу як адной са сфер жыццядзейнасці чалавецтва ў далёкім мінулым. Тут пададзена перыядызацыя эвалюцыі выхаваўча-адукацыйнага працэсу падчас старажытнасці і сярэднявекі, а таксама паказаны ўмовы, у якіх адбылося ўзнікненне найстаражытнейшых яго форм. Раскрыта значэнне тэрміна «выхаваўча-адукацыйны працэс» і падкрэслена, што ён мае ўніверсальны характар і з'яўляецца найбольш прымальным для характарыстыкі такой гістарычнай з'явы, як перадача вопыту. Адзначана, што працэс падрыхтоўкі дзяцей да дарослага жыцця, па сутнасці, адзіны ва ўсёй гісторыі чалавецтва, нягледзячы на розныя яе эпохі і стадыі эвалюцыі выхавання. Паказана, што найстаражытнейшы жыхар тэрыторыі Беларусі – неандэрталец, які знаходзіўся на апошняй ступені пераходу ад жывёлы да чалавека, ужо валодаў якасцямі, якія дазвалялі перадаваць накоплены вопыт сваім нашчадкам.

¹ Пілецкі, В. А. Выхаваўча-адукацыйны працэс у гісторыі Беларусі дахрысціянскага перыяду: манаграфія / В. А. Пілецкі. – Мінск: Ковчег, 2013. – 372 с.

У 3-й главе «Зараджэнне выхаваўча-адукацыйнай практыкі на беларускіх землях» на матэрыялах даследаванняў вучоных-прыматолагаў выяўлена, што яшчэ задоўга да першагістарычнага з’яўлення людзей (г. зн. на стадыі вышэйшых прыматаў) рацыянальна-вопытныя веды адукацыйнага кшталту значна ўплывалі на выжывальнасць супольнасцей тых далёкіх продкаў чалавека. Гэта падштурхнула аўтара да думкі аб тым, што набыццё выхаваўча-адукацыйнага вопыту на ўзроўні першага прадстаўніка чалавека на тэрыторыі Беларусі (неандэртальца) таксама ўключала ў сябе як выхаваўчыя набыткі, так і рацыянальныя веды адукацыйнага, у сучасным разуменні, характару. Адзначана таксама, што найстаражытнейшымі паказчыкамі наяўнасці генезісу выхаваўча-адукацыйнага працэсу, зараджэння і станаўлення яго ў якасці асобнай грамадскай з’явы было ўсведамленне насельніцтвам Беларусі падзелу людзей на ўзроставыя катэгорыі.

У наступнай, 4-й главе «Падрыхтоўка дзяцей у эпоху родавага ладу на тэрыторыі Беларусі» падкрэслена, што эпоха раннеродавага ладу, нягледзячы на адносна прымітыўныя формы жыццядзейнасці грамадства, была крокам наперад у ажыццяўленні грамадскага выхаваўча-адукацыйнага працэсу. Ішло наапаўнаважэнне ведаў пра навакольнае асяроддзе, навыкаў выканання розных бытавых спраў, сацыяльных узаемаадносін, стваральна-накапляльнай, здабытковай дзейнасці, элементарных абрадавых дзеянняў і іншых форм грамадскага існавання. Працэс перадачы вопыту дзецям галоўным чынам адбываўся ў працэсе абраднасці: паляўніча-рыбалоўнай, вытворчай, бытавой, рэлігійна-ідэалагічнай і іншай. Выключна важную ролю ў падрыхтоўцы дзяцей да жыццёвай практыкі адыгрывалі мужчынскія тайныя саюзы і мужчынскія дамы. На пэўным этапе мужчынскія саюзы набылі функцыі арганізатараў барацьбы за звяржэнне матрыярхальных устояў грамадства, аб чым сведчаць шматлікія гістарычныя крыніцы.

Глава 5-я «Выхаваўча-адукацыйны працэс раннесярэдневяковага грамадства (VI – канец X ст.)» змяшчае матэрыялы аб выхаваўча-адукацыйным працэсе параўнальна высокай ступені развіцця. Аснову яго зместу складалі эканамічныя веды, неабходныя для выжывання грамадства, сацыяльна-абрадавыя, ідэалагічна-рэлігійныя і іншыя – усе тыя, якія былі патрэбны падростаючаму чалавеку для авалодання навыкамі выжывання, вопытам, назапашаным да часу яго прыходу ў жыццё.

Са з’яўленнем маёмаснай няроўнасці паступова афармляліся прынцыповыя адрозненні ў змесце навучання і выхавання дзяцей асноўных сацыяльных груп тагачаснага грамадства: сялян-абшчыннікаў, рамеснікаў, племянной знаці, што паступова феадалізавалася, і язычніцкіх жрацоў. На тэрыторыі беларуска-расійска-ўкраінскага рэгіёна, па сведчаннях даследчыкаў (С. Я. Лур’е і У. Я. Пропа), выведзеных з этнаграфічных, археалагічных і іншых гістарычных крыніц, такой формай перадачы вопыту былі так званыя «лясныя дамы».

Далейшае станаўленне структуры грамадства прывяло да ўзнікнення новых форм навучальна-выхаваўчай справы, такіх як рамеснае і жрэцкае вучнёўства, дамы-грыдніцы, для падрыхтоўкі падлеткаў з ваенна-феадалізаванага саслоўя, выхавальніцтва, якое, па сведчаннях гістарычных крыніц, трывала дзейнічала ў княжацкім асяроддзі, вандроўныя настаўнічаючыя асобы, якія ўспамінаюцца ў старажытных дакументах беларуска-расійска-ўкраінскага рэгіёна.

У 6-й главе «Пераход да хрысціянскага выхаваўча-адукацыйнага працэсу» заяўлена, што, грунтуючыся на пісьмовых крыніцах раннедзяржаўнага перыяду гісторыі Беларусі, можна адзначыць у якасці праблема новай формы выхаваўча-адукацыйнага працэсу візантыйскі тып узаемаадносін: школа–царква–дзяржава. Асаблівасцю візантыйскай мадэлі з’яўлялася поўнае падпарадкаванне школы царкве, якая ў сваю чаргу выконвала ролю ідэалагічнай структуры феадальнага грамадства пры верхавенстве свецкай улады над царкоўнай. Летапісныя «школы вучэння кніжнага» мелі царкоўна-катэхізісную накіраванасць і прызначаліся для распаўсюджвання царкоўна-хрысціянскай дактрыны. Жыццёва-рацыянальны вопыт яшчэ ў той час трансліраваўся праз традыцыйныя формы, вядомыя з першабытнасці, але гістарычная перспектыва ўжо была на баку хрысціянскага выхаваўчага працэсу. Падкрэслена таксама (хоць, на наш погляд, даволі каротка і павярхоўна) роля жрэцтва ў выхаваўча-адукацыйнай справе насельніцтва Беларусі эпохі існавання летапісных княжанняў-княстваў. Жрацы, па меркаванні аўтара, былі галоўнымі арганізатарамі, ідэолагамі і выканальнікамі тагачаснага педагагічнага працэсу, а таксама адзінымі ў грамадстве выхавальнікамі моладзі, вызваленымі ад эканамічна-здабытковай дзейнасці.

Нельга не звярнуць увагу на такі прыём аўтара, як канцэнтрацыя асноўных высноў па тых ці іншых напрамках тэмы ў «Вывадах да глаў». Уяўляецца, што гэта апраўдана і з боку формы падачы матэрыялу, і яго зместу. Сярод іншага ў такіх заключэннях да глаў прыведзена аўтарскае азначэнне выхаваўча-адукацыйнага працэсу. Ён «уяўляе сабою навуковую катэгорыю, якая мае ўніверсальны характар і з’яўляецца найбольш прымальнай для аналізу сферы перадачы вопыту ў гісторыі грамадства» (с. 103).

Зыходзячы з такой пасылкі, аўтар падчас даследавання прыходзіць да вываду, што працэс перадачы вопыту новым пакаленням пачаўся яшчэ задоўга да таго, як на тэрыторыі Беларусі з’явіўся першы чалавек-падобны жыхар – неандэрталец. Ужо тады гэта мела не толькі выхаваўчы, але і адукацыйны характар.

Цікавай з’яўляецца таксама выснова аўтара аб тым, што храналагічныя межы генезісу выхаваўча-адукацыйнага працэсу ў гісторыі Беларусі пачынаюцца з часоў “сацыялізацыі” выхавання, якую прынята лічыць

завершанай ужо на стадыі існавання палеантрапа. Пры гэтым заўважана, што краманьёнец (неантрап), які з'явіўся на нашай тэрыторыі каля 40–35 тысячагоддзяў таму, быў ужо чалавекам сучаснага антрапалагічнага тыпу.

Звяртае на сябе ўвагу тая акалічнасць, што аўтар імкнецца да пэўных навуковых абагульненняў, хаця прымяняльна да тых далёкіх эпох зрабіць гэта зусім не проста. Тым не менш, маючы на ўвазе асноўны прадмет свайго навуковага даследавання – выхаваўча-адукацыйны працэс, у кнізе пададзена нямала і іншых цікавых назіранняў. У прыватнасці, да гэтага адносіцца сцвярджэнне аб тым, што на пэўным этапе эвалюцыі мужчынскія саюзы набылі функцыі арганізатараў барацьбы за звяржэнне матрыярхальных устояў грамадства (с. 187).

У імкненні як мага глыбей пранікнуць у сутнасць даследуемага прадмета аўтар нярэдка прыводзіць цікавыя назіранні і факты, грунтуючыся на этнаграфічных, археалагічных і іншых крыніцах. Так, адной з форм перадачы жыццёвага вопыту падлеткам былі адзначаныя намі вышэй так званыя лясныя дамы. У іх на даволі працяглы тэрмін ізаляваліся дзеці, выхадцы з агульнаабшчыннага асяроддзя. Пры гэтым жорстка забараняліся іх кантакты з суродзічамі. У такіх абставінах спецыяльна прызначаныя людзі перадавалі ім назапашаны грамадскі вопыт па розных напрамках жыццёвай практыкі. Аўтар звяртае ўвагу і на вандроўных настаўнічаючых асоб, і на іншыя формы перадачы сацыяльна значных ведаў.

Асабліва сцю падачы матэрыялу па выбранай тэме з'яўляецца выкарыстанне таго вопыту, які меўся ў першую чаргу ў Візантыйскай імперыі, а таксама на іншых тэрыторыях і ў іншыя часы. Гэта тым больш цікава, што імператарскае візантыйскае праўленне за тысячагадовую гісторыю свайго існавання назапашвала вялікі досвед у справе выхавання і адукацыі падрастаючага пакалення. Візантыйскі вопыт нам асабліва цікавы і тым, што менавіта ён нават у дахрысціянскія часы распаўсюджваўся на поўнач, дасягаючы тэрыторыі сучаснай Беларусі.

Акцэнтуючы асноўную ўвагу на дахрысціянскім перыядзе ў разглядзе свайго прадмета даследавання, аўтар тым не менш выходзіць у агульных рысах і на канец I тысячагоддзя нашай эры, закранаючы ў некаторых аспектах час распаўсюджвання хрысціянскай веры. У сувязі з гэтым у кнізе правамерна сцвярджаецца, што ў выніку магутнага ўплыву царквы на выхаванне і адукацыю падлеткаў змяніліся не толькі асноўныя формы і змест арганізацыі гэтага працэсу, але нават «сутнаскае напаўненне». Выхаваўча-адукацыйны працэс ператварыўся з адукацыйна-выхаваўчага ў выхаваўча-адукацыйны (с. 292).

Закранаючы ў некаторай ступені ролю жрэцтва ў выхаваўча-адукацыйнай справе на тых этапах развіцця чалавечага грамадства, аўтар пэўным чынам падае і значэнне язычніцтва ў дадзеным напрамку, аднак з нашага пункта гледжання яго значэнне магло б быць раскрыта шырэй і глыбей, асабліва калі зыходзіць з паўсюднага панавання такіх вераванняў на землях Беларусі ў тыя даўнія часы.

Акрамя гэтага, наўрад ці можна лічыць даказаным з-за абмежаванасці крыніц пытанне наяўнасці мужчынскіх тайных саюзаў у жыцці дахрысціянскага насельніцтва Беларусі. Да таго ж, ці можна пагадзіцца, што легенды пра ваўкалакаў (пярэваратняў) пацвярджаюць наяўнасць ініцыяцый і з'яўляюцца доказам існавання выхаваўча-адукацыйнага працэсу?

Можна задацца і некаторымі іншымі пытаннямі. Але не выклікае сумненняў тое, што аўтар выканаў вельмі складаную працу. Ён змог сфармуляваць якасна новую навукова-гістарычную праблему. Сабраў велізарную колькасць рознабаковых крыніц і літаратуры, прааналізаваў зараджэнне практыкі перадачы вопыту ў межах Беларусі і паказаў пачатковы этап станаўлення выхаваўча-адукацыйнага працэсу, а таксама яго пераход да сярэднявечага хрысціянскага навучання ў грамадстве, што пражывала на старажытных землях нашай краіны.

Акрамя навуковага значэння кніга, несумненна, мае і выхаваўчае. Яна можа і павінна быць выкарыстана ў школах, каледжах, вышэйшых навучальных установах не толькі з мэтай паглыблення ў веданні адукацыйнага працэсу, але і выхаваўчага.

Информация об авторе

Костюк Михаил Павлович – академик, д-р ист. наук, проф., гл. науч. сотрудник. ГНУ «Институт истории НАН Беларуси» (ул. Академическая, 1, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail: m.kasciuk@gmail.com.

Information about the author

Kostsyuk Mikhail Pavlovich – Academician, D. Sc. (Hist.), Professor, Chief researcher. Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus (Akademieskaya Str., 1, 220072, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: m.kasciuk@gmail.com.

Для цитирования

Касцюк, М. П. Увага да самых старажытных эпох / М. П. Касцюк // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2016. – № 4. – С. 119–121.

For citation

Kastysyk, M. P. Attention to the most ancient ears. Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus, humanitarian series, 2016, no.4, pp. 119–121.

ХРОНІКА
CHRONICLE

Поступила в редакцию 02.12.2015

Received 02.12.2015

Т. І. Адула

Інстытут філасофіі НАН Беларусі, Мінск, Рэспубліка Беларусь

ЗМЕНЛІВЫЯ КОНТУРЫ СВЕТУ ХХІ СТАГОДДЗЯ

Імклівая і непрадказальная штодзённасць сучаснай гісторыі стала пунктам адліку для большасці палітыкаў і навукоўцаў. І справа зусім не ў храналагічных рамках, што фіксуюць усталяванне новага тысячагоддзя, а хутчэй за ўсё ў тых рэзкіх зменах, што прыйшліся менавіта на гэты гістарычны адрэзак часу, ахапілі эканамічную, тэхніка-тэхналагічную, палітычную і духоўную сферы жыццядзейнасці грамадства. Можна з упэўненасцю сцвярджаць: чалавецтва ўступіла ў новую гістарычную эпоху. Яна і падобна, і амаль зусім не падобна на папярэднія. Адной з важнейшых яе якасных характарыстык з'яўляецца глабалізацыя. Менавіта таму праблемы глабалізацыі на працягу апошніх гадоў прыцягваюць такую пільную ўвагу даследчыкаў.

Сусветна вядомая навуковая пляцоўка абмеркавання самых розных аспектаў глабалізацыі – Маскоўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя М. В. Ламаносава, дзе маецца факультэт глабальных працэсаў. Вось і ў мінулым годзе там прайшоў чарговы, ужо чацвёрты па ліку, Міжнародны навуковы кангрэс «Глабалістыка-2015: глабальнае кіраванне і дыпламатыя ў нестабільным свеце», на які з'ехаліся больш за 500 навукоўцаў, палітыкаў, дыпламатаў з пяцідзсяці крін свету. Адметнасць форуму заключалася ў тым, што ён быў прысвечаны 70-годдзю Арганізацыі Аб'яднаных Нацый і сваю працу праводзіў пад яе эгідай. Падрыхтоўкай такога маштабнага сусветнага форуму былі заняты многія навуковыя ўстановы і грамадскія арганізацыі – нараўне з МДУ імя М. В. Ламаносава і РАН у яго падрыхтоўцы прынялі ўдзел Міжнародная акадэмія глабальных даследаванняў, Грамадскі камітэт «ААН-70», Расійская асацыяцыя міжнародных даследаванняў, Расійская асацыяцыя садзейнічання ААН, Міжнародная грамадская арганізацыя «Еўразійская садружнасць», Міжнародны інстытут Піцярыма Сарокіна – Мікалая Кандрацьева, Расійскі інстытут стратэгічных даследаванняў, Расійская філасофскае таварыства і іншыя.

Кангрэс праходзіў з 25 па 30 кастрычніка 2015 года, і яго праграма аказалася вельмі насычанай. Асноўная тэматыка зафіксавана ўжо ў самой назве: размова ішла перш за ўсё пра нестабільнасць сусвету і магчымыя спосабы яе прадухілення. Кангрэс адкрыў рэктар МДУ імя М. В. Ламаносава акадэмік РАН В. А. Садоўнічы. З прывітальнымі словамі да ўдзельнікаў кангрэса звярнуліся старшыня Грамадскага камітэта «ААН-70», рэктар МДІМА акадэмік РАН А. В. Таркуноў, намеснік міністра замежных спраў Расійскай Федэрацыі В. А. Небензя, прэзідэнт Міжнароднай асацыяцыі «World History» Крэйг Бенджамін і іншыя. Прамоўцы звярнулі ўвагу на актуальнасць тэмы і прапанавалі ўдзельнікам кангрэса сканцэнтраваную ўвагу на высвятленні рэальных прычын нестабільнасці сусвету і распрацоўцы канкрэтных, навукова абгрунтаваных прапаноў пераадолення крызісу, усталявання ў грамадстве шчырасці, адкрытасці, дыялогу, сцвярджэння гуманізму.

На пленарным пасяджэнні, якое праходзіла ў актавай зале Інтэлектуальнага цэнтра Фундаментальнай бібліятэкі МДУ імя М. В. Ламаносава, з навуковымі дакладамі выступілі вядомыя вучоныя – дырэктар Інстытута Еўропы РАН, доктар палітычных навук А. А. Грамыка, прафесар універсітэта Де Бейра Інтэр'ер Цесалена Дэвезас (Бразілія), рэктар Лонданскай дыпламатычнай акадэміі Джозеф Міфсуд (Вялікабрытанія), прэзідэнт Міжнароднай асацыяцыі «World History», прафесар універсітэта Grand Valley Крэйг Бенджамін (ЗША), дырэктар Азіяцка-Ціхаакіянскага інстытута дыпламатыі Аўстралійскага нацыянальнага ўніверсітэта Йёхан Прантл (Аўстралія), прэзідэнт Міжнароднай экалагічнай недзяржаўнай арганізацыі «Dancing Star Foundation» Майкл Тобіас (ЗША). Кожны з дакладчыкаў выказаў свой адметны погляд на сучасны сусвет і тыя дынамічныя працэсы, што ў ім адбываюцца, але лейтматывам іх прамоў была ўсё ж агульная ідэя: наш сусвет не такі ўжо самазабяспечаны, як падаецца на першы погляд. Ён зусім не абаро-

нены ад розных пагроз, якія значна памножыліся за апошнія дзесяцігоддзі. Таму трэба актывізаваць палітыкаў, кіраўнікоў, навукоўцаў, зрэшты, саміх грамадзян і зрабіць усё ад нас залежнае, каб не толькі спыніць сучасныя войны, насілле над чалавекам і прыродай, але і наогул прадухіліць магчымасць іх зараджэння ў будучым.

На вячэрнім пасяджэнні, якое прайшло ў Вялікім тэатры, адбылася прэзентацыя даклада «Глабальнаму ўніверсітэцкаму саміту BRICS». Тэма даклада абрана не выпадкова: справа ў тым, што Расія ў 2015 годзе старшынявала ў гэтай міжнароднай суполцы. Кангрэс аднадушна падтрымаў прапанову рэктара МДУ В. А. Садоўнічага аб стварэнні Асацыяцыі навукова-адукацыйных цэнтраў краін BRICS і ўсталяванні больш грунтоўных навуковых кантактаў паміж навукоўцамі гэтых краін.

Як па тэматыцы, так і па сваіх арганізацыйных формах кангрэс аказаўся празмерна насычаным і разнастайным – нароўні з пленарным пасяджэннем і прэзентацыяй даклада «Глабальнаму ўніверсітэцкаму саміту BRICS» уключаў работу 8 секцый, 2 міжнародных навуковых канферэнцый, 2 міжнародных сімпозіумаў, 3 круглых сталаў, 3 майстар-класаў. Арганізатары правялі шэраг іншых, у тым ліку культурных мерапрыемстваў, а вядучыя замежныя спецыялісты прачыталі для студэнтаў лекцыі.

Звернем увагу толькі на асноўнай праблематыцы, паколькі не ўяўляецца магчымым ахапіць увесь шырокі спектр пытанняў, што знайшлі абмеркаванне і тэарэтычнае асэнсаванне на гэтым форуме.

У прадстаўленых дакладах і выступленнях у першую чаргу разглядаліся пытанні эканамічнага і палітычнага характару. Па-рознаму ўспрынялі і ацанілі ўдзельнікі кангрэса даклад саветніка прэзідэнта Расійскай Федэрацыі, акадэміка РАН С. Ю. Глазьева, з якім ён выступіў на пасяджэнні міжнароднага навуковага сімпозіума па ўстойлівым развіцці «Глабальнае развіццё: выклікі і канфлікты ў XXI стагоддзі». Вядомы эканаміст назваў стан расійскай эканомікі няўстойлівым, а стан расійскай валютна-фінансавай сістэмы некіруемым. Гэта выяўляецца, заявіў дакладчык, у дэстабілізацыі курсу рубля і павышэнні інфляцыі, падзенні інвестыцый і эканамічнай актыўнасці, што з'яўляецца вынікам антырасійскіх санкцый. Але асабліва небяспека для нацыянальнай эканомікі – вываз з краіны капіталу, аб'ём якога ў 2014 годзе склаў каля 150 млрд дол., а ў бягучым годзе чакаецца да 100 млрд дол., г.зн. 8–12% ВУП. Усяго ж адток капіталу з Расіі за апошніх 10 гадоў перавысіў трыльён долараў. Галоўная прычына такога стану – «аўшорызацыя і адкрытасць расійскай эканомікі». У гэтай сувязі С. Ю. Глазьеў рэзка раскрытыкаваў Цэнтральны банк Расіі, які ажыццяўляе сваю дзейнасць пад дыктоўку МВФ. Ён на канкрэтных лічбах паказаў, што рэкамендацыі МВФ накіраваны не на развіццё і нават не на стабілізацыю расійскай эканомікі, а зусім наадварот – на яе далейшае разбурэнне. Гаворка ў дадзеным выпадку ішла аб празмерным «сціску грашовай масы», у выніку чаго адбываецца знішчэнне вытворчасці, паколькі прадпрыемствы застаюцца без фінансавых сродкаў. Таму для аздарулення эканомікі навуковец прапанаваў пераарыентаваць яе з вонкавых на ўнутраныя крыніцы фінансавання, рэзка павялічыць грашовую масу, прыняць неадкладныя меры па прадухіленні вывазу з краіны капіталу. С. Ю. Глазьеў закрануў і знешнепалітычныя праблемы. Ён лічыць, што Вашынгтон у адносінах да Расіі праводзіць тую ж агрэсіўную палітыку, што і ў адносінах да СССР: арганізаваная супраць Расіі вайна «вядзецца на аснове выкарыстання сучасных інфармацыйна-кагнітыўных і валютна-фінансавых тэхналогій». Для Расіі, на думку С. Ю. Глазьева, у перспектыве магчымы тры сцэнарыі: ці праводзіць самастойную палітыку і ажыццяўляць развіццё нацыянальнай эканомікі на базе ўнутраных рэсурсаў; ці стаць перыферыяй ЗША; ці апынуцца перыферыяй Кітая. Рэалізацыя толькі першага сцэнарыя забяспечыць Расіі суверэнітэт, а яе грамадзянам – дабрабыт і бяспеку.

На кангрэсе значная ўвага нададзена праблеме кіравання ў сучасным свеце – вострыя спрэчкі вяліся на пасяджэннях секцый «Глабальнае кіраванне» і «Глабальная і рэгіянальная дыпламатыя, дыпламатыя гарадоў, народная дыпламатыя», а таксама на Міжнародным навуковым сімпозіуме па ўстойлівым развіцці «Глабальнае развіццё: лакальныя канфлікты і выклікі ў XXI стагоддзі». Галоўная выснова – неабходнасць распрацоўкі і прыняцця сусветнай супольнасцю надзейнай прававой асновы глабальнага кіравання – такой прававой сістэмы, якая змагла б гарантаваць роўныя ўмовы розным суб'ектам міжнароднага права. Гэтыя пытанні атрымалі асвятленне ў дакладах на секцыі «Перспектывы развіцця міжнароднага права ва ўмовах глабалізацыі грамадскіх адносін».

Падчас работы форуму атрымала далейшае паглыбленне філасофскае вучэнне аб глабалізацыйных працэсах як сацыяльных феноменах. Гэтыя аспекты глабалізацыі абмяркоўваліся на секцыі «Філасофскія праблемы глабалізацыі», мэдэратарам якой з'яўляўся віцэ-прэзідэнт Расійскага філасофскага таварыства А. Н. Чумакоў. Навукоўцамі і палітыкамі абмяркоўваўся не толькі праект глабалізацыі, але і альтэрнатыўныя праекты. У прыватнасці, аб гэтым ішла размова на VI Міжнароднай навуковай канферэнцыі «Зіноўеўскія чытанні: Аляксандр Зіноўеў і сучасныя ідэалогіі», якая праходзіла пад патранажам Міжнароднага навукова-адукацыйнага цэнтра імя А. А. Зіноўева. Адбыліся панэльныя дыскусіі на тэмы «Роля філасофіі ў ідэалогіях і стратэгіях развіцця Расіі і свету», «Ідэалогія глабалізацыі і магчымыя альтэрнатывы», «Ідэалогія будучыні» і інш.

Пытанні рэгіяналізацыі і ў асаблівасці перспектывы BRICS разглядаліся на II Міжнародным сімпозіуме «Мегагісторыя і глабальная эвалюцыя», у рамках якога працавала навуковая школа для моладзі «Гістарычная глабалістыка: гістарычная эвалюцыя, сучаснасць і прагнозныя сцэнарыі развіцця глабальных сетак сувязей, глабальных працэсаў і інстытутаў планетарнага маштабу, а таксама ролі ў іх Расіі і BRICS».

Далейшае развіццё на кангрэсе атрымала канцэпцыя наасферызму. Аб ёй ішла размова на XXIII Міжнароднай навуковай канферэнцыі «Кандрацьёўскія чытанні: тупікі глабальнай эканомікі, пошук новай тэарэтычнай парадыгмы», мадэратарам якой з'яўляўся навуковы кіраўнік Інстытута эканомікі РАН Р. С. Грынберг. Выпрацаваныя на гэтай канферэнцыі прапановы ўвайшлі ў Рэкамендацыі Міжнароднага навуковага кангрэса. Адна з іх – наступная: «Удзельнікі Кангрэса падтрымліваюць палажэнне, што генеральнай мэтай пераадолення цывілізацыйнага крызісу і выхаду на траекторыю глабальнага ўстойлівага развіцця з'яўляецца станаўленне інтэгральнай, гуманістычна-наасфернай цывілізацыі на базе дыялогу і партнёрства цывілізацый і дзяржаў, сацыяльных слаёў і пакаленняў пры вядучай ролі ААН».

Не абышлі ўвагай арганізатары кангрэса і экалагічную праблематыку. Гэтаму была прысвечана праца секцыі «Глабальная экалогія і энергетыка». Атрымалі асвятленне і такія жыццёва важныя пытанні, як міжнародны турызм ва ўмовах глабалізацыйных выклікаў сучаснасці, чаму была прысвечана спецыяльная секцыя, менеджмент сацыяльных трансфармацый (працавала міжнародная школа ЮНЕСКА), дзейнасць ААН (быў арганізаваны круглы стол «Крызіс цывілізацыі ў кантэксце палітычных працэсаў і дзейнасць ААН»). Дыскусіі закранулі і праблему сучаснай адукацыі. У гэтым ключы выбудоўвалася праца секцый «Глабальная адукацыя і ўніверсітэты: сучасныя тэндэнцыі і погляд у будучыню» і «Нацыянальныя і глабальныя ўніверсітэцкія рэйтынгі: перспектывы развіцця».

І вядома ж, аргкамітэт міжнароднага форуму не мог не ўключыць у рабочую праграму спецыяльнае пасяджэнне вучоных, прысвечанае сацыяльнаму прагназаванню. Гэтыя пытанні атрымалі развіццё ў працэсе іх ўсебаковага абмеркавання на круглым stole «Глабальная будучыня: этнічныя выклікі і прастора магчымасцей для дружбы народаў». Зацікаўленасць выклікаў навуковы даклад замежнага члена РАН А. А. Акаева, у якім раскрыты метады камп'ютарнага мадэлявання з выкарыстаннем матэматычных макрамадэляў, якія адекватна апісваюць дынаміку сацыяльна-эканамічнага развіцця з улікам хвалевага цыклаў М. Д. Кандрацьева. Сама назва круглага стала нацэльвала дакладчыкаў, якія прадстаўлялі розныя этнасы і дзяржавы, на ўзаемапавагу і сяброўства. Хацелася б асабліва падкрэсліць, што сама атмасфера кангрэса ў немалой ступені спрыяла ўзаемаразуменню яго ўдзельнікаў.

У працы кангрэса актыўна ўдзельнічала моладзь – перш за ўсё студэнты, аспіранты і магістранты факультэта глабальных працэсаў МДУ імя М. В. Ламаносава. І не толькі ў якасці актыўных памочнікаў аргкамітэта, але і ў якасці аналітыкаў, даследчыкаў, што прадставілі цікавыя навуковыя даклады. Для маладых даследчыкаў у рабочую праграму былі ўключаны навуковыя школы, II Міжнародны сімпозіум «Мегагісторыя і глабальная эвалюцыя». Такім чынам, кангрэс на практыцы рэалізаваў ідэю пераемнасці ў навуковых супольнасцях.

Удзельнікі Міжнароднага навуковага кангрэса падрыхтавалі шэраг канкрэтных рэкамендацый па ўстойлівым развіцці свету, якія ў выглядзе праекта адобраны і прыняты за аснову на заключным пленарным пасяджэнні. Быў прыняты таксама зварот да навуковых, грамадскіх, палітычных і бізнес-колаў. Думаецца, гэтыя дакументы – Рэкамендацыі і Зварот – пазітыўна ўспрымуць у шырокіх колах грамадства, яны знойдуць і практычную рэалізацыю ў бліжэйшы час.

У рабоце кангрэса прынялі ўдзел і беларускія вучоныя. З навуковым дакладам «Беларуская наасферная мадэль глабальнага кіравання стваральным сацыяльна-эканамічным развіццём» выступіў саветнік НАН Беларусі, акадэмік П. Г. Нікіценка. Ён даў цэласную характарыстыку беларускай сацыяльна-эканамічнай сістэмы развіцця, асаблівасцю якой з'яўляецца спалучэнне інстытутаў рынкавай эканомікі з дзейнымі механізмамі дзяржаўнага рэгулявання і рэалізацыяй канкрэтных праграм сацыяльнай палітыкі. Вучоны адзначыў, што беларуская мадэль адпавядае гістарычным, палітычным, географічным, культурным і іншым асаблівасцям дзяржавы. Яе галоўныя складнікі – чалавек і прыродаахова. Пры яе распрацоўцы выкарыстоўваліся перш за ўсё уласныя тэарэтычныя ідэі, але ў ёй знайшло водгук і вучэнне вядомага рускага эканаміста А. Шторха аб народным багацці і цывілізацыі – дабротах нематэрыяльных, унутраных, да якіх аднесены здароўе, умненне, адукацыя, густ, норавы, звычаі, рэлігійнасць, бяспека, вольны час, а таксама яго ідэя аб магчымасці дасягнення гармоніі ва ўмовах рынкавай гаспадаркі пры зацікаўленасці і актыўнай дзейнасці ў гэтым кірунку дзяржавы. У дакладзе прадстаўлена і мадэль наасфернага ўстойлівага развіцця эканомікі як светапоглядны і ідэалагічны арыенцір Беларусі, як магчымы шлях яе інтэграцыі ў сусветную супольнасць. Толькі цяпер, падкрэсліў дакладчык, у тэорыях развіцця чалавечага і сацыяльнага патэнцыялу (капіталу), у вучэнні пра эканоміку ведаў, у найноўшым вучэнні пра наасферную эканоміку

сталі ў поўным аб'ёме распрацоўвацца праблемы, узнятыя калісьці А. Шторхам. Навукоўцы і палітыкі не выпадкова ўсё часцей звяртаюць позірк да светапогляднай мадэлі наасфернага ўстойлівага развіцця, якая ўяўляе сабой новую логіку сацыяльна-эканамічных стваральных паводзін чалавека на Зямлі. Распрацоўка канцэпцыі і мадэлі развіцця новага (наасфернага) укладу эканомікі, інавацыйнай стваральнай стратэгіі ўстойлівай жыццядзейнасці Беларусі ва ўмовах глабалізацыі ажыццяўлялася ў апошняе дзесяцігоддзе і аўтарам гэтага дакладу. На думку П. Г. Нікіценкі, галоўным эканамічным рэсурсам наасфернай эканомікі выступае не столькі інфармацыя ў выглядзе новых тэхналогій і тэхнікі (гэта другаснае), колькі розум, які забяспечвае развіццё патэнцыялу асобы, назапашванне яго наасфернага таварнага патэнцыялу. Адметнай асаблівасцю наасфернай эканомікі з'яўляецца рост навукаёмістасці ВУП і рэалізацыя як прыярытэтай патрэбы чалавека бесперапыннасці яго адукацыі на аснове росту навукаёмістасці ВУП. Менавіта бесперапыннасць адукацыі забяспечвае рост якасці працоўных рэсурсаў і магчымасць перспектывага росту арганічнага будынка вытворчасці, а такім чынам, павышэння яго інтэнсіфікацыі і эфектыўнасці на аснове навукова-тэхнічнага прагрэсу. У сувязі з вышэйпададзеным, зазначыў П. Г. Нікіценка, намі зроблена спроба распрацаваць светапоглядную парадыхію і арганізацыйна-кіраўнічую мадэль жыццядзейнасці на аснове духоўна-маральнай гармоніі самога Чалавека, Прыроды і Чалавецтва ва ўзаемадзеянні з Космасам.

У дакладзе «Саюзніцкія адносіны Беларусі і Расіі ў кантэксце сучаснага глабалізаванага свету» аўтар гэтых радкоў выказаў меркаванне, што розныя аспекты ўзаемаадносін Беларусі і Расіі, як і патанні пабудовы Саюзнай дзяржавы, трэба разглядаць і праектаваць менавіта праз прызму тых сучасных дынамічных эканамічных, сацыяльных і геапалітычных працэсаў, якія штодзённа і вельмі яскрава змяняюць аблічча краін і народаў планеты. Рэалізацыі дамоўленасцей дзвюх краін у значнай ступені перашкаджаюць іх розныя «вагавыя катэгорыі» і значныя адрозненні сацыяльна-эканамічных мадэляў. Ваенныя канфлікты, якія пракаціліся ў Расіі, карупцыйныя скандалы, дэфолт 1998 года і іншыя негатыўныя з'явы значна панізілі прывабнасць яе вобраза. Умацаванню Саюзнай дзяржавы сур'ёзна перашкаджае недастатковая распрацаванасць яе ідэалагічнай асновы, г. зн. тэарэтычнай канцэпцыі і праграмы, якія б у сістэмным выглядзе раскрывалі матэрыяльныя і духоўныя асновы яе пабудовы і існавання ў доўгатэрміновай перспектыве. Пры распрацоўцы канцэптуальнай мадэлі ідэалогіі Саюзнай дзяржавы ўяўляецца важным засноўвацца на багатым айчынным гістарычным і сучасным вопыце, пры гэтым не капіраваць палітычныя схемы СССР ці Еўропы, якія сябе не апраўдаўлі, але ў той жа час і не ігнараваць пазітыўны міжнародны вопыт міждзяржаўных адносін.

Кангрэс стаў карысным як для сацыяльна-гуманітарнай навукі, у тым ліку беларускай, так і для сацыяльнай практыкі. Ён дазволіў больш дэталёва азнаёміцца з разнастайнай сацыяльна-палітычнай карцінай сучаснага свету, рознымі навуковымі школамі і іх распрацоўкамі. Мы змаглі падзяліцца і сваімі меркаваннямі адносна прыроды, сутнасці і шляхоў вырашэння сучасных глабальных праблем. Усё гэта, несумненна, будзе спрыяць далейшаму плённаму даследаванню працэсу развіцця чалавека і грамадства ў XXI стагоддзі.

Информация об авторе

Адуло Тадеуш Івановіч – д-р филос. наук, проф., зав. Центром социально-философских и антропологических исследований. ГНУ «Институт философии НАН Беларуси» (ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail : tadoul@mail.ru.

Information about the author

Adoulo Tadeouch Ivanovich – D. Sc. (Philos.), Professor, Head of the Center of Social-Philosophical and Anthropological Research. Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus (Surganov Str., 1, b. 2, 220072, Minsk, Republic of Belarus). E-mail : tadoul@mail.ru.

Для цитирования

Адула, Т. І. Зменлівыя контуры свету XXI стагоддзя / Т. І. Адула // Герцев // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2016. – № 4. – С. 122–125.

For citation

Adoulo, T. I. The changing contours of the world of the 21st century. Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus, humanitarian series, 2016, no. 4, pp. 122-125.

М. У. Мікуліч

*Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры НАН Беларусі,
Мінск, Рэспубліка Беларусь*

ДАСЯГНЕННЕ ЛІТАРАТУРАЗНАЎЦАЎ

Напрыканцы мінулага года завершана выкананне Дзяржаўнай праграмы навуковых даследаванняў «Гуманітарныя навукі як фактар развіцця беларускага грамадства і дзяржаўнай ідэалогіі» (2011–2015), над якой працавалі гуманітары Беларусі. У рамках гэтай праграмы намаганнямі супрацоўнікаў аддзела ўзаемасувязей літаратур Інстытута літаратуразнаўства імя Янкі Купалы Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі выконваўся складаны праект «Нацыянальныя тыпы ментальнасці ў беларускай і еўрапейскіх літаратурах: ідэйна-эстэтычная спецыфіка, стылявая эвалюцыя, перакладчыцкая інтэрпрэтацыя».

Нацыянальны тып ментальнасці – гэта вызначальная духоўна-генетычная асаблівасць этнасу, яго ўласцівасць прадукваць і фарміраваць пэўную сацыякультурную карціну свету, аснову якой складаюць уяўленні чалавека пра з’явы і працэсы грамадскай рэчаіснасці. У дадзенай карціне цесна пераплецена прыродна-біялагічнае і культурна-цывілізацыйнае, ландшафтна-геаграфічнае і сацыяльнае, рацыянальнае і эмацыянальнае, псіхалагічнае і метафізічнае, свядомае і падсвядомае. У ёй аспекты індывідуальнага самапачуцця асобы арганічна паяднаны з грамадскімі настроймі і тэндэнцыямі. Адлюстроўваючы спецыфіку духоўна-псіхалагічнага жыцця народа, мастацкая літаратура абавязкова раскрывае характэрную нацыянальна-этнічную сістэму поглядаў, ацэнак, розуманастраў і паводзін герояў, што дзейнічаюць у адпаведнасці з пэўнымі сацыяльна-філасофскімі прынцыпамі і крытэрыямі. Гэтая сістэма грунтуецца на тых аб’ектыўных ведах і суб’ектыўных вераваннях, якімі валодае народнае асяроддзе, і разам з дамінуючымі патрэбнасцямі і архетыпамі калектыўнага падсвядомага фарміруе іерархію грамадскіх каштоўнасцей і прырытэтаў. Субліміраваўшыся ў характэрныя аспекты духоўна-філасофскай парадыгмы, нацыянальны тып ментальнасці такім чынам абумоўлівае прадукванне і функцыянаванне ў літаратуры тых ці іншых ідэйна-мастацкіх канстант і стылявых ліній.

У калектыўным даследаванні аддзела ўзаемасувязей літаратур упершыню ў літаратуразнаўстве прааналізаваны перадумовы зараджэння, станаўлення і эвалюцыі беларуска-іспанскіх культурна-літаратурных ўзаемасувязей, устаноўлены многія новыя факты, якія значна паглыбляюць ранейшыя ўяўленні пра гэтыя ўзаемасувязі. Увод «Дыярыуша» Ю. Харкевіча ў беларускую культурную прастору праз пасрэдніцтва перакладу на нацыянальную мову садзейнічаў асэнсаванню гістарычна-псіхалагічнай спецыфікі яго ідэасферы, у кантэкстуальным полі якой быў увасоблены канцэпт «Іспанія», што дазволіла паказаць асаблівасці ўспрымання культурнага, рэлігійнага жыцця іспанцаў, іх побыту, прыроднага свету ўраджэнцам беларуска-літоўскіх зямель, чые ўспаміны аб наведванні ў XVIII ст. далёкай паўдэваеўрапейскай краіны прыкметна вылучаюцца ў творы сваёй экзатычнасцю.

Акадэмічныя кампаратывісты звярнулі ўвагу на пашырэнне іспанскай тэматыкі ў творчасці беларускіх аўтараў XIX ст., звязанае як з актывізацыяй кантактных сувязей (удзел выхадцаў з беларускіх зямель у вайне Напалеона з Іспаніяй), так і з зараджэннем рамантызму. На матэрыяле твораў А. Міцкевіча «Бульба», «Дзяды», «Конрад Валенрод» і інш. разгледжана спецыфіка ўвасаблення нацыянальных канцэптаў шляхам пераасэнсавання інтрадуктаванага іспанскага матэрыялу.

Адметнасць нацыянальнага адлюстравання раманскага свету асэнсавана на прыкладзе «Успамінаў аб Іспаніі» Ф. Булгарына, а таксама «Погляду на Астурыю» А. Галынскага.

Адзначана, што зварот да іспанскіх матываў у беларускай літаратуры першай паловы XX ст. у вялікай ступені быў абумоўлены падзеямі грамадзянскай вайны ў Іспаніі, адлюстраванымі ў паэзіі Я. Купалы, М.Танка, В. Таўлая і іншых аўтараў.

У даследаванні прааналізаваны нацыянальнае і наднацыянальнае вымярэнні факта ананімнасці выдання шэрага буйных польскамоўных беларускіх эпічных твораў XIX ст. Выяўлена, што такая ўстаноўка бярэ пачатак у адчуванні пісьменнікамі вялікай сацыяльнай адказнасці перад сучаснікамі і нашчадкамі за разгортванне «гісторыі», яна распаўсюджваецца на забаўляльныя, негістарычныя творы (Г. Мастоўская), знаходзіць раскрыццё ў вальтэрскотаўскай фіксацыі дэталю побыту мінулага (В. Савіч-

Заблоцкі, І. Яцкоўскі і інш.). У працэсе аналізу польскамоўнай беларускай прозы XIX ст. у кантэксце еўрапейскай устаноўлена, што традыцыя ананімнага выдання твораў развівалася ў двух варыянтах, якія трывала замацаваліся ў еўрапейскіх, у тым ліку і славянскіх літаратурах. Першы варыянт запачаткаваны Г. Уолпалам і засноўваецца на ідэі знойдзенага або атрыманага ў спадчыну старажытнага рукапісу. Другі паходзіць ад «Апавяданняў карчмара» В. Скота і грунтуецца на ідэі запісу твораў, пачутых пры пэўных абставінах, якія ў славянскай традыцыі часта звязаны з феноменам вечарніц (М. Гогаль, В. Савіч-Заблоцкі). І ў пісьмовай, і ў вуснай формах бытавання артэфакты пазіцыянуюцца як цікавыя і павучальныя, таму вартыя друку.

У калектыўнай працы пераканаўча паказана, як мастацкая проза Я. Баршчэўскага, В. Савіча-Заблоцкага, І. Яцкоўскага, І. Ходзькі і іншых пісьменнікаў дазваляе пераадолець успрыманне радаводу нашай культурнай спадчыны як выключна «сялянскага», таму што запаўняе прабел у гісторыі айчынай культуры, звязаны з адсутнасцю ўвасаблення жыцця нацыянальнай арыстакратыі.

Акадэмічныя кампаратывісты прааналізавалі асноўныя тэндэнцыі гісторыка-культурнага развіцця ў Беларусі і Украіне першай паловы XX ст. Як прыкметная рыса таго перыяду адзначана ўвага да чалавека і яго душэўна-пачуццёвага свету, якая спалучаецца з фундаментальнымі задачамі нацыянальнага самавызначэння героя, спасціжэння глыбінных слаёў народнай псіхалогіі, асноў нацыянальнай ментальнасці, перадачы цэласнага і каларытнага аблічча этнасу, выяўленага ў «часе-прасторы».

У працы выяўлена спецыфіка мастацка-вобразнага асвятлення хранатопу горада ў беларускай і ўкраінскай паэзіі першай паловы XX ст. Праз паэтычныя характарыстыкі асаблівасцей гарадскога ладу жыцця чалавека, духоўна-псіхалагічных працэсаў творцы скіроўвалі ўвагу на «антынамічнасці горада як яго фундаментальнай ўласцівасці». У светаўспрыманні мастакоў слова насцярожана-стрыманая, а часам і адкрыта негатыўныя адносіны да горада карэлявалі з прызнаннем яго як праявы і гаранту прамысловага, навуковага, культурнага прагрэсу, магчымасці выйсці за межы старога ўтылітарнага побыту да больш дасканалых, дынамічных і свабодных форм жыцця. Аналіз мастацкіх тэкстаў дазволіў засяродзіць увагу на тым, што, выступаючы складнікам маштабнага гістарычнага працэсу, горад – не толькі маркёр, але і ключавое звязно дзяржаўна-культурнага будаўніцтва і нацыянальнай ідэнтыфікацыі. Параўнальны аналіз выявіў адрознасць рэсурсаў нацыянальнай ідэнтыфікацыі ў беларускай і ўкраінскай паэзіі 1920–1930-х гг. Адзначана спецыфіка мастацка-вобразнага ўвасаблення ў беларускай і ўкраінскай паэзіі індустрыяльнага пейзажу як спосабу адлюстравання тэхнічных пераўтварэнняў, змен у гарадскім жыцці, іх экалагічных наступстваў пад уплывам прамысловай рэвалюцыі. Закранаюцца своеасаблівыя псіхалагічныя прытцыпы ўспрымання творцамі гарадскога асяроддзя, абумоўленыя іх сацыяльнай устаноўкай, т. зв. аціццюд. Эстэтычная пазіцыя беларускіх аўтараў у дачыненні гарадскога ладу жыцця абумоўлена сувязямі ментальнага тыпу беларуса, засяроджанага, няспешна разважлівага, сфарміраванага акумуляючай энергетыкай прыродна-вясковых ландшафтаў. Зроблены высновы аб тым, што беларускія і ўкраінскія паэты, акрэсліўшы новы ўрбаністычны вектар развіцця нацыянальнага мастацтва слова, праз індустрыяльны, культурны і псіхалагічны пейзаж індывідуальна-творча і нацыянальна-своеасабліва выявілі горад як самастойны эстэтычны аб'ект, феномен цывілізацыйнага поступу ў яго разнастайных праявах.

У другой тэматычна акрэсленай частцы даследавання звяртаецца ўвага на прыродна-ландшафтныя кампаненты ў мастацка-эстэтычнай карціне свету як крэатыўную стыхію, што валодае невычэрпнымі магчымасцямі ў перадачы аксіялагічнай, этыка-філасофскай змястоўнасці быцця. Заўважана, што на прыродныя топасы экстрапалуюцца важнейшыя сэнсавыя параметры духоўнай і фізічнай арганізацыі спосабу жыцця нацыянальнай супольнасці. Так, сімволіка-метафарычная насычанасць прыродна-паэтычных вобразаў Я. Коласа і М. Рыльскага, А. Куляшова і А. Малышкі (у прыватнасці, вобраза лесу) дазваляе інтэрпрэтаваць іх як код дыялектычнага пазнання нацыянальнага космасу Беларусі і Украіны. Прааналізаваны шэраг тыпалагічна падобных вобразаў-сімвалаў расліннага свету ў паэзіі М. Багдановіча і ўкраінскіх паэтаў А. Алеса, А. Крымскага, У. Самойленкі, М. Чарняўскага. Вызначаны іх мастацка-эстэтычная вартасці і функцыянальная роля ў паэтычных тэкстах як маляўнічых ландшафтна-тапанімічных адзінак нацыянальнай жыццяпрасторы, трансляраў сутнасных духоўна-нацыянальных канстант і сімволікі адраджэнца-патрыятычнага зместу.

На аснове параўнальнага аналізу працэсаў развіцця сучаснай беларускай і рускай паэзіі раскрыты характэрныя асаблівасці ўспрымання аўтарамі Беларусі і Расіі, а таксама замежных краін, іх традыцый і каштоўнасцей як «свайго» і «чужога», вызначаны асноўныя рысы беларускага, рускага і іншанацыянальных характараў і гібрыднай ідэнтычнасці, Парыжскага і Венецыянскага тэкстаў культуры, выяўлены адзнакі нацыянальнай паэтычнай філасофіі, мастацтва і феномена кахання, а таксама нацыянальных вобразаў прыроды, гісторыі і культуры. Устаноўлена, што айчыныя вобразы свету і чалавека ў сучаснай беларускай і рускай паэзіі спрыяюць этнічнай самаідэнтыфікацыі і самапазнанню літаратур, а іншанацыянальныя ўзбагачаюць айчыннае светаўспрыманне і светаразуменне адметнымі рысамі замежнай экзатычнай

ментальнасці, філасофіі, культуры і каларыту. Творы беларускіх і рускіх паэтаў па этнічным пытанні са-дзеінічаюць замацаванню духоўна-светапоглядных і выяўленча-мастацкіх асаблівасцей розных краін, нацыянальных характараў і канцэптасферы ў свядомасці сучаснага свету ва ўмовах глабалізацыі і дыялогу культур, тым самым даючы магчымасць розным народам праз паэзію і літаратуру захаваць сваю нацыянальную ідэнтычнасць.

Параўнальны аналіз маладой рускай і беларускай рускамоўнай паэзіі засведчыў, што вялікі ўплыў на яе развіццё аказалі буйныя сацыяльныя, палітычныя, эканамічныя і культурныя перамены ў грамадскім жыцці, такія як «перабудова», развал СССР і іншыя, якія паслужылі стартавым момантам для глыбінных зрухаў у грамадскай свядомасці.

1980-я – пачатак 1990-х гг. у Мінску былі адзначаны высокай актыўнасцю авангардных арт-груп, творчых аб'яднанняў «Форма», «Плюраліс», «Галіна», «Квадрат», «Камікон», «Беларускі клімат» і іншых, якія адыгрывалі значную ролю ў фарміраванні беларускай культурнай прасторы таго часу. Яркі след у айчынным авангардным мастацтве 1990–2000 гг. пакінулі Ігар Корзун, Ігар Палевікоў, Мікалай Раманоўскі і іншыя беларускія паэты, мастакі і дызайнеры.

Устаноўлена, што базавым прынцыпам творчасці многіх маладых аўтараў з'яўляецца развіццё фармальна-змястоўнага інавацыйнага патэнцыялу слоўнага знака, у аснове якога ляжаць вынікі мастацкага сінтэзу вербальнага знака з візуальным. Эстэтычная рэалізацыя гэтага прынцыпу змяшчаецца ў сферы паэтычнага эксперымента з фармальным і змястоўным бокам паэтычнага слова, яго графічным аспектам (што прасочваецца ў ранняй творчасці Д. Строцава, творах Д. Плакса, Р. Бернштэйна, У. Сурыкава, Д. Дзмітрыева), а таксама пры стварэнні адмысловай мастацкай прасторы на стыках літаратурнай творчасці з выяўленчым мастацтвам – жывапісам (Л. Русава), графікай (Д. Строцаў, Д. Плакс), каліграфіяй (І. Палевікоў), фатаграфіяй і дызайнам (І. Корзун).

У сучасным вербальным мастацтве мова разглядаецца аўтарамі як адмысловы феномен быцця, які аказвае вялікі ўплыў на свядомасць аўтара. Верагодна, гэтым абумоўліваецца характэрная малаэмацыянальнасць і некаторая адхіленасць лірычных суб'ектаў эксперыментальнай паэзіі ад вынікаў сваёй творчасці, адчуваецца імкненне паэтаў максімальна аб'ектывізаваць погляд на навакольны свет. У зместавым плане назіраецца зрух увагі аўтараў з «вечных тэм» на паўсядзённыя, звычайныя праблемы – адбываецца так званая «паэтызацыя рэчаіснасці».

У даследаванні выяўлены асаблівасці перакладаў еўрапейскага санета на беларускую мову. На аснове глыбокага аналізу шматлікіх перакладных тэкстаў заўважана, што ў пачатку XX стагоддзя паступова складваецца дзве стратэгіі напісання і перакладу санета – «купалаўская» і «багдановічаўская». Першая дазваляе мадэрнізацыю класічнага санета, захоўваючы санетны малюнак рыфмы, выкарыстоўвае трох-стопныя вершаваныя памеры, дапускае метрычную разнастайнасць. Другая прытрымліваецца класічнага сілаба-танічнага санета, у аснову якога пакладзены ўзоры французскага, нямецкага і рускага сілаба-танічнага верша. Вядомы даследчык Я. Барычэўскі ў сваёй кнізе «Тэорыя санета» становіцца на бок «багдановічаўскага» шляху стварэння і перакладу санета, аднак беларускія паэты працягваюць прытрымлівацца дзвюх стратэгий, напрыклад, У. Жылка – «багдановічаўскай», Ю. Гаўрук – «купалаўскай». Гэтыя дзве тэндэнцыі «працягваюць жыць» і ў XXI стагоддзі.

У калектыўнай працы акрэслены крытэрыі кампаратывісцкага аналізу перакладаў «Крымскіх санетаў» А. Міцкевіча на беларускую мову. Даказана, што на аўтарскі стыль перакладчыка звычайна ўплывалі як сацыяльна-палітычная сітуацыя, так і развіццё беларускай версіфікацыйнай сістэмы. Пры перакладзе санетаў Міцкевіча на беларускую мову ў большасці перакладчыкаў заўважаюцца спробы прыстасавання польскай сілабікі да беларускай сілаба-танічнай сістэмы вершаскладання. Асобна вылучаецца дыфузны (кампрамісны) з пункту гледжання фармальных прыкмет шлях перакладу польскіх санетаў на беларускую мову (напрыклад, у перакладах М. Танка, У. Мархеля, М. Кандратава).

У даследчай працы прымаецца тэзіс аб тым, што «анегінская страфа» – гэта пушкінскі санет (па аналогіі з шэкспіраўскім, спенсераўскім санетам). На аснове гэтага робіцца параўнальны аналіз перакладу рамана ў вершах А. Пушкіна «Яўгеній Анегін», выкананага А. Куляшовым і захаваных урыўкаў перакладу гэтага твора А. Дудара. Выяўлены перакладчыцкія стратэгіі пры пераадоленні праблемы захавання знешніх фармальных прыкмет, а таксама пошуку адэкватнага адпаведніка метафар і рускамоўных устойлівых словазлучэнняў на беларускую мову. Вылучаны стылявыя інавацыі Алеся Дудара і Аркадзя Куляшова.

Апісаны і асэнсаваны ўдалыя і «спрэчныя» тэкстуальныя замены пры працы перакладчыкаў над беларускамоўным варыянтам знакамітай паэмы. У асноўным Аркадзю Куляшову ўдалося добра перадаць змест і знайсці адпаведную вобразнасць арыгіналу, яго перакладчыцкая стратэгія дазволіла стварыць набліжаны да пушкінскага эквіартыстычны твор. Магчыма, што ў першым і трэцім раздзелах рамана ў перастварэнні Алеся Дудара тэмпарытм больш жвавы, чым ва ўвасабленні Аркадзя Куляшова, дзе болей акадэмізму. Абодва паэты, можна сцвярджаць, узорна перастварылі «анегінскую страфу» – своеасаблівы

пушкінскі санет, – увёўшы яго ў кантэкст беларускага літаратурнага працэсу. Поўны тэкст «Яўгенія Анегіна» ў перакладзе Аркадзя Куляшова фактычна завяршае перакладчыцкі дыскурс знакамітага пушкінскага рамана ў вершах.

Перакладны санет і ў XXI стагоддзі адыгрывае важную ролю ў беларускім літаратурным працэсе, пра што сведчыць зварот перакладчыкаў новага пакалення да гэтага жанру (напрыклад, пераклад санетаў Фернанду Пэсао). Санет як строгая складаная форма выступае маркерам майстэрства перакладчыка і развіцця беларускай версіфікацыйнай сістэмы.

Такім чынам, у выніку глыбокага параўнальна-тыпалагічнага аналізу, раскрыцця сацыяльна-гістарычных традыцый і каштоўнасцей, нацыянальна-індыўідуальных адрозненняў і сыходжанняў, пісьменніцкіх феноменаў, арыгінальнага мастацкага мыслення ўпершыню ў гуманітарнай навуцы выканаўцамі праекта выяўлены дамінантныя характарыстыкі інтэгральнай асновы духоўна-эстэтычнага свету беларускай і еўрапейскіх літаратур – рускай, украінскай, польскай, англійскай, іспанскай і інш.

Информация об авторе

Мікуліч Ніколай Владиміровіч – канд. філал. наук, зав. отделом взаимосвязей литератур. ГНУ «Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси» (ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail : mikmik43@gmail.com.

Information about the author

Mikulich Nikolay Vladimirovich – Ph. D. (Philol.), Head of the Department of interrelations of literatures. Centre for Belarusian Culture, Language and Literature Research of the National Academy of Sciences of Belarus (Surganov Str., 1, b. 2, 220072, Minsk, Republic of Belarus). E-mail : mikmik43@gmail.com.

Для цитирования

Мікуліч, М. У. Дасягненні літаратуразнаўцаў / М. У. Мікуліч // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2016. – № 4. – С. 126–129.

For citation

Mikulich M. U. Achievement of literary critics. Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus, humanitarian series, 2016, no.4, pp. 126-129.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

I. Статьи о результатах работ, проведенных в научных учреждениях, должны иметь разрешение на опубликование (сопроводительное письмо дирекции соответствующего института или ректората, выписку из протокола заседания ученого совета, отдела или кафедры).

II. Статья предоставляется в редакцию в двух экземплярах на белорусском, русском или английском языках; шрифт – Times New Roman, кегль – 14 (в том числе в формулах); межстрочный интервал – 1,5. Занумерованные формулы выключаются в отдельную строку. В тексте не допускаются рукописные вставки и наклейки. Статья должна быть подписана всеми авторами.

III. Статья должна иметь следующую структуру:

1. Индекс по Универсальной десятичной классификации (УДК);

инициалы и фамилия автора;

полное наименование учреждения, где работает автор, с указанием города и страны;

название статьи.

2. Аннотация на русском языке (авторское резюме) объемом 150–250 слов должна кратко представлять результаты работы и быть информативной, понятной, в том числе и в отрыве от основного текста статьи, хорошо структурированной (один из вариантов написания аннотации – краткое повторение структуры статьи, включающее введение, цели и задачи, методы, результаты, заключение или выводы).

3. Ключевые слова на русском языке – набор слов, отражающих содержание текста в терминах объекта, научной отрасли и методов исследования; рекомендуемое количество ключевых слов 5–10.

4. Метатекстовые данные (все то, что предшествует основному тексту статьи) приводятся на английском языке, причем аннотация (не менее 100 слов) должна быть оригинальной (т. е. не являться дословным переводом русскоязычной аннотации).

5. Основной текст статьи должен составлять 10–16 с. (т. е. около 30 тыс. знаков); в этот объем также входят таблицы и рисунки, число которых не должно превышать 3. Изложенный материал должен быть четко структурированным: введение, цели и задачи, методы, результаты, заключение (выводы). В русскоязычных и белорусскоязычных статьях рекомендуется делать подрисовочные подписи и надписи на самих иллюстрациях на двух языках – *русском и английском*.

Англоязычные и белорусскоязычные статьи должны содержать аннотацию на русском языке (150–200 слов) с ключевыми словами (5–10 слов).

6. Список использованных источников (от 15 до 40 ссылок) оформляется в соответствии с требованиями Высшей аттестационной комиссии Республики Беларусь (ГОСТ 7.1-2003). Цитируемая литература приводится общим списком по мере упоминания, ссылки в тексте даются порядковым номером в квадратных скобках (напр., [1]); ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

7. Список цитированных источников приводится в романском алфавите («References») со следующей структурой: авторы (транслитерация), название статьи в транслитерированном варианте [перевод названия статьи

на английский язык в квадратных скобках], название русскоязычного источника (транслитерация) [перевод названия источника на английский язык – парафраз (для журналов можно не делать)], выходные данные с обозначениями на английском языке (http://elsevierscience.ru/files/kirillova_editorial.pdf).

8. Если присутствует информация о финансировании (поддержке грантами проектов и т. п.), ее следует давать на *русском и английском языках* под заголовками «Благодарности» («Acknowledgements») в конце статьи.

IV. Для подготовки метаданных (информация об авторах) на отдельной странице следует указать на *русском и английском языках* для каждого автора: фамилию, имя и отчество (полностью), ученую степень, звание, должность, место работы с указанием адреса, контактную информацию (e-mail, телефоны).

V. Электронный вариант статьи предоставляется на USB-флеш-накопителе или присылается по электронной почте в редакцию журнала – humanvesti@mail.ru. Текст должен быть набран в Word под Windows, формулы – в редакторе MathType. Собственным редактором формул версий Microsoft Office 2007 и выше пользоваться нельзя, так как в редакционно-издательском процессе он не поддерживается. Вставку символов выполнять через меню «Вставка\Символ». Выключку вверх и вниз (C^2 , C_4) выполнять через меню «Формат\Шрифт\Верхний индекс», «Формат\Шрифт\Нижний индекс». Латинские буквы необходимо набирать *курсивом*, греческие – прямо (для набора греческих символов следует пользоваться гарнитурой Symbol).

VI. Черно-белые и цветные рисунки вставляются в текст статьи (Word), а также даются в виде отдельных файлов в формате tif (600 точек на дюйм). Желательно также предоставлять их в формате оригинала (Corel, диаграммы в Excel, Origin Pro и т. д.), т. е. в той программе, в которой они выполнены. Текст на рисунках набирается основной гарнитурой, причем начертание символов (греческое, латинское) должно соответствовать их начертанию в тексте. Размер кегля соизмерим с размером рисунка (желательно 8 пунктов). На обороте рисунков (если они даются отдельно) указываются фамилия автора, название статьи. Фотографии предоставляются в виде файлов (tif, jpg, png, eps) и в распечатанном виде.

VII. Поступившая в редакцию статья направляется на рецензию, затем визируется членом редколлегии. Основными критериями целесообразности публикации являются новизна и информативность статьи. Если по рекомендации рецензента статья возвращается автору на доработку, то переработанная рукопись вновь рассматривается редколлегией. Статьи не по профилю журнала возвращаются авторам после заключения редколлегии. Оформленные не по правилам журнала статьи редакцией не принимаются.

Материалы для публикации следует направлять по адресу: ул. Академическая, 1, к. 119, редакция журнала «Весті НАН Беларусі. Серія гуманітарных навук», 220072, г. Минск, Республика Беларусь: тел. для справок: +375 17 284 19 19 (вторник), +375 17 369 76 52 (пятница) либо по электронной почте: humanvesti@mail.ru или через онлайн-форму на сайте.